

ISSN 2224-1620

16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 1(47)

2023

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 1(47)
2023

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011) ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году. Выходит 2 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета 432017, Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Адрес редакции

432017, Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Адрес издательства

432017, Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Адрес типографии

432017, Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 14.06.2023.
Дата выхода в свет 19.06.2023.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 21,7.
Тираж 2000 экз. Заказ 14

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Список редколлегии по специальности 13.00.00**

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чженчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилава Георгий Валерьянович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмшина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

© Ульяновский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	9
Бимеева А. Р. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1945—1953 ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	9
Кузнецов В. Н. БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ ВЕСНОЙ 1917 Г.: ДИСКУССИИ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)	17
Кузнецов В. Н. ДВА ТЕРАКТА В САМАРЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.	24
Точеный М. Д. Р. А. РУДЕНКО — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ	31
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	36
Барсукова С. И. ОСОБЕННОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ	36
Барсукова С. И. СПЕЦИФИКА ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ III УРОВНЯ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ	41
Вдовина О. Н., Чичкова Е. В., Гемранова А. Д. ИССЛЕДОВАНИЕ ВКУСОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	48
Власова О. О. МОДЕЛЬ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ: ОПЫТ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	57
Добрецов А. В. ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ОБЩЕСТВО	62
Емельяненко А. В., Скрипник Н. А. ВОСПРИЯТИЕ РЕКЛАМЫ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ЧЕРТАМИ	66
Каленик Е. Н. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОБУЧЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ С ОВЗ МЛАДШИХ КУРСОВ ВУЗА	71
Каширин В. А., Коновалова Л. В., Гурьянов А. М., Насибуллина И. А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ	77
Лу Вэньчжу ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ	83
Митин С. Н., Архипова И. А. КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ МОДУЛЮ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ОБЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ	87

Михайлова И. В., Игсанова Л. И. ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОКОЛЕНИЯ Y И Z	91
Седунова А. С. К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ КОМПЕТЕНТНОГО ПОРТРЕТА СТУДЕНТА	98
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	106
Еремеева Е. А. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНСТИТУЦИЯ» И «УСТАВ»: ЭТИМОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ	106
Окутина Н. Н., Шишлова К. М. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ	111
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	117
Ефремова Д. Н., Митина И. Д. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЕЕ	117
Краева А. Г. К ВОПРОСУ О КРИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ КАК БАЗОВОМ МЕХАНИЗМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	123
Мартыненко А. В. ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕТОДОМ МИФОЛОГИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА	129
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	137
Андреева Ю. В., Рогова Д. В. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	137
Егорова Э. В., Михеева А. В. ДИСКУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	145
Крашенинникова Н. А. ФЕНОМЕН МОЛОДЕЖИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	149
Федулова А. В., Талина И. В. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	154
Ходжаян Е. Г. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ	160
ИНФОРМАЦИЯ	172
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	172
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. <i>ОБЛИК НИКОЛАЯ II. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ДОБРА?</i> РЕЦЕНЗИЯ на книгу И. Ордынской «СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ» (М.: Молодая гвардия, 2022. 399 с.)	172

Знаменательные даты, юбилеи	179
Петрова Г. И. УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ — 80 ЛЕТ	179
Наши авторы	183
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	187

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY		9
Bimeeva A. R.	HEALTHCARE SYSTEM IN THE TERRITORY OF THE RSFSR IN 1945—1953: A HISTORIOGRAPHIC REVIEW	9
Kuznetsov V. N.	BOLSHEVIKS AND MENSHEVIKS IN SPRING 1917: DISCUSSIONS OF UNITING (AS EXEMPLIFIED IN SIMBIRSK, SAMARA AND SARATOV PROVINCE)	17
Kuznetsov V. N.	TWO TERRORIST ATTACKS IN THE DAYS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION 1905—1907	24
Tochiony M. D.	R. A. RUDENKO — PROSECUTOR-GENERAL OF THE SOVIET UNION AND HIS ROLE IN HISTORY	31
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS		36
Barsukova S. I.	FEATURES OF INFLECTION AND WORD FORMATION IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT	36
Barsukova S. I.	SPECIFICS OF SPEECH THERAPY WORK WITH CHILDREN OF THE III LEVEL OF SPEECH DEVELOPMENT	41
Vdovina O. N., Chichkova E. V., Gemranova A. D.	RESEARCH OF TASTE PREFERENCES OF A PERSON: PSYCHOLOGICAL ASPECT	48
Vlasova O. O.	MODEL OF INDIVIDUALIZATION OF EDUCATION BASED ON UNIVERSITY ELECTIVE COURSES: EXPERIENCE OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY	57
Dobretsov A. V.	THE INFLUENCE OF MUSIC ON SOCIETY	62
Emelyanenkova A. V., Skripnik N. A.	PERCEPTION OF ADVERTISING BY CONSUMERS WITH DIFFERENT PERSONALITY TRAITS	66
Kalenik E. N.	ASSESSING THE IMPACT OF EDUCATION ON THE SOCIAL HEALTH OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN JUNIOR UNIVERSITY COURSES	71
Kashirin V. A., Konovalova L. V., Guryanov A. M., Nasibullina I. A.	IMPROVEMENT OF PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS BY MEANS OF ATHLETIC GYMNASTICS	77
Lu Wenzhu	ETHNOCULTURAL ASPECT OF MUSIC PEDAGOGY	83
Mitin S. N., Arkhipova I. A.	QUALIFICATION EXAMINATION IN A PROFESSIONAL MODULE AS A MEANS OF ASSESSING THE LEVEL OF FORMATION OF GENERAL COMPETENCIES	87

Mikhailova I. V., Igsanova L. I. FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF GENERATIONS Y AND Z.....	91
Sedunova A. S. TO THE QUESTION OF DESIGNING THE COMPETENCE PORTRAIT OF A STUDENT	98
JURISPRUDENCE	106
Eremeeva E. A. CORRELATION OF THE CONCEPTS «CONSTITUTION» AND «CHARTER»: ETYMOLOGICAL AND LEGAL RATIONALE AND MODERN PRACTICAL APPLICATION.....	106
Okutina N. N., Shishlova K. M. ELECTORAL ABSENTEEISM AS A PROBLEM OF THE ELECTORAL PROCESS IN RUSSIA AND WAYS TO OVERCOME IT	111
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	117
Efremova D. N., Mitina I. D. MODERN TECHNOLOGIES IN THE MUSEUM	117
Kraeva A. G. CRITICAL THINKING AS THE BASIC MECHANISM OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF SOCIETY IN CONDITIONS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION	123
Martynenko A. V. PROBLEM OF CONSTRUCTING URBAN IDENTITY BY THE METHOD OF MYTHOLOGIZATION THROUGH THE EXAMPLE OF THE CITY OF ULYANOVSK.....	129
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	137
Andreeva Yu. V., Rogova D. V. APPLIED ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC SCIENTIFIC COMMUNICATION.....	137
Egorova E. V., Mikheeva A. V. DISCOURSE OF SOCIAL PROBLEMS DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC	145
Krashennnikova N. A. YOUTH PHENOMENON: DEFINITION AND MAIN CHARACTERISTICS.....	149
Fedulova A. V., Talina I. V. ENERGY FACTOR IN WORLD POLITICS.....	154
Khodzhayan E. G. SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF CULTURE IN THE ULYANOVSK REGION.....	160
INFORMATION	172
Summaries of scientific articles, reviews, responses	172
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. <i>WAS NICHOLAS II THE PERSONIFICATION OF GOODNESS?</i> REVIEW of the book by I. Ordynskiy "SAINT TSAR FAMILY" (M.: Publishing house "Young Guard", 2022. 399 c.)	172

Memorable dates, jubilees	179
Petrova G. I. ULYANOVSK REGION IS 80 YEARS OLD	179
Our authors	183
Rules of representation and registration of mounting of articles by authors for publication in the "SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"	187

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Р. Бимеева

Старокулаткинская
средняя школа № 2
имени Героя РФ
Р. М. Хабибуллина
(Ульяновская область,
р. п. Старая Кулатка,
Россия)
bimeeva93@mail.ru

**СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1945—1953 ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

В статье рассматривается система здравоохранения на территории РСФСР первых послевоенных лет. В работе приводится обзор научной литературы, посвященной данной проблематике. Анализ изученных работ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на тяжелые последствия Великой Отечественной войны, система здравоохранения в годы восстановления народного хозяйства развивалась по восходящей линии. Качество медицинского обслуживания определяет уровень повседневной жизни граждан. В первые послевоенные годы система здравоохранения на всей территории СССР находилась в состоянии чрезвычайного упадка: разрушенная инфраструктура, голод 1946—1947 гг., экономический кризис и прочие трудности и вовсе усугубляли общее положение. Целью статьи является рассмотрение системы здравоохранения на территории РСФСР в 1945—1953 гг. Задачи работы: 1) описание общих тенденций в области здравоохранения и медицины РСФСР в послевоенные годы; 2) обзор трудов, анализирующих здравоохранение и медицинское обслуживание на территориях, пострадавших при оккупации или от проведения боевых действий; 3) обзор трудов, посвященных ситуации в данной сфере на территориях, не пострадавших напрямую в ходе Великой Отечественной войны. При изучении использовались следующие методы: историко-хронологический, идеографический (описательный), анализ, синтез.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинское обслуживание, повседневность, поликлиника, больница, смертность, рождаемость, голод, кризис.

Голод 1946—1947 гг. нанес тяжелейший удар по состоянию здоровья граждан и санитарно-эпидемиологическому положению страны, спровоцировав появление новых болезней и инфекций, таких как септическая ангина, сыпной тиф, алиментарная дистрофия, осложнявшаяся пневмонией, туберкулезом, дизентерией, которые зачастую приводили к летальному исходу. В стационарах критически не хватало мест для госпитализации пациентов, поэтому больным оказывали медицинскую помощь на дому. Министерство здравоохранения доставило 129 тыс. хлопчатобумажных тканей, 12 тонн рыбьего жира, более 4 тонн разных медикамен-

тов и витаминов, 6 тонн дрожжей в очаги голода. В борьбе с тифом укреплялась работа противоэпидемиологических служб — создавались и расширялись противоэпидемиологические станции [14, с. 119—125]. В сельской местности, помимо дистрофии, свирепствовала септическая ангина, которая возникала по причине употребления в пищу остатков зерен, сохранившихся на полях под снегом с предыдущего года и собранных весной после таяния снега. Городские жители (рабочие, иждивенцы, дети) также пострадали от голода, несмотря на то, что хотя бы в минимальной степени обеспечивались хлебом по карточкам. Растущий и неокрепший организм

детей, нуждающихся в правильном питании, при недоедании легче всего поддавался всяким видам заболеваний. В период голода детская смертность возросла по СССР на 60,4 %, а по РСФСР — на 58,6 %. Основными факторами детской смертности явились дистрофия, желудочно-кишечные заболевания (диспепсия, дизентерия и энтериты), пневмония и другие виды инфекций. Минздрав СССР распорядился организовать 2558 временных коек для больных дистрофией. Государство принимало меры по сохранению жизни детей: в регионах, охваченных голодом, были организованы пункты, в которых взрослые и дети получали питание, в городах для детей открывались оздоровительные площадки с усиленным питанием, было увеличено число молочных кухонь и раздаточных пунктов, на которые выделили 400 млн порций детского питания. Однако высокая статистика детской смертности позволяет сделать вывод о том, что указанные меры были недостаточными, а сеть лечебных учреждений не имела возможности оказать всем медицинскую помощь [1, с. 265—269].

На высокую смертность детей и младенцев в послевоенные годы повлиял не только голод, но и состояние здоровья женщин в целом, которое было ослаблено в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. К 1950 году причины смертности практически не изменились, так как качественные изменения совершаются в течение нескольких лет по мере улучшения социально-экономического положения людей [15, с. 242].

Кристофер Б., анализируя состояние здравоохранения в первые послевоенные годы, рассуждает над вопросом «уместно ли считать СССР страной благоденствия» [2]. Автор полагает, что «государства благоденствия» были построены в первые послевоенные годы в капиталистических странах Западной Европы, а не в коммунистическом СССР. Однако он констатирует прогресс в области здравоохранения СССР, несмотря на экономический кризис послевоенных лет, голод 1946—1947 гг., низкий уровень зарплат и дефицит компетентных медицинских работников (при том, что значительные средства направлялись на развитие ВПК). По мнению автора, улучшения наметились благодаря методам генерал-полковника Е. И. Смирнова, возглавлявшего Министерство здравоохранения СССР с 1947 по 1952 год. К 1947 году в поликлиниках, по сравнению с больницами, врачи имели низкий уровень компетентности, поэтому Е. И. Смирнов посчитал необходимым объеди-

нить персонал больниц и поликлиник с целью повышения качества работы последних. Считается, что данная мера позволила врачам поликлиник научиться точнее определять диагнозы и лучше лечить пациентов. В то же время Е. И. Смирнов пытался модернизировать здравоохранение в сельской местности путем направления медицинских специалистов в районные центры и покупки нового оборудования. Глава Минздрава был убежден, что врачи при заводах были оторваны от практики, сложившейся в стационарах, поэтому одним из итогов реформы стала организация медсанчасти. Изменения не всегда проходили гладко: медицинские работники покинули здравпункты на предприятиях, а медсанчасти не успевали открываться в нужном количестве, вследствие чего возникла проблема острой нехватки врачей на производстве. Большинство предприятий осталось и вовсе без профессиональной медицинской помощи, поэтому с 1949 года показатели здоровья рабочих по сравнению с другими категориями населения ухудшились [2, с. 543—548]. Однако критики реформ Е. И. Смирнова утверждают, что от них пострадали все категории [2, с. 551, 553].

Таким образом, согласно К. Бартону, СССР периода 1945—1953 гг. неуместно считать «государством благоденствия», так как страна находилась в состоянии экономического, социального и демографического кризиса.

Более детальное представление о состоянии здравоохранения в послевоенные годы и об итогах преобразований с 1947 по 1953 год мы можем получить благодаря исследователям, изучавшим данный вопрос на материалах определенных регионов. В целях анализа и сравнения условно разделим территорию РСФСР на две зоны: 1) территории, охваченные оккупацией и активными боевыми действиями, и 2) области, которые миновало вторжение немецких войск. Сначала рассмотрим регионы, которые были охвачены боевыми действиями или оккупированы немецкими войсками в годы Великой Отечественной войны.

Система здравоохранения в Карело-Финской ССР находилась в более тяжелом положении, чем в других областях, территории которых не пострадали от активных боевых действий и оккупации. Правительство страны выделило значительные средства на восстановление сети здравоохранительных учреждений. В связи с реформой 1947 года в Карелию направлялись специалисты, многие из которых вскоре снова уезжали из-за тяжелых материально-бытовых условий, в связи с чем местные власти предпо-

читали осуществлять подготовку врачей, используя местные кадры, для чего подписывали соглашения с ленинградскими высшими учебными заведениями, которые принимали на льготных основаниях определенное количество человек по целевому набору. Несмотря на принятые меры, проблема дефицита медицинских кадров к 1953 году не была полностью решена. При этом в результате объединения больниц с поликлиниками и другими амбулаторными учреждениями улучшилось качество санитарно-профилактической работы, сократилось число неверных диагнозов. В то же время Правительство принуждало промышленные министерства и предприятия создавать здравоохранительные учреждения своими усилиями. Данная задача была выполнена не в полной мере, из-за чего некоторые поселки Карельской Республики, в которых проживало по несколько тысяч граждан, оставались без стационарного лечения, больниц, а за медицинское обслуживание их населения отвечал один фельдшер.

Оставалась проблема перегруженности больниц, и многим пациентам отказывали в госпитализации. Тяжелые материально-бытовые условия подрывали здоровье населения Республики Карелия и провоцировали высокий процент заболеваемости туберкулезом, дистрофией (устраненной к лету 1947 года), дизентерией (особенно среди детей раннего возраста) и педикулезом.

Высокая смертность была среди детей младшего возраста, которую снизили в 2 раза к 1950 году благодаря открытию детских больниц и санаториев, но сохранялась острая нехватка детских врачей. Увеличилось число коек для рожениц и женско-детских консультаций. В целом с 1946 по 1956 год увеличилось число больниц (с 79 до 141), улучшилась их материально-техническая база, возросла численность медицинских специалистов в 2,8 раза (с 1782 до 4964) и рождаемость превысила смертность. В Карельской Республике Советом Министров были приняты меры по улучшению санитарной и эпидемиологической обстановки и изданы постановления об очищении городов и взимании с предприятий, неподключенных к канализационной сети, штрафов за спуск сточных неочищенных вод в водоемы [3].

Таким образом, в Карело-Финской Республике прослеживается положительная динамика развития здравоохранения, несмотря на то, что многие проблемы из-за недостатка финансовых средств еще предстояло устранить, а реформирование системы здравоохранения не в полной

мере имело успех (особенно это касалось постройки медсанчастей).

В Ленинградской области также шла борьба за улучшение медицинского обслуживания и санитарно-гигиенической обстановки. Местная власть пыталась устранить те же проблемы, которые были в других регионах страны [8, 10]. Но в Ленинградской области, в отличие от других регионов, было гораздо меньше населения, что объясняется всем известными объективными обстоятельствами, с которыми столкнулись жители Ленинграда в 1941—1944 гг. При проведении реформ данная специфика области учитывалась местными властями. К началу 1950-х годов в системе здравоохранения также произошел качественный скачок в развитии: рост медицинских кадров, улучшение технического оборудования, постройка новых лечебно-профилактических учреждений, преодоление вспышек инфекционных заболеваний и сокращение смертности [9].

Сфера здравоохранения Курской области в годы войны пострадала не меньше Ленинградской. Регион требовал капитального ремонта зданий, систем канализаций, водопровода и испытывал острую нехватку медперсонала, инвентаря, оборудования при незначительном финансировании [19, с. 212—213]. За время оккупации в области также была уничтожена сеть родильных учреждений, которая частично была восстановлена к 1947 году. Особое внимание в области уделялось вопросам обеспечения роста рождаемости населения, поэтому местная власть предпринимала меры по улучшению качества работы родильных учреждений. К 1 января 1950 года в области функционировало уже 18 родильных домов, а в колхозах — 19 колхозных родильных домов на 50 коек и 8 коек для рожениц при фельдшерско-акушерских пунктах. Но в регионе, несмотря на положительные тенденции, также сохранялась высокая материнская и детская смертность по причине необеспеченности койками и медицинским персоналом, насчитывавшим к тому времени 118 акушеров-гинекологов, имевших недостаточную квалификацию, что подтверждается их неточными диагнозами, а в 12 районах области акушеров и вовсе не было. Многие младенцы умирали от двухсторонней бронхопневмонии, так как не хватало палат и кроваток, квалифицированных педиатров и сестер по уходу за новорожденными. К тому же в то время распространенной болезнью был туберкулез, вакцинацией против которого охватили по области только 28,5 % грудных детей. К 1954 году против ту-

беркулеза было привито уже 89 % новорожденных, а число коек для рожениц составило 690 [20, с. 176—179]. Аналогичная ситуация прослеживается в 1945—1959 гг. в городах Краснодарского и Ставропольского краев: нехватка медперсонала, лекарств, разрушенные больницы, поликлиники, высокая заболеваемость инфекционными болезнями и смертность как среди взрослого, так и детского населения. Значительные сдвиги в области здравоохранения были отмечены только к концу 1950-х гг. [11].

За годы четвертой пятилетки качественные изменения произошли в Дагестанской Республике. В результате реформы в области медицины к концу 1950 года в республике действовали 84 объединенные больницы с поликлиниками и амбулаториями (больничных коек — 3600), 41 здравпункт и 48 санитарно-эпидемиологических станций. Для нужд сельского населения использовалась санитарная авиация. В Дагестанском медицинском институте велась научно-исследовательская работа, имевшая большое прикладное значение. Республика пополнялась новыми специалистами, присланными из центральных районов страны. В частности, к 1950 году в Дагестан прибыло 158 врачей и более 500 медработников со средним образованием. В 1953—1954 гг. в регионе стали действовать 5 новых медицинских училищ, выпускавших своих специалистов [16].

Так, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что система здравоохранения в областях, где шли бои с немецкими захватчиками, находилась в разрушенном состоянии. Правительство оказывало значительные меры поддержки для стабилизации социально-экономического положения именно в таких областях.

Теперь рассмотрим ситуацию на территориях, которые не пострадали от боевых действий в период войны. М. П. Дудкина, изучая преобразования в области здравоохранения в Западной Сибири, приходит к неоднозначным выводам [12]. С одной стороны, благодаря модернизации материально-технической базы здравоохранительных учреждений, наращиванию сети медицинского обслуживания снизились заболеваемость и смертность, возросла продолжительность жизни, а массовая диспансеризация помогала выявлять болезни на ранней стадии. С другой стороны, из-за недостаточного финансирования сделать качественный рывок в области медицины не получилось. В частности, строительство новых больниц шло медленными темпами, поэтому новые больничные места создавались за счет уплотнения коек

в прежде построенных устаревших учреждениях. Особенно нехватка мест отмечалась в стационаре, вследствие чего больным отказывали в лечении. В то же время сократилось количество летальных исходов в стационарах [13].

Детская смертность в Западной Сибири в 1945—1950 гг., как и в других областях бывшего Советского государства, имела очень высокие показатели. Прежде всего причиной тому явился голод 1946—1947 гг. В 1948—1949 гг. младенческая смертность пошла на спад, к 1950 году она снова незначительно повысилась, но с начала 1950-х гг. происходит ее устойчивое снижение [15, с. 240]. Борьба с детской смертностью велась посредством улучшения качества работы медицинской сферы. В городах Западной Сибири с 1946 по 1948 год наблюдается рост числа поликлиник — с 601 до 647, больниц — с 286 до 309, больничных коек — с 28 619 до 29 425. Рост количества врачей с 1946 по 1950 год составил 200 %, а среднего медицинского персонала — 165 % [15, с. 245].

На территории Южного Урала в 1945—1953 годы также можно проследить противоречивую динамику развития здравоохранения.

В рассматриваемый период в регионе мы видим высокие показатели материнской и детской смертности, заболеваемости скарлатиной, малярией, дизентерией, дифтерией, корью, коклюшем, увеличение числа аборт, из чего следует, что качество работы здравоохранения оставляло желать лучшего. Имелись и другие существенные проблемы: тяжелые условия труда создавали высокую текучесть кадров. Обветшалость зданий, теснота помещений, необеспеченность медикаментами, слабая оснащенность инвентарем, недостаточность финансирования и другие факторы препятствовали оперативной работе учреждений здравоохранения, а дефицит топлива и отсутствие транспорта и вовсе ограничивали возможности оказания скорой медицинской помощи в зимний период. Однако значительным достижением для того времени явилось то, что больницы были готовы к зимнему сезону и в помещениях было тепло [6]. На территории Урала борьба с детской смертностью была одним из ключевых явлений. В регионе остро стоял вопрос нехватки врачей, акушеров-гинекологов, родильных отделений, где наблюдалась постоянная скученность и практиковалась преждевременная выписка. Но в то же время в 1945—1953 гг. расширилась деятельность женских и детских консультаций, ставящих беременных женщин на учет, беременным и кормящим выделялись дополнитель-

ное финансирование и продовольственное обеспечение, открывались молочные кухни [18].

Государство волновало состояние здоровья женщин, в первую очередь рожениц. В частности, в Башкирской АССР старались при помощи увеличения числа родильных коек и медицинских работников улучшить качество оказания медицинской помощи женщинам. Однако смертность рожениц и новорожденных в силу вышеперечисленных проблем превалировала (несмотря на то, что уровень смертности среди всего населения шел на убыль), из чего следует, что качество оказания гинекологической помощи было недостаточным. Высоким оставалось число внебольничных аборт, и, несмотря на рост медицинских кадров в целом, в республике сохранялась нехватка акушеров-гинекологов [4].

Виноградова Т. Н. приводит в своём исследовании объективные факторы, определяющие высокий процент смертности рожениц и рост числа аборт, указывая на несостоятельную работу здравоохранения. Но, ко всему прочему, стоит учитывать и ту среду обитания, в которой находились женщины детородного возраста: тяжелые условия работы, плохое питание, особенно в 1946—1947 гг., незавидные жилищные условия и прочие бытовые трудности, что также наносило невосполнимый вред не только здоровью, но и психическому состоянию. Расстроенная психика подталкивала женщин к аборт, поскольку создавала чувство тревожности, неуверенности в завтрашнем дне и опасения невозможности содержания новорожденных детей.

В Удмуртской АССР стояли те же самые задачи, как по всей территории Южного Урала, а именно решение проблем, складывавшихся в системе здравоохранения. В итоге за период 1946—1955 гг. в республике благодаря постройке новых больниц, поликлиник, преодолению дефицита медицинских работников, противоэпидемиологической деятельности сократилась заболеваемость, смертность, в том числе от инфекционных болезней, и улучшилась демографическая ситуация. К 1955 году в г. Ижевске естественный прирост составил 19,64 %, а продолжительность жизни населения увеличилась до 68 лет [17].

Перед государством стояла задача устранения санитарных последствий войны. Санитарно-эпидемиологические мероприятия позволили сократить инфекционные заболевания и предотвратить в регионе вспышки эпидемий, улучшить санитарное состояние региона. Но очистка населенных пунктов от мусора и меры по охране водных источников от промышленных и канализационных выбросов, а также обеспечение санитарного порядка на предприятиях, детских и лечебных организациях не были решены в полной мере [7]. Повышение качества медицинской помощи обеспечивалось через увеличение численности медицинского персонала, уплотнение коек и улучшение материально-технического оснащения. Благодаря деятельности медсанчастей снизилось количество инфекционных заболеваний (тиф, малярия, гнойничковые болезни) среди работников промышленности, но все же среди рабочих прогрессировала заболеваемость гриппом, ангиной и простудой [5]. Как видно из приведённых данных, преобразование здравпунктов в медсанчасти в отдельных регионах способствовало повышению качества медицинского обслуживания среди рабочих, что в некоторой степени противоречит утверждениям К. Бартона.

Таким образом, выполненный нами обзор научных исследований позволяет сделать вывод о том, что система здравоохранения в 1945—1953 гг. находилась в тяжелом положении. Такая тенденция наблюдается как в регионах, непосредственно пострадавших от вторжения немецких войск, так и в областях, куда враг не смог дойти. Руководство страны предпринимало все усилия для устранения проблем, благодаря чему к концу 1950-х гг. в системе здравоохранения наметилась положительная динамика: рост сети здравоохранительных учреждений, сокращение инфекционных заболеваний, смертности, в том числе детской и женской, преодоление дефицита медперсонала, увеличение числа молочных кухонь и т. д. При этом в целом вопрос развития системы здравоохранения 1945—1953 гг. остается малоисследованным и требует тщательного изучения.

Литература

1. Альбицкий В. Ю. Голод 1946—1947 гг.: причины, последствия, проблемы охраны здоровья детей / В. Ю. Альбицкий, А. А. Баранов, С. А. Шер // Вопросы современной педиатрии. — 2021. — Т. 20, № 4. — С. 264—270.
2. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945—1953 гг. / К. Бартон // Журнал исследований социальной политики. — 2007. — Т. 5, № 4. — С. 541—558.
3. Вавулинская Л. И. Восстановление и развитие системы здравоохранения в Карелии в послевоенные годы (вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.) / Л. И. Вавулинская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2018. — Т. 45, № 1. — С. 140—149.
4. Виноградова Т. Н. Оказание медицинской помощи женщинам Башкирской АССР в 1945—1953 гг. / Т. Н. Виноградова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 6(125). — С. 44—48.
5. Виноградова Т. Н. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945—1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Виноградова. — Оренбург, 2011. — 26 с.
6. Виноградова Т. Н. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945—1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Виноградова. — Оренбург, 2011. — 250 с.
7. Виноградова Т. Н. Санитарно-противоэпидемическое состояние Башкирии в 1945—1953 гг. / Т. Н. Виноградова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11, № 6-2. — С. 409—413.
8. Давыдова Т. В. Политика советского государства в области санитарного просвещения в первое послевоенное десятилетие (на примере Ленинграда и Ленинградской области) / Т. В. Давыдова // Роль медицинских вузов и медицинских кадров: исторические аспекты. — 2016. — С. 159—165.
9. Давыдова Т. В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ / Т. В. Давыдова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — № 8(148). — С. 164—170.
10. Давыдова Т. В. Система санитарно-гигиенических мероприятий советского государства в первое послевоенное десятилетие (на примере Ленинграда и Ленинградской области) / Т. В. Давыдова // Роль медицинских вузов и медицинских кадров: исторические аспекты. — 2016. — С. 168—172.
11. Дмитриевская М. С. Система здравоохранения в повседневной жизни населения городов Краснодарского и Ставропольского краев в 1945—1953 гг. / М. С. Дмитриевская // В мире научных открытий. — 2011. — № 4(16). — С. 28—35.
12. Дудкина М. П. Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири (1946—1960 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / М. П. Дудкина. — Новосибирск, 2008. — 254 с.
13. Дудкина М. П. Региональные особенности реформы городского здравоохранения в Западной Сибири (1947 — конец 1950-х гг.) / М. П. Дудкина // История медицины. — Т. 4, № 4. — С. 412—419.
14. Зима В. Ф. Голод, медицина, власть: 1946—1947 гг. / В. Ф. Зима // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. 117—126.
15. Лапердин В. Б. Детская смертность в Западной Сибири в 1946—1950 гг. / В. Б. Лапердин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. — 2015. — С. 238—245.
16. Нагиева М. К. Развитие здравоохранения Дагестана в послевоенный период (1945—1950-е годы XX века) / М. К. Нагиева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2013. — № 51. — С. 123—126.
17. Попова Н. М. Состояние здравоохранения в столице Удмуртской АССР в послевоенные годы / Н. М. Попова, Л. Л. Шубин, Е. Л. Фишер, Ю. И. Фишер, А. К. Спиридонова // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. — 2021. — № 2. — С. 13—18.
18. Хисамутдинова Р. Р. Младенческая смертность на Урале в послевоенные годы / Р. Р. Хисамутдинова, Н. В. Хомякова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : Электронный научный журнал. — 2020. — № 2(38). — С. 147—157.
19. Яценко М. В. Из истории восстановления здравоохранения Курской области (1944—1950 годы) / М. В. Яценко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2021. — Т. 11, № 3. — С. 210—219.
20. Яценко М. В. Проблемы медицинской охраны материнства и детства в первое послевоенное десятилетие (на материалах Курской области) / М. В. Яценко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2021. — Т. 11, № 3. — С. 173—182.

**HEALTHCARE SYSTEM IN THE TERRITORY OF THE RSFSR
IN 1945—1953: A HISTORIOGRAPHIC REVIEW****A. R. Bimeeva**Staraya Kulatka Secondary School N 2 named after the Hero of the Russian Federation R. M. Khabibullin
(Ulyanovsk region, Staraya Kulatka, Russia)

bimeeva93@mail.ru

The article deals with the healthcare system in the territory of the RSFSR in the first post-war years. The paper provides an overview of the scientific literature on this issue. The analysis of the studied works allows us to conclude that, despite the severe consequences of the Great Patriotic War, the healthcare system during the years of the restoration of the national economy developed in an ascending line. The quality of medical care determines the level of everyday life of citizens. In the first post-war years, the healthcare system throughout the USSR was in a state of extreme decline: the destroyed infrastructure, the famine of 1946—1947, the economic crisis, and other difficulties aggravated the general situation. The purpose of the article is to consider the health care system in the RSFSR in 1945—1953. Tasks of the work: 1) description of general trends in the field of healthcare and medicine in the RSFSR in the post-war years; 2) a review of works describing healthcare and medical care in the territories affected by occupation or from hostilities; 3) a review of works devoted to the situation in this area in the territories that did not directly suffer during the Great Patriotic War. The following methods were used in the study: historical-chronological, ideographic (descriptive), analysis, synthesis.

Key words: healthcare, medical care, everyday life, polyclinic, hospital, mortality, birth rate, hunger, crisis.

References

1. Albitskiy, V. Yu., Baranov, A. A., Sher, S. A. (2021) Golod 1946—1947 gg.: prichiny, posledstviya, problemy okhrany zdorovya detey [Famine of 1946—1947: causes, consequences, problems for children's health]. *Voprosy sovremennoy pediatrii*, vol. 20, (4), p. 264—270.
2. Barton, K. (2007) Zdravookhranenie v period pozdnego stalinizma i dukh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945—1954 gg. [Healthcare in the period of late Stalinism and the spirit of the post-war welfare state, 1945—1953]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, vol. 5, (4), p. 541—558.
3. Vavulinskaya, L. I. (2018) Vosstanovlenie i razvitie sistemy zdravookhraneniya v Karelii v poslevoennye gody (vtoraya polovina 1940-kh — seredina 1950-kh gg.) [The restoration and development of the health system in Karelia in the post-war years (the second half of the 1940-s — mid 1950-s)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: History. Political Science*, vol. 45, (1), p. 140—149.
4. Vinogradova, T. N. (2011) Okazanie meditsinskoy pomoschi zhenschinam Bashkirskoy ASSR v 1945—1953 gg. [Medical care for women of the Bashkir ASSR in 1945—1953]. *Vestnik of the Orenburg State University*, 6 (125), p. 44—48.
5. Vinogradova, T. N. (2011) Razvitie i zdravookhranenie Yuzhnogo Urala v 1945—1953 gg. [The development of healthcare in the Southern Urals in 1945—1953: abstract. dis. ... candidate of Historical Sciences]. Orenburg, 26 p.
6. Vinogradova, T. N. (2011) Razvitie i zdravookhranenie Yuzhnogo Urala v 1945—1953 gg. [Development of healthcare in the Southern Urals in 1945—1953: dis. ... candidate of Historical Sciences]. Orenburg, 250 p.
7. Vinogradova, T. N. (2009) Sanitarno-protivoepidemicheskoe sostoyanie Bashkirii v 1945—1953 gg. [Sanitary anti epidemic conditions of Bashkir in 1945—1953]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 11, (6-2), p. 409—413.
8. Davydova, T. V. (2016) Politika sovetskogo gosudarstva v oblasti sanitarnogo prosvescheniya v pervoe poslevoennoe desyatiletie (na primere Leningrada i Leningradskoy oblasti) [The policy of the Soviet state in the field of health education in the first post-war decade (on the example of Leningrad and the Leningrad region)]. *The role of medical universities and medical personnel: historical aspects*, p. 159—165.
9. Davydova, T. V. (2015) Reformirovanie sovetskogo zdravookhraneniya v poslevoennye gody: istoricheskiy analiz [Reforming Soviet healthcare in the post-war years: a historical analysis]. *Vestnik of the Tambov University. Series: Humanities*, 8 (148), p. 164—170.
10. Davydova, T. V. (2016) Sistema sanitarno-gigienicheskikh meropriyatiy sovetskogo gosudarstva v pervoe poslevoennoe desyatiletie [The system of sanitary and hygienic measures of the Soviet state in the first post-war decade (on the example of Leningrad and the Leningrad region)]. *The role of medical universities and medical personnel: historical aspects*, p. 168—172.
11. Dmitrievskaya, M. S. (2011) Sistema zdravookhraneniya v povsednevnoy zhizni naseleniya gorodov Krasnodarskogo i Stavropolskogo kraev v 1945—1953 gg. [The healthcare system in the daily life of the population of the cities of Krasnodar and Stavropol territories in 1945—1953]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 4(16), p. 28—35.

12. Dudkina, M. P. (2008) *Razvitie zdravookhraneniya v gorodakh Zapadnoy Sibiri (1946—1960)* [Development of healthcare in the cities of Western Siberia (1946—1960): dis/ ... Candidate of Historical Sciences]. Novosibirsk, 254 p.
13. Dudkina, M. P. (2008) *Regionalnye osobennosti reform gorodskogo zdravookhraneniya v Zapadnoy Sibiri (1947 — konets 1950-kh gg.)* [Regional features of urban healthcare reforms in Western Siberia (1947 — late 1950s)]. *Istoriya meditsiny*, vol. 4, (4), p. 412—419.
14. Zima, V. F. (2008) *Golod, meditsina, vlast: 1946—1947 gg.* [Famine, medicine, power: 1946—1947]. *Otechestvennaya istoriya*, (1), p. 117—126.
15. Laperdin, V. B. (2015) *Detskaya smertnost v Zapadnoy Sibiri v 1946—1950 gg.* [Infant mortality in Western Siberia in 1946—1950]. *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh*. Collection of materials of the Fourth All-Russian Youth Scientific Conference, p. 238—245.
16. Nagieva, M. K. (2013) *Razvitie zdravookhraneniya Dagestana v poslevoennyj period (1945—1950 gg.)* [Development of Dagestan healthcare in the post-war period (1945—1950s of the twentieth century)]. *Vestnik of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, (51), p. 123—126.
17. Popova, N. M., Shubin, L. L., Fisher, E. L., Fisher, Yu. I., Spiridonova, A. K. (2021) *Sostoyanie zdravookhraneniya v stolitse Udmurtskoy ASSR v poslevoennye gody* [The state of health care in the capital of the Udmurt ASSR in the post-war years]. *Zdorovye, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov*, (2), p. 13—18.
18. Khisamutdinova, R. R., Khomyakova, N. V. (2020) *Mladencheskaya smertnost na Urale v poslevoennye gody* [Infant mortality in the Urals in the postwar years]. *Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*, 2 (38), p. 147—157.
19. Yatsenko, M. V. (2021) *Iz istorii vosstanovleniya zdravookhraneniya Kurskoy oblasti (1944—1950)* [From the History of the Restoration of Health Care in the Kursk Region (1944—1950)]. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law*, vol. 11, (3), p. 210—219.
20. Yatsenko, M. V. (2021) *Problemy meditsinskoj okhrany materinstva i detstva v pervoe poslevoennoe desyatiletie* [Problems of medical protection of motherhood and childhood in the first post-war decade (on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law*, vol. 11, (3), p. 173—182.

В. Н. Кузнецов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kuznetsow_simb@mail.ru

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ ВЕСНОЙ 1917 Г.: ДИСКУССИИ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Проблема объединения социал-демократов после свержения царизма являлась одной из важных в истории не только большевиков и меньшевиков того времени. Объединение, если бы оно состоялось, серьезно изменило бы политическую ситуацию в стране. Большевистской части новой единой партии пришлось бы потесниться под напором ее меньшевистской части, у В. И. Ленина не было бы такого безоговорочного права на принятие решений, которым он обладал в РСДРП(б), следовательно, Россия развивалась бы каким-то иным курсом, чем это оказалось в реальности. Выбор объединения или обособления — это то, что возникло не в 1917 году и не перестает быть актуальным в наше время, что особенно хорошо видно в электоральные периоды. Автором исследовано отношение большевиков и меньшевиков Симбирской, Самарской и Саратовской губерний к возможному объединению в общую партию, т. е. к восстановлению некогда существовавшего организационного единства социал-демократического движения России; выявлены причины несостоявшегося объединения в крупнейших партийных организациях исследуемого региона. Исследовательские задачи были реализованы главным образом на основе данных из большевистских и меньшевистских периодических изданий, советских изданий весны 1917 года Симбирской, Самарской и Саратовской губерний. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволило сопоставить оценку объединения большевиками и меньшевиками трех поволжских губерний, его цели и условия.

Ключевые слова: социал-демократы, большевики, меньшевики, интернационалисты, оборонцы, 1917 год.

Исследовательская проблема данной статьи состоит в том, чтобы, используя материал значительного по территории и политически важного региона, включающего в себя Симбирскую, Самарскую и Саратовскую губернии, дать ответ на вопрос — как местные большевики и меньшевики воспринимали свое возможное объединение, как это они соотносили со своими тактическими и стратегическими установками, почему объединение фактически провалилось, реализовавшись только на уровне отдельных не крупных организаций. В рамках этой исследовательской проблемы следует выяснить, что стояло на первом месте: объективные или субъективные факторы, влияющие на изучаемый процесс.

Разработка исследовательского вопроса реализуется с опорой на данные региональной партийной и советской периодической печати весны 1917 года, мемуарной литературы и архивных данных, где отражено отношение боль-

шевиков и меньшевиков к проблеме своего организационного объединения. Автором использовались следующие методы: поиск источников по теме, анализ и сравнение полученных данных (сравнительно-исторический метод) с целью разрешения исследовательской проблемы путем создания цельной картины и формулирования доказательных выводов.

Февральская революция поставила на повестку дня вопрос о восстановлении партийного единства российских марксистов. Разумеется, это была бы партия, где сосуществовали разные точки зрения, где не было бы одного непререкаемого вождя. Меньшевики уже находились в рамках такой партии и поэтому не имели причин отказываться от объединения с большевиками. Более того, они стремились к этому. На собрании социал-демократов всех оттенков — от «Единства» до большевиков — 4 апреля 1917 года И. Г. Церетели говорил (согласно газете

«Единство») следующее: «Наша задача — объединение. Только оно поведет к победе. Никакие призывы к разъединению не ослабят могучего стремления пролетариата к созданию единой партии. Скоро в ряды партии придет и Ленин, ибо жизнь научит его старой истине марксизма: «Индивидуумы могут ошибаться, классы — никогда!». Вот почему я не боюсь ошибок Ленина и готов объединиться даже с ним» [4, с. 22].

Ленин В. И. же с самого начала был против объединения, что видно из письма 19 марта А. М. Коллонтай: «По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде ОК, Троцкого и К) и продолжать работу своей партией в последовательно-интернационалистском духе» [6, т. 49, с. 402]. В письме от 12 апреля к В. А. Карпинскому он выразился еще лапидарней: «Все воют и вопят за «единство» всей РСДРП. Мы, конечно, против» [6, т. 49, с. 436]. К концу мая его точка зрения изменилась, изменилась и официальная точка зрения партии. В статье «К вопросу об объединении интернационалистов» В. И. Ленин писал: «Всероссийская конференция нашей партии постановила: признать сближение и объединение с группами и течениями, стоящими на почве интернационализма, необходимым...». Говоря о наметившемся объединении с межрайонцами, он заканчивал статью так: «Какое бы то ни было дробление сил, с нашей точки зрения, ничем оправдать нельзя» [6, т. 32, с. 112—113]. Взгляды В. И. Ленина и партийной верхушки изменились тогда, когда на периферии объединительные тенденции, наоборот, стали угасать в силу нарастания разногласий между большевиками и меньшевиками, даже с интернационалистами.

Но начиналось все хорошо, казалось объединение марксистов перед лицом народников, либералов, а особенно контрреволюции — дело времени. Действительно, насколько велики различия между большевиками и меньшевиками перед лицом хотя бы эсеров, не говоря о кадетках или генералах? Чего больше: общего и различного?

Уже на первом собрании саратовской большевистской организации 25 марта был поднят вопрос об объединении с меньшевиками и постановлено предложить меньшевикам устроить совместное предварительное совещание.

10 апреля состоялось организационное собрание меньшевиков Саратова, где в числе актуальных обсуждался и данный вопрос. О проблеме единства социал-демократического дви-

жения высказал свое мнение видный городской меньшевик Д. К. Чертков: «Разъединение большевиков и меньшевиков было вызвано условиями подпольной работы, но теперь с выходом на широкую дорогу не должно быть места разъединению» [7, 1917, 13 апреля].

Наиболее близки большевикам были интернационалисты во главе с О. Ю. Мартовым. Неудивительно, что объединение именно с ними казалось большевикам наиболее реальным. 19 апреля открылась общегородская конференция саратовских большевиков, на которой рассматривался вопрос об объединении с интернационалистами. Докладчиком выступил И. В. Мгеладзе: «Объединение во что бы то ни стало, объединение на почве программы и устава, выработанного в 1903 году, невозможно. С «оборонцами» прежнего типа объединение невозможно, с меньшевистской организацией и комитетом и группой «Рабочей газеты» — возможно, поскольку эти организации будут стоять на строго интернационалистских позициях. Между нами могут быть большие различия по вопросам пролетарской тактики, но если по основным вопросам момента мы найдем общую линию, то частности нас не разъединят. Платформой для объединения должны служить положения, сформулированные в Циммервальде и Кинтале».

Все выступающие в прениях, кроме П. А. Лебедева, так или иначе, поддержали идею объединения.

Фенигштейн Я. Г.: «Названия большевик и меньшевик должны быть отброшены, теперь имеются деления — интернационалисты и социал-националисты. Что касается объединения с местной организацией социал-демократов меньшевиков, то об этом даже говорить трудно, так как у них нет ясной и определенной политической физиономии».

Раппопорт С. Я.: «В комитете меньшевиков тоже нет единства, как нет его и в других социал-демократических организациях. Поэтому необходимо объединяться не с организациями, а с определенными течениями, стоящими на интернационалистских позициях».

Антонов В. П.: «Кому и с кем объединяться? Говорят, большевикам с меньшевиками. Но представляют ли и те, и другие то идейное единство, которым они отличались раньше. Мне кажется — нет. Вследствие изменившихся социально-политических условий наши течения в значительной степени изжили себя; если они существуют организационно в настоящее время, то это в силу психологических навыков. Нам предстоит завершить двуединый процесс: с од-

ной стороны, отколоться от националистов (контакт по некоторым вопросам текущего момента может быть установлен), а с другой стороны, объединить все силы интернационалистов. Лебедев относится пессимистично к вопросу об объединении, так как объединяться с отдельными лицами не имеет смысла, а объединяться с группами, заключающими в себе разнородные элементы, — невозможно. Различия будут существовать и после войны. Различия существуют не только по вопросу о войне, но и по вопросу об отношении к буржуазии и этот последний вопрос является очень важным, поэтому его с чаши весов убирать нельзя».

Милютин В. П.: «В настоящий момент нужно не объединение, а главным образом оформление. Нужно идти на общий съезд, чтобы объединить интернационалистов. Что же касается местных дел, то здесь возможны только отдельные соглашения, но об организационной связи можно будет говорить только после общего съезда. Необходимо создать интернационалистский центр, который скрепит все интернационалистские силы».

Мицкевич С. И.: «Нельзя стремиться к абсолютной чистоте принципов, это невозможно, тогда у нас получатся многочисленные группы, но не будет партии. У нас есть основное деление: интернационализм и социал-шовинизм. Мы должны идти на общий съезд и не нужно этого бояться: наша позиция проводится самой жизнью, и она обязательно возьмет верх в объединенной партии».

Ковылкин С. Т.: «Оформление партии происходит не сейчас, оно началось 10 лет назад, когда нас разъединили вопросы об основных принципах классовой борьбы, от которых отказался Плеханов. Поэтому нужно объединиться только с теми группами, которые стоят на почве непримиримой классовой борьбы в международном масштабе».

Лебедев П. А., который даже среди большевиков отличался полной непримиримостью ко всему, что отклонялось от большевистской линии, выступивший принципиально против объединения и утверждавший, что «искусственное объединение ни к чему не приведет», оказался в одиночестве.

Ему возражал И. В. Мгеладзе: «Тов. Лебедев указывает, что мы находимся в периоде обострения классовой борьбы. Совершенно верно. Но именно поэтому мы должны создать единую партию, которая в этот решительный момент могла бы творить единую политику пролетариата. Вокруг рабочего класса будут суще-

ствовать две партии: социал-шовинистов и интернационалистов, но нельзя допустить, чтобы в пролетариате и около него существовало три партии». В завершение работы этого дня конференции И. В. Мгеладзе предложил свою резолюцию в пользу объединения, собрание закончилось без принятия какого-либо решения [8, 1917, 25 апреля].

На новом заседании 23 апреля собравшиеся все же приняли резолюцию по вопросу об объединении: «Возможно и необходимо полное слияние всех течений, ведущих интернационалистскую политику, т. е. отвергающих гражданский мир, стоящих на почве непримиримой классовой борьбы, ведущих борьбу за немедленное окончание мировой войны. Конференция выражает твердую решимость добиться такого объединения, несмотря на возможные различия по некоторым вопросам пролетарской тактики» [8, 1917, 28 апреля].

Однако резолюция так и не была проведена в жизнь. Вначале этому помешал апрельский кризис, а потом нарастание все новых и новых разногласий между большевиками и меньшевиками. Жизнь сама определила такую форму объединения, о которой говорили С. Я. Раппопорт и С. Т. Ковылкин: объединяться не с партиями, а с группами и лицами. Так и произойдет позднее, когда отдельные группы и лица меньшевиков и эсеров вступят в большевистскую партию.

Казалось бы, все шло к объединению и в Самаре. 11 марта здесь, по инициативе Совета рабочих депутатов, была созвана городская конференция всех фракций социал-демократов (большевики, меньшевики и Бунд). Собралось около пятидесяти человек с целью выяснения возможного слияния или выработки формы объединения фракций. Как с удовлетворением отмечали «Известия Совета рабочих депутатов», «всеми ощущалась важность создания единой партии. Отмечали, что острота разногласий в значительной степени стерлась и больше находится в психологии фракционеров. Всех собравшихся устроила следующая формула: «Буржуазия играет сейчас далеко не второстепенную роль. Пролетариат поддержит Временное правительство в его прогрессивных стремлениях впредь до учреждения демократической республики, не отказываясь при этом от самостоятельных выступлений и сохраняя свои организации, копя силы для борьбы за социализм. Пролетариат стремится к скорейшей ликвидации войны, но вместе с тем он будет защищать добытую свободу от посягательств изнутри и извне» [5, 1917, 18 марта].

В этот же день «Известия» опубликовали такое обращение к рабочим: «От Совета рабочих депутатов. Товарищи рабочие!.. Помните, что у вас, как у рабочих, свои классовые задачи! Скорее организуйтесь! Входите в рабочую социал-демократическую партию» [5, 1917, 11 марта]. Совет как о решенном писал о самарской социал-демократической организации без деления ее на (б) и (м).

26 марта прошло собрание большевиков городского района Самары, на которое пришло примерно 100 человек. По вопросу об объединении единогласно решили: «Есть необходимость постоянного координирования с меньшевиками. Сам же вопрос об объединении может быть решен только на общероссийском съезде». Присутствовавший на собрании меньшевик А. П. Кравченко предложил форсировать объединение и, не дожидаясь съезда, потребовать от городского комитета немедленного созыва собрания меньшевиков и большевиков и выбрать объединенный комитет. Такая поспешность не пришлась по вкусу собравшимся. Предложение всеми против двух голосов было отклонено [5, 1917, 28 марта].

«Известия» продолжали рекламировать среди рабочих идею объединения: «Товарищи рабочие! Задачи рабочего класса и близость созыва Учредительного собрания диктуют нам необходимость скорейшего создания единой социал-демократической рабочей организации в Самаре. Этому не должны мешать частные разногласия, существующие в нашей среде. Всем, кому дороги интересы рабочего класса и развития РСДРП, должны откликнуться на наш призыв и стремиться к немедленному объединению. Самарская группа социал-демократов меньшевиков» [5, 1917, 29 марта].

Вскоре «Известия» с радостью откликнулись на предпринимаемые социал-демократами шаги к объединению: «Вчера — общее собрание всех социал-демократов по инициативе меньшевиков. Из всех выступивших ораторов ни одного против объединения. Расходились лишь в пути, которым надо идти. Меньшевики предлагали изживать разногласия в широком обсуждении на собраниях, не тормозя создания единого центра. Большевики предлагали придти вначале к соглашению в местных центрах, а затем уже внести вопрос на обсуждение всех членов партии. 355 против 105 прошла резолюция меньшевиков о созыве общего учредительного собрания» [5, 1917, 31 марта].

На конференции большевиков Самары 9 апреля, где присутствовало 68 делегатов, по

вопросу об объединении социал-демократов выступил докладчик от временного комитета партии А. Х. Митрофанов. Этот вопрос вызвал особенно горячие прения. Громадным большинством была принята резолюция о необходимости сейчас же приступить к слиянию с меньшевистским течением, обусловив объединение признанием некоторых положений, из которых меньшевиками признается неприемлемым только одно: лозунг гражданской войны для Европы.

23 апреля состоялось объединенное собрание меньшевиков, заслушавших доклад Е. Я. Успенской об объединении местных организаций РСДРП. Всеми голосами против трех была принята резолюция: «Теоретические разногласия среди членов партии должны вызывать широкий обмен мнений, но не настолько непримиримы, чтобы поддерживать существующий организационный раскол. Если бы большевистская организация продолжала настаивать на выработке объединительной платформы, то признать необходимость отмежевания от социал-шовинистов, а наряду с этим и социал-анархистов. Пункт о гражданской войне принять только в такой формулировке: “Признаем неизбежность гражданской войны, понимаем ее как обострение классовой борьбы пролетариата за мир без аннексий и контрибуций и полную демократизацию строя европейской жизни”» [5, 1917, 27 апреля].

К концу апреля все более становилось ясно: объединения в Самаре не будет. Среди большевиков имелись влиятельные противники объединения. Большевик А. Я. Бакаев вспоминал: «Хорошо помню, как в начале апреля мы собирались с меньшевиками по их приглашению для обсуждения вопроса об объединении. И каждый раз мы уходили от них со все большей убежденностью, что они не только соглашатели, но и смертельные враги, ибо они упорно настаивали на соглашении с буржуазией и отвергали, не принимали гражданской войны. Они называли нас сумасшедшими» [1, с. 174].

Большевичка М. С. Бешенковская констатировала: «Надо сказать, что отдельные сторонники слияния с меньшевиками были и в рядах большевистской организации, например, Шестопал, С. М. Белов. А. С. Бубнов, А. Х. Митрофанов, С. И. Дерябина резко выступали против объединения. Тов. Бубнов говорил меньшевикам, что объединиться можно только при условии, если меньшевики примут программу большевиков, если меньшевики порвут с социал-шовинизмом. “Практически, — указал Бубнов, так как эти вопросы не ставятся Центральными комитетами большевиков и меньшевиков, их

следует снять; мы на местах их разрешать не имеем права, ибо это основной вопрос тактики нашей партии”» [2, с. 167].

Итак, в итоге большевиков и меньшевиков разделил вопрос, который, в силу своей неактуальности, даже не стоял в дофевральские дни и сразу после февраля: вопрос о гражданской войне. Отдельные совместные акции все же проводились. Так, «Известия» писали: «По постановлению представителей комитетов большевиков, меньшевиков и Бунда сегодня выйдет общая первомайская демонстрация к рабочим» [5, 1917, 17 апреля].

В Симбирске все было просто. Количественно и качественно слабая местная большевистская группа легко пошла на объединение с меньшевиками в единую социал-демократическую организацию. Большевик А. В. Швер вспоминал: «Созвав собрание социал-демократов, мы от имени большевистской группы выступили с декларацией, которая могла служить почвой для объединения. Мы заявили, что вступление в объединенную организацию для нас приемлемо только в том случае, если состав организации будет исключительно интернационалистский, а не оборонческий». Однако членами объединенной организации РСДРП стали в том числе и оборонцы, большевики же играли в объединенной организации незначительную роль.

Гимов М. А., выступая на Первой Симбирской конференции РКП(б) в декабре 1918 года, следующим образом объяснял объединение: «Еще до начала революции здесь у нас в Симбирске существовала маленькая подпольная организация, так называемая “объединенная”. После того как совершилась революция, мы вышли из подполья и начали работать легально, в то время нас всего было 3—4 человека. Нам с первых же дней работы пришлось столкнуться с военно-промышленным комитетом, где без исключения все места занимала буржуазия, нам стало ясно, что они не пойдут с нами. Продолжая свою работу, они определенно стали против нас, хотя себя и называли организаторами и защитниками рабочего класса. В дальнейшей работе нам пришлось столкнуться с меньшевиками. Несмотря на эти столкновения, нам пришлось объединиться вместе и образовать “единую социал-демократическую организацию”» [3, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 1—2].

Но даже и в Симбирске в апреле начинают проскакивать искры между большевиками и меньшевиками. Первый серьезный конфликт произошел 16 апреля на съезде фабричных комитетов суконных фабрик губернии. Здесь явно

даже для неосвященных обозначилось серьезное несходство первых и вторых. Прибывшие на съезд большевики Ю. К. Милонов из Самары, Н. Д. Воздвиженский из Сызрани и А. Г. Степанов из Симбирска вошли в конфронтацию не только с эсерами в лице симбирян П. Х. Гладышева, А. М. Базжина, но также и меньшевиками Н. Н. Чебоксаровым и П. Ф. Филипповым. Споры шли об «Апрельских тезисах», о войне, о 8-часовом рабочем дне. В итоге соглашатели провели свою оборонческую резолюцию о войне, получили большинство в избранном правлении союза текстильщиков. Большевики же победили по вопросу 8-часового рабочего дня.

Объединение большевиков и меньшевиков произошло не только в Симбирске. Оно имело место в крупном промышленном городе Царицыне Саратовской губернии, в ряде крупных селений Самарской губернии. В Иващенкове (ныне Чапаевск) в марте возникла объединенная организация РСДРП, за каждой фракцией которой сохранялось право свободной пропаганды своих идей. Организация, насчитывающая 35 человек, издавала газету «Работник». Объединились социал-демократы также в Балаково и Абдулино.

В Царицыне объединение прошло наподобие Симбирска легко, только в отличие от Симбирска, где большевики растворились среди меньшевиков, в Царицыне они смогли занять заметное место в общей организации. 12 марта большевики провели организационное собрание, где должен быть выбран местный комитет РСДРП(б), но пришедшие на собрание меньшевики предложили собравшимся другой вариант — избрать объединенный комитет РСДРП. Собравшиеся большевики поддержали это решение. 13 марта из ссылки в Царицын вернулся большевик С. К. Минин, также поддержавший объединение.

24 марта состоялось совместное партийное собрание, на котором произошло формальное объединение большевиков и меньшевиков, и был избран комитет новой организации, куда вошли шесть большевиков, в том числе С. К. Минин и четыре меньшевика. На Всероссийское партийное совещание в Петроград были делегированы С. К. Минин и меньшевик Д. А. Сагирашвили.

Понимание большевиками и меньшевиками друг друга не выросло от их объединения, тем более что царицынские меньшевики в основном являлись оборонцами. Поэтому шла борьба и в объединенной организации, и в Совете. Ситуация еще более накалилась, когда С. К. Минин вернулся с Апрельской конференции РСДРП(б) сторонником «Апрельских тезисов» и противни-

ком объединения. 20 апреля он выступил на городском партийном собрании с обоснованием своей новой проленинской позиции. Против «Апрельских тезисов» выступил лидер местных меньшевиков Д. В. Полуян. Собрание поддержало С. К. Минина. К этому времени большевики получили вторую яркую фигуру — Я. З. Ерманна, прибывшего в город по поручению ЦК РСДРП(б) и бывшего противником объединения. После этих событий распад объединенной организации стал вопросом времени.

Чисто большевистская организация оформилась в мае в Николаевске (Пугачев), где в июле членом партии стал В. И. Чапаев. Решительно отказались от объединения с меньшевиками большевики Сызрани.

Дальнейшее развитие революции все дальше разводило большевиков и меньшевиков. Жизнь требовательно задавала вопросы, такие как: Буржуазия — враг или нет? Можно ли поддерживать правительство классовых врагов? Что может быть реальной альтернативой буржуазному Временному правительству, кроме Советов?

Уже летом 1917 года проблема объединения стала позавчерашним днем развертывающегося процесса. Эти изменения отразил в одной из своих статей упоминавшийся ранее П. А. Лебедев: «То противоестественное сожительство революции и контрреволюции, которое носило у нас название коалиционного правительства, по-видимому, подходит к концу. Между двумя лагерями двух непримиримых классовых противников беспомощно мечутся соглашатели меньшевики и эсеры, пытаясь создать какой-то худой мир на место доброй ссоры. Но пришел, наконец, момент, когда им ясно придется решить вопрос: на чью сторону они станут: на сторону революции или контрреволюции» [8, 1917, 6 июля]. Вопрос был решен — на сторону контрреволюции.

Полученные данные позволяют утверждать, что отношение региональных большеви-

ков и меньшевиков к объединению первоначально было положительным. Февральская революция сделала многие старые противоречия неактуальными, а новые противоречия еще не вырисовывались. Однако по мере того как политика Временного правительства обостряла старые социальные споры и конфликты и создавала новые, а большевики и меньшевики оценивали их по-разному, перспективы объединения становились все более призрачными. Объективные причины не дали реализоваться процессу объединения социал-демократов, без сомнения, изменившему бы в большей или меньшей степени вектор развития страны.

Изучение реакции большевиков и меньшевиков на возможное объединение позволило сделать следующие выводы.

Первое: независимо от позиции партийных верхов, на местах имела место сильная тяга к единству социал-демократов.

Второе: большинство прежних разногласий потеряли свою актуальность в новый исторический период и не могли больше быть причинами раскола марксистов.

Третье: водоразделом, за которым объединение было бы невозможным, явилось отношение к войне. Оборонцы типа плехановского «Единства» оставались бы вне новой партии.

Четвертое: причины провала объединения в общероссийском масштабе и на местах, где социал-демократическое движение было наиболее сильно (в нашем случае — в Самаре и Саратове), заключались в том, что большевики и меньшевики принципиально по-разному смотрели на перспективы революции, Временное правительство и власть Советов. В одной партии не могли быть сторонники и противники советской власти.

Пятое: именно поэтому там, где возникли объединенные организации, они просуществовали всего несколько месяцев и развалились к октябрю 1917 года.

Литература

1. Бакаев А. Я. 1917 год / А. Я. Бакаев // Октябрь в Самаре. Воспоминания. — Куйбышев, 1957.
2. Бешенковская М. С. От свержения царизма — к Великому Октябрю / М. С. Бешенковская // Октябрь в Самаре. Воспоминания. — Куйбышев, 1957.
3. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.
4. Драбкина Ф. И. Приезд тов. Ленина и «мартовское» совещание представителей большевистских организаций / Ф. И. Драбкина // Ленин в 1917 году. Воспоминания. — Москва, 1967.
5. Известия Самарского Совета рабочих депутатов.
6. Ленин В. И. ПСС / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М., 1963.
7. Саратовский вестник.
8. Социал-демократ (Саратов).

**BOLSHEVIKS AND MENSHEVIKS IN SPRING 1917: DISCUSSIONS OF UNITING
(AS EXEMPLIFIED IN SIMBIRSK, SAMARA AND SARATOV PROVINCE)****V. N. Kuznetsov**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kuznetsow_simb@mail.ru

The problem of uniting the Social Democrats after the overthrow of tsarism was one of the most important in the history of not only the Bolsheviks and Mensheviks of that time. The unification, if it took place, would seriously change the political situation in the country. The Bolshevik part of the new united party would have to make room under the pressure of its Menshevik part, V. I. Lenin would not have had such a decisive right to make decisions that he had in the RSDLP(b), therefore, Russia would have developed in some other way than it turned out in reality. The choice of unification or separation is something that did not arise in 1917 and does not cease to be relevant in our time, which is especially evident in electoral periods. The attitude of the Bolsheviks and Mensheviks of the Simbirsk, Samara and Saratov provinces to a possible unification into a common party, that is, to the restoration of the once existing organizational unity of the social democratic movement in Russia, has been studied; the reasons for the failed merger in the largest party organizations of the region under study were identified. Research tasks were implemented mainly on the basis of data from the periodicals of the Bolshevik and Menshevik, Soviet publications in the spring of 1917 in the Simbirsk, Samara and Saratov provinces. The methodological potential includes a comparative historical method, the application of which made it possible to compare the assessment of the unification by the Bolsheviks and the Mensheviks of the three Volga provinces, its goals and conditions.

Key words: Social Democrats, Bolsheviks, Mensheviks, internationalists, defensists, 1917.

References

1. Bakaev, A. Ya. (1957) 1917. Oktyabr v Samare. Vospominaniya [1917. October in Samara. Memories]. Kuybyshev.
2. Beshenkovskaya, M. S. (1957) Ot sverzheniya tsarizma — k Velikomy Oktyabryu [From the overthrow of tsarism — to the Great October]. Kuybyshev.
3. Gosudarstvennyj arkhiv noveyshey istorii Ulyanovskoy oblasti [State archive of the latest history of the Ulyanovsk region].
4. Drabkina, F. I. (1967) Priezd tov. Lenina i "martovskoe" soveshanie predstaviteley bolshevistskikh organizatsiy [Comrade's arrival Lenin and the "March" meeting of representatives of the Bolshevik organizations]. Lenin in 1917. Memories. Moscow.
5. Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov [News of the Samara Soviet of Workers' Deputies].
6. Lenin, V. I. (1963) PSS. 5 edition. Moscow.
7. Saratovskiy vestnik [Saratov Bulletin].
8. Social-Democrat (Saratov).

В. Н. Кузнецов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kuznetsow_simb@mail.ru

ДВА ТЕРАКТА В САМАРЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.

В статье проанализированы обстоятельства терактов в Самаре, произошедших в 1906 и 1907 гг., их следствия, особое внимание уделено рассмотрению фигур главных исполнителей партийной воли. Основными источниками при написании статьи явились архивные материалы, прежде всего Государственного архива Российской Федерации, значительная часть которых впервые введены в научный оборот, а также мемуарная литература как революционного, так и противоположного политического фланга.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров (эсеры), политический террор, Первая российская революция, Самара.

Первая российская революция значительно усилила осуществлявшийся и ранее эсеровский террор. Партия социалистов-революционеров рассматривала данный метод политической деятельности как важнейшее средство борьбы с самодержавием. Теракты осуществлялись как по инициативе партийного руководства и проводились Боевой организацией партии, так и инициировались на местах, где проводились местными силами. Не стало исключением и Поволжье, которое было выделено эсерами в Поволжскую область во главе с Областным комитетом. Теракты проводились во всех губерниях области. Их объектами являлись прежде всего государственные служащие, чье устранение, по мысли эсеров, должно было бы благоприятствовать революции. К числу наиболее значимых терактов относятся два политических убийства в Самаре, произошедшие в 1906 и 1907 гг., когда жертвами пали губернатор и начальник Самарского губернского жандармского управления.

1. Убийство И. Л. Блока

21 июля 1906 года в Самаре на пересечении улиц Вознесенской и Воскресенской член летучего поволжского отряда столяр Г. Н. Фролов бросил бомбу в проезжавшего в своем экипаже губернатора И. Л. Блока (дядя поэта А. А. Блока), возвращавшегося с заседания губернского продовольственного присутствия. Взрывом губернатору снесло голову, оторвало руку и ступни ног. Части тела убитого находили на крыше трехэтажного дома. Экипаж разорвало пополам, кучеру повредило осколками голо-

ву, в соседних домах взрывом выбило стекла. При этом террорист Григорий Фролов сам получил три серьезные раны, в том числе временно ослеп на левый глаз. С залитым кровью лицом он пытался скрыться, но был быстро задержан городовым на углу Заводской и Преображенской улиц. В полицейском участке его избили до потери сознания и ночью доставили в тюрьму.

Убийство губернатора произошло по решению Поволжского областного эсеровского съезда, во исполнение которого была создана группа боевиков во главе с членом Поволжского областного комитета партии эсеров М. Ф. Слепухиным. Тот, будучи сам еще молодым человеком (19 лет), привлек к убийству губернатора такую же молодежь. Непосредственным исполнителем стал 24-летний Г. Н. Фролов.

Сам Григорий позднее вспоминал: «Боевиком я стал просто, но еще проще стал революционером. Для этого никому не нужно было особенно надо мной трудиться, мне достаточно было встретиться с революционерами, немножко понять, чего они хотят, и я бесповоротно стал и социалистом, и революционером. Жизнь без борьбы я уже не мыслил. Моя натура чрезвычайно чувствительна ко всякому злу и всегда была протестантской» [11, с. 120].

Фролов Г. Н. начинал революционную деятельность как социал-демократ большевик [11, с. 117]. В 1905 году в Баку за участие в политической демонстрации его арестовали в первый раз. Второй арест случился в Ростове-на-Дону после декабрьского вооруженного восстания. В 1906 году он приехал в Самару, где

продолжил социал-демократическую работу. В один из созданных им кружков вошел П. Д. Романов, будущий убийца жандармского полковника Боброва.

Желание узнать больше об эсерах в июне 1906 года привело Г. Н. Фролова в эту партию. Как раз в это время по решению Поволжского областного комитета партии социалистов-революционеров (ПСР) в Самаре начала создаваться боевая дружина для совершения террористических актов. Г. Н. Фролов вспоминал: «Организационная постановка нашей боевой летучей дружины была очень слабая. Денег не было, и мы жили часто впроголодь. Были случаи, когда вместе с бомбой идешь на толкучий рынок, купишь там копейки на две поганенькой жареной колбасы, кусочек хлебца и этим заморишь червячка, а потом опять на революционную работу... Что за человек был самарский губернатор, и каково было его служебное поприще, я не знал; да это в то время было не важно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором... Для нас тогда было важно одно: он является представителем грубого монархизма, и, убивая его, партия только возобновляла прежний метод борьбы, прерванный на время участия ее представителей в Государственной Думе... История нашего боевого отряда кратковременна и печальна. Он составлялся чрезвычайно странно и скороспешно. Я, которому было поручено самое серьезное дело и на которого не надеялся сам инструктор, как он после сознался, — я был в то время в революционном отношении совершенно неопытен... Когда я впервые увидел своих будущих соратников, запротестовал и потребовал их переизбрания. Среди них были юноши от 17 до 19 лет из рабочей среды, не развитые и без всякого революционного воспитания, только что введенные учениками в партийный кружок» [11, с. 117].

Первоначально предполагалось убить И. Л. Блока за городом, на пути к его даче, но благоприятного случая не представлялось. Тогда решили совершить теракт в городе. Выяснили, что губернатор в 3 часа дня выезжает в губернское присутствие, а в 6 часов вечера возвращается обратно. Ездил он открыто, принципиально без охраны.

Преступление должно было произойти во время обратного пути намеченной жертвы. К этому времени бомбист Г. Н. Фролов занял свое место, а другой боевик, П. Ионов, в качестве сигнальщика встал у церкви на Казанской ули-

це. Губернатор опоздал с выездом почти на час и показался совсем не с ожидаемой стороны. Это едва не сорвало убийство, но Г. Н. Фролов не растерялся, подошел на восемь-десять шагов к экипажу губернатора и бросил ему в ноги бомбу.

Еще один теракт должен был состояться на похоронах губернатора. Чтобы предотвратить торжественную церемонию похорон, эсеры распространили по городу письма с угрозами. Террорист должен был бросить бомбу в похоронную процессию, но почему-то не сделал этого, после чего застрелился. Кроме того, другие боевики должны были убить жандармского ротмистра, командира полка, а также двух солдат, занимавшихся, по мнению эсеров, провокацией. Этому помешало то, что жандармы все же выследили их конспиративную квартиру и на следующую после убийства губернатора ночь, ворвавшись, захватили всех боевиков, а также нашли паспорт Г. Н. Фролова, список планируемых терактов и другие улики.

Вице-губернатор в страхе телеграфировал П. А. Столыпину: «Город взволнован убийством губернатора... войска Самары, кроме казаков, большей частью не надежны. Прошу немедленного удаления из Самары 215-го Бузулукского полка, горного дивизиона артиллерии, 23-й горной Восточно-Сибирской батареи... Удаляемых прошу заменить пехотой или казаками, придав последним два пулемета. Только при такой замене можно надеяться сохранить порядок» [9, с. 192].

По делу об убийстве И. Л. Блока судили пять боевиков, в том числе самого Г. Н. Фролова и М. Слепухина. Под давлением улик Г. Н. Фролов сознался в совершении преступления. Одним из двух защитников подсудимых выступил тогда молодой А. Ф. Керенский [11, с. 119]. В итоге суд, проходивший в феврале 1907 года, оправдал хозяйку квартиры, где под видом мастеровых жили террористы, трех человек приговорили к высылке в Сибирь, Г. Н. Фролова — к смертной казни с правом ходатайства перед командующим округом о замене казни двадцатилетней ссылкой. Тот удовлетворил ходатайство. На каторге убийца пробыл год, после чего бежал. После установления Советской власти признал ее, работал советским служащим и умер в Москве в 46 лет своей смертью.

На смену убитому И. Л. Блоку в Самару прибыл новый губернатор В. В. Якунин. Он учредил в городе военно-полевой суд, перевел губернию на положение усиленной охраны. Политический режим заметно ужесточился.

II. Убийство М. П. Боброва

19 декабря 1907 года начальника Самарского губернского жандармского управления и начальника Поволжского охранного отделения М. П. Боброва смертельно ранил эсеровский боевик Петр Романов. Этому предшествовали следующие события. В течение осени и зимы 1906 года ГЖУ неуклонно проводило одиночные аресты и ликвидации членов этой партии, что дало определенные результаты. Самарская организация ПСР значительно ослабла. Вот как рисует картину партийной жизни в письме от 10 февраля 1907 года местная эсерка Роза Матус в письме Евдокии Львовой, обучавшейся в Вольном университете Лестгафта в Петербурге: «В Самаре с.-р. почти нет, комитета не существует. Полный разгром с.-р. организации. Если твой брат захочет, то его можно определить в социал-демократический кружок до организации с.-р.» [1, с. 16].

Однако разрушение правильной организации не означало полную остановку партийной деятельности. Агентура доносила о том, что эсеры изготавливают бомбы, запасаются оружием, вынашивают экспроприаторские планы, в частности, ограбление самарского Торгово-промышленного банка. 1 февраля 1907 года был схвачен пропагандист среди крестьян, проживавший на квартире местного мещанина, члена ПСР Григория Терентьева. 4 марта 1907 года на его же квартире аресту подверглись два боевика, вооруженных револьверами с отравленными пулями; жандармы нашли четыре винтовки [1, с. 23, 28].

20 апреля 1907 года наличные эсеровские силы в лице 23 членов ПСР и 5 работающих в духе партии провели экстренную партийную конференцию. Ее целью являлась выработка тактики в условиях продолжающихся репрессий и выбор нового комитета, в который вошли студент московского университета М. С. Чеканов («Николай Николаевич»), Роза Гармиза («Роза») и Головнин («Чиж»). Споры о тактике привели к расколу в организации, когда члены рабочего центра во главе с переплетчиком Я. П. Кожевниковым, недовольные запрещением частных экспроприаций, вышли из партии и перешли к анархистам, примкнув к группе, руководил которой служащий губернской земской управы В. М. Владимиров.

30 апреля власти провели новую ликвидацию. На это раз казалось, что с эсерами Самары покончено. Так думал даже М. П. Бобров, докладывавший в Департамент, что «в Самаре была совершенно разбита местная партия соци-

алистов-революционеров» [1, с. 41]. Но все оказалось сложнее. 14 мая в уездном центре Николаевске ученик городского училища эсер Ярыгин, выполняя волю партийного комитета, совершил покушение на помощника исправника Трофимова. Зайдя во двор его дома, он дважды пытался выстрелить в него из револьвера, но тот дал осечку. Террориста схватили, при обыске у него нашли мимеограф. Через два дня по показаниям Ярыгина были арестованы еще пять человек. В ночь на 18 мая была ликвидирована анархистская группа В. М. Владимирова — арестовано 13 человек, конфискованы револьвер и браунинг. В ночь на 4 июня 1907 года ГЖУ провело новую ликвидацию. 11 июня 1907 года были арестованы приехавшие в Самару два эсера из Оренбурга.

11 июня 1907 года в Самаре собрались 11 членов рабочего центра: в их числе заготовщик И. Козорез, приказчик В. М. Дуберштейн, М. Егоров и столяр Петр Данилович Романов (по сведениям ГЖУ, из мещан, холост, учился в сельской школе) — будущий убийца М. П. Боброва, впервые появившийся в жандармских сводках. Собравшиеся приняли резолюцию с требованием денег от комитета, а в случае отказа решили организовать группу из рабочих для частных экспроприаций. На этом особенно настаивали И. Козорез, М. Егоров и П. Д. Романов.

19 июля члены рабочего центра, в числе которых был П. Д. Романов, собрались вновь. Решали вопрос, как поднять партийную работу. Пришли к выводу, что необходимо собрать рабочих и изучать с ними партийный устав, так как незнание его ведет ко всем неурядицам. В списке лиц, находящихся под наблюдением за принадлежностью к ПСР, среди 26 человек под 22 номером значился и П. Д. Романов (по новым сведениям ГЖУ, 20-летний маляр). Как мы видим, если бы жандармы изменили свою линию борьбы с революционным движением и проводили бы тотальные аресты, невзирая на интересы агентуры, то П. Д. Романов был бы арестован и М. П. Бобров, возможно, остался бы жить.

В начале августа 1907 года в Самару приехал представитель ЦК ПСР «Касьян», побывавший на собрании рабочего центра, где выслушал недовольных. Прибыв на второе собрание, где присутствовал П. Д. Романов, он именем ЦК распустил рабочий центр, отобрал печать у В. М. Дуберштейна и приказал передать библиотеку центра, хранящуюся у В. М. Дуберштейна, П. Д. Романову. Перевозка библиотеки состоялась в ночь на 13 сентября. М. П. Бобров

провел новые аресты; пять человек, в том числе В. М. Дуберштейна, заключили в тюрьму, жандармы захватили более тысячи экземпляров нелегальной литературы. Еще ранее, 8 августа был арестован И. Козорез.

Эсеры не отказывались от террористических и экспроприаторских планов. В качестве жертвы был избран губернатор В. В. Якунин, но покушение на него совершить не удалось. 4 октября 1907 года пять боевиков — служащие губернской земской управы И. Михайлов и В. Шестаков, служащий губернского присутствия И. Терентьев (в организации «Ванька-губернатор»), сын сельского старосты ближайшей к Студенцу деревни К. Никитин и беглый матрос Н. Р. Козырев — ограбили почту, шедшую из Студенецкой почтовой конторы на станцию Безенчук. К. Никитин ранил почтальона, экспроприаторы похитили 30 тысяч рублей. Крайне недовольный произошедшим директор Департамента полиции М. И. Трусевич потребовал от М. П. Боброва: «Телеграфируйте, почему при наличии агентурных сведений не была предотвращена экспроприация?» [1, с. 222]. В ответ тот мог сообщить только, что «агентура знала лишь Терентьева, но он не поехал на экспроприацию, а ждал». В ночь на 9 октября начальник ГЖУ провел ликвидацию местной группы эсеров, арестовав восемь человек, в том числе И. Терентьева.

В ноябре эсеры решили убить офицера конвойной команды, обвинив его в жестоком обращении с политзаключенными. Угроза была вполне реальна и того перевели в Тверь. В том же ноябре в ГЖУ поступило такое агентурное сообщение: «В последнее время в тюрьме обсуждается план убийства полковника Боброва, тормозящего работу организации. Впервые мысль об этом высказал «Марко» — М. Кухранов (убивший в 1906 году земского начальника Балашовского уезда Саратовской губернии), когда был посажен в тюрьму. По его словам, в области намечены три теракта, в том числе Боброва... Громов предложил план — получить револьвер, попроситься на допрос в ГЖУ и убить» [2, л. 63 об. — 64]. По этому же сообщению, находящиеся в тюрьме решили отсрочить теракт, но это вызвало недовольство находящихся на воле: «Долго они собираются».

Чего же не знал полковник Бобров? Многое.

Во-первых, он не знал, что в Самаре многие оставшиеся на свободе эсеры начали спешную подготовку к его убийству. Несмотря на отсутствие оружия и денег, они были полны

решиности совершить задуманное. П. Д. Романову удалось раздобыть сломанный браунинг, который мог выстрелить только одной пулей, заряженной через дуло. Он же начал слежку за жандармским полковником.

Во-вторых, полковник Бобров не придавал значения личности П. Д. Романова и не знал биографии своего будущего убийцы.

Петр Романов родился в Самаре, в семье бедного служащего, в 11 лет его отдали учеником в обойную мастерскую. Там, по примеру мастеров, он начал воровать хозяйские вещи, один раз был пойман, наказан розгами. В 14 лет стал подмастерьем, пристрастился к пиву, водке и, как написал его биограф, к «другим соблазнам», начал играть на бильярде [10, с. 233]. В 1904 году в мастерской, где он работал, возник социал-демократический кружок, одним из основателей которого был Г. Н. Фролов, будущий убийца губернатора Блока. В 1906 году П. Д. Романов стал членом РСДРП. В этом же году его арестовали, и несколько месяцев он провел в тюрьме, где познакомился с эсерами. Выйдя на свободу, он вступил в ПСР.

До начавшейся реальной подготовки к его убийству М. П. Бобров неоднократно получал от эсеров угрожающие письма, но демонстративно не предпринимал никаких мер безопасности, стараясь тем самым вызвать бесстрашие и презрение к опасности у своих подчиненных. Накануне Рождества, 19 декабря 1907 года, в 19 часов, когда М. П. Бобров шел с женой Анной Васильевной по главной улице Самары — Дворянской с многочисленными покупками, к нему подошел П. Д. Романов. Когда полковник повернул к жене голову, тот из браунинга произвел выстрел в правую щеку жандармского полковника и бросился бежать. Выстрел оказался смертельным. 39-летняя А. В. Боброва осталась вдовой, без отца оказались три сына. Старший, тринадцатилетний, обучался в Одессе, второй, одиннадцатилетний, — в самарской гимназии, третьему было семь лет.

На телеграмме губернатора об убийстве П. А. Столыпин написал: «Искренне оплакиваю доблестного моего сослуживца по Саратову, деятельного, усердного и смелого работника. Прошу телеграфировать о моем сочувствии его вдове и проследить за ее обеспечением» [6, с. 5].

Власти Самары пришли в полную растерянность. В ночь на 20 декабря в городе прошли настолько широкие аресты, что, как докладывала агентура, «в Самаре совершенно не осталось социалистов-революционеров» [4, л. 2 об.]. Часть эсеров из-за опасения арестов уехала из Сама-

ры. Но все это не помогло найти убийцу. 24 декабря 1907 года и.о. начальника самарского ГЖУ подполковник Пастрюлин лапидарно сообщал в Департамент: «О лицах, убивших полковника Боброва, сведений не имеется». Донесение от 8 января 1908 года повторяет известное и наполнено страхом: «По имеющимся сведениям, все акты, намечаемые в исполнение в Самаре и Самарской губернии местной организацией партии социалистов-революционеров, санкционируются членами этой организации, находящимися ныне в самарской тюрьме. Так, в тактику ближайшего времени внесено наиболее широкое развитие террора; первой жертвой этого террора должен стать я, как «правая рука» покойного полковника Боброва, и подполковник Битепаж (Г. Г. Битепаж — помощник начальника ГЖУ в Самарском и Бузулукском уездах. — В. К.)» [3, с. 2].

Более того, к ужасу властей, выяснилось, что в этот день также должны состояться покушения на губернатора и полицмейстера Критского. По каким-то причинам вместо трех убийств произошло одно, но может быть все впереди?

В страхе пребывала и тюремная администрация, полностью потерявшая контроль над заключенными, которые стали свободно переходить из камеры в камеру. Ситуация оказалась настолько из ряда вон выходящей, что в конце января 1908 года в Самаре прибыл инспектор Главного тюремного управления, после чего настал конец тюремной вольнице.

30 января 1908 года наступил прорыв в выявлении убийцы. Сотрудник ГЖУ доложил, что полковника Боброва убил столяр Петр Романов. 31 января эти сведения были подтверждены после общения сотрудника с неким Степницким. Поскольку среди эсеров Самары человека с такой фамилией не имелось, то можно предположить, что это социал-демократ К. П. Степницкий, позднее сам ставший сотрудником ГЖУ. Он был в курсе того, что творится у эсеров, и, зная П. Д. Романова, дал ему такую характеристику: «он человек не развитый, и его можно легко нанять для убийства».

Убив М. П. Боброва, П. Д. Романов бросился бежать и скрылся на конспиративной квартире. Товарищи по партии договорились с социал-демократкой Г. К. Сухановой, женой известного меньшевика Н. Н. Суханова, о том, что она доведет его до Москвы. В Москве те случайно встретились с видным эсером М. А. Веденяпиным, который порекомендовал П. Д. Романову поехать отдохнуть и подлечиться в Рузскую больницу, где работала его, Веденяпина, сест-

ра. 9 января 1908 года террорист поехал в Рузу, а 11 января 1908 года в Москве арестовали М. А. Веденяпина, единственного человека, знавшего, где находится П. Д. Романов.

Не зная об аресте М. А. Веденяпина, находясь почти без денег (деньги на поездку в Москву добыл тем, что заложил орудие преступления — браунинг своему товарищу по партии столяру П. А. Васильеву, у которого его несколько позднее выкупил Г. Ф. Кузьмин) и документов, П. Д. Романов написал товарищам в Самаре. Письмо изъяли при обыске у адресата А. Г. Жидяева. Чтобы не погубить агентуру, П. Д. Романова выманили в Москву, и 31 января 1908 года подполковник Пастрюлин телеграфировал командиру Корпуса жандармов о его аресте в Москве.

В ночь на 19 февраля 1908 года жандармы арестовали 20 эсеров за причастность к убийству полковника Боброва, в том числе П. А. Васильева и Г. Ф. Кузьмина. Так пистолет попал к жандармам. Аресту подверглась и 19-летняя Л. А. Флаксерман, сопровождавшая террориста в Москву.

Романова П. Д. доставили в Самаре. Начались допросы его в ГЖУ, но, как докладывал директору Департамента полиции подполковник Пастрюлин, тот за все время следствия «хранил упорное молчание» [7, с. 231]. 5 декабря 1908 года в военно-окружном суде при закрытых дверях слушалось дело по обвинению П. Д. Романова в убийстве начальника ГЖУ полковника Боброва. Случилось непредвиденное — суд оправдал убийцу, о чем было тут же доложено Шефу жандармов. Причиной стало то, что П. Д. Романов отрицал свое участие в убийстве, а доказательств у властей практически не имелось. Единственной уликой являлся отпечаток следа на снегу, но сделан он оказался плохо, намного больше размера ноги П. Д. Романова.

Ошарашенные приговором жандармы не успели его обжаловать, но боевика все же осудили по обвинению в принадлежности к ПСР на 4 года каторги. В 1913 году его отправили на поселение в Енисейскую губернию, где он оказался рядом с убийцей губернатора Блока Г. Н. Фроловым и несколькими другими городскими социалистами-революционерами. Самарские эсеры не переставали поддерживать связи со своими товарищами. В 1914 году, например, они собирали деньги для находящихся в Сибири и направили их на имя П. Д. Романова и Г. Н. Фролова [5, с. 24]. Из ссылки П. Д. Романов бежал в Красноярск, затем в Иркутск. После Февральской революции вернулся в Самаре. Осенью

1917 года он — член губернского Совета крестьянских депутатов, противник большевистского переворота. 8 июня 1918 года при вступлении в Самару чехословаков П. Д. Романов был убит, преднамеренно или случайно — не ясно.

Гибель полковника Боброва освободила должность начальника ГЖУ. Первоначально исполнять ее стал подполковник Иван Иосифович Пастрюлин. Он родился в 1867 году, окончил Михайловский воронежский кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище. С 1892 года — на службе в Корпусе жандармов в должности адъютанта в Ломжинском ГЖУ, затем помощника начальника в Варшавском и Радиминском жандармских управлениях, был прикомандирован к Виленскому ГЖУ. С 1904 года — помощник начальника Саратовского ГЖУ по Саратовскому уезду. А. П. Мартынов запомнил его как отличного жандармского офицера, с любовью относившегося к своему делу, к политическому розыску. Он имел свою агентуру, несколько раз сообщал начальнику охранного отделения ценные сведения и этим выделялся среди других офицеров управления [8, с. 137].

В 1908 году его перевели на должность помощника начальника Московского охранного отделения, а в 1910 году — начальника тифлисского ГЖУ.

Пастрюлин И. И. недолго задержался на посту руководителя ГЖУ. В феврале 1908 года управлять ГЖУ стал подполковник Битепаж, а в июне 1908 года — полковник А. П. Критский. Александр Павлович родился в 1860 году, на службе в Корпусе жандармов — с 1886 года. В 1897 году являлся помощником начальника Нижегородского ГЖУ, затем Самарского ГЖУ. Особыми талантами А. П. Критский не блистал. А. П. Мартынов охарактеризовал его как тяжелого на подъем, обленившегося и младенчески наивного в политическом розыске пожилого любителя преферанса [8, с. 221]. Дело спасали знавшие свою работу помощники А. П. Критского.

Убийство М. П. Боброва имело и то следствие, что Поволжское районное охранное отделение Департамент полиции перенес в Саратов. Начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Семигановский стал во главе его, ротмистр Мартынов стал его помощником.

Литература

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). — Ф. 102. — Оп. 327, 1907. — Д. 9 ч. 50.
2. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 327, 1907. — Д. 9 ч. 50. — Л. А.
3. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 328, 1908. — Д. 9 ч. 50.
4. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 328, 1908. — Д. 9 ч. 50. — Л. А.
5. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 244, 1914. — Д. 9 ч. 68. — Л. А.
6. ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 12972.
7. Государственный архив Самарской области. — Ф. 468. — Оп. 1. — Д. 1076.
8. Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / А. П. Мартынов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
9. Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917 / Ф. Г. Попов. — Куйбышев, 1969.
10. Ташкентец. Петр Данилович Романов // Каторга и ссылка. — 1926. — № 27.
11. Фролов Григорий. Террористический акт над Самарским губернатором / Г. Фролов // Каторга и ссылка. — 1924. — № 1(8).

TWO TERRORIST ATTACKS IN THE DAYS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION 1905—1907

V. N. Kuznetsow

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kuznetsow_simb@mail.ru

The article analyzes the circumstances of the attacks, their consequences, special attention is paid to the consideration of the figures of the main executors of the party will. The main sources for writing the article were archival materials, primarily from the State Archives of the Russian Federation, a significant part of which was introduced into scientific circulation for the first time, as well as memoirs, both revolutionary and the opposite political flank.

Key words: party of socialist revolutionaries (SRs), political terror, the first Russian revolution, Samara.

References

1. State Archive of the Russian Federation (GARF), f. 102, inv. 327, 1907, d. 9 h. 50.
2. GARF, f. 102, inv. 327, 1907, d. 9 h. 50 l. A.
3. GARF, f. 102, inv. 328, 1908, d. 9 h. 50.
4. GARF, f. 102, inv. 328, 1908, d. 9 h. 50 l. A.
5. GARF, f. 102, inv. 244, 1914, d. 9 h. 68, l. A.
6. GARF, f. 110, inv. 2, house 12972.
7. State Archive of the Samara Region, f. 468, inv. 1, file 1076.
8. Martynov, A. P. (2004) *Moya sluzhba v otdelnom korpuse* [My service in a separate corps of gendarmes]. *Okhranka: Memoirs of the leaders of the political investigation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Popov, F. G. (1969) *Letopis revolyutsionnykh sobytiy v Samarskoy gubernii. 1902—1917* [Chronicle of revolutionary events in the Samara province. 1902—1917]. Kuibyshev.
10. Tashkent. Petr Danilovich Romanov [Tashkent. Petr Danilovich Romanov]. *Katorga i slylka*, (27), 1926.
11. Frolov Grigory (1924) *Terroristicheskiy akt nad samarskim gubernatorom* [Terrorist act over the samara governor]. *Katorga i slylka*, 1(8).

М. Д. Точеный

Ульяновский институт
гражданской авиации
(г. Ульяновск, Россия)

tmichael1977@rambler.ru

Р. А. РУДЕНКО — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ

Роман Андреевич Руденко — юрист, государственный деятель, действительный государственный советник юстиции, Герой Социалистического труда. Большинство историков и юристов знают его прежде всего как главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Но другие детали его биографии вызывают споры и вопросы. С одной стороны, Р. А. Руденко известен как один из участников сталинских репрессий, с другой — как видный деятель эпохи Оттепели, добившийся реабилитации многих честных людей. Карьерному росту способствовали незаурядные личные качества Руденко: высокая работоспособность, вдумчивость, принципиальность, умение отстаивать свою точку зрения. Но не только они имели значение — окружающим нравились его скромность, доброжелательность, умение располагать к себе, создавать теплую обстановку в коллективе. Так как же оценить его личность и роль ее в истории нашей страны?

Ключевые слова: репрессии, сталинизм, тоталитаризм, Нюрнбергский процесс, Оттепель, реабилитация.

20 января 2022 года в городе Новосибирске произошло неординарное и до известной степени помпезное событие. У здания управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу состоялось открытие памятника, как написано на сайте надзорного органа, «выдающемуся советскому государственному деятелю, бывшему Генеральному прокурору СССР, действительному государственному советнику юстиции Р. А. Руденко, который был возведен в честь знаменательного события — 300-летия с момента образования российской прокуратуры, созданной по указу Петра I» [3].

На мероприятии присутствовали не только создатели бюста и люди в синих мундирах, но и мэр города, губернатор, председатель Законодательного Собрания и заместитель Генерального прокурора. Поэтому данное действие можно отнести к разряду торжественных актов.

Еще до открытия памятника разгорелись горячие дискуссии не только по вопросу целесообразности его установки, но и в отношении личности самого Р. А. Руденко.

Правозащитники, сторонники демократии, а также критики сталинизма справедливо напомнили общественности о не самых приятных эпизодах биографии Романа Андреевича. В страшные годы «ежовщины» он занимал пост

прокурора Донецкой области и входил в состав «особой тройки» — внесудебного органа, репрессировавшего тысячи невинных людей. Их уголовные «дела» рассматривались в подавляющем большинстве случаев заочно (без участия обвиняемого), иногда — при отсутствии материалов уголовного дела, в ускоренном порядке, приговор приводился в исполнение немедленно, а право на его обжалование не давалось.

Руденко Р. А. был одним из тех, чьи подписи стоят под приказом НКВД от 30 июля 1937 года № 00447, который запустил репрессии в отношении «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в числе которых были и священники. В приказе было сказано: расстрелять 82 700 человек и еще 193 400 человек отправить в лагеря [6].

Преступления сталинского режима — одни из самых тяжких за всю историю человечества. Соучастие в них, даже прикосновенность к ним заслуживают только осуждения, и здесь с людьми, подвергающими сомнению целесообразность установки памятника Р. А. Руденко, нельзя не согласиться. Именно поэтому художественный совет Новосибирска проголосовал против появления скульптуры [8]. Но, с другой стороны, зададимся вопросом, мог ли прокурор отказаться рассматривать дело «врага народа» или заявить своим «коллегам» по «тройке»:

«Товарищи, в деле обвиняемого отсутствуют доказательства (свидетельства вины получены с нарушением норм социалистической законности), поэтому следует его оправдать». Теоретически мог бы, но тогда его фамилию и инициалы мы в лучшем случае увидели бы в «Книге памяти жертв политических репрессий».

Однако в своих статьях и выступлениях противники прокурора лишь вскользь упоминают о светлых моментах его биографии. Да, соглашаются они, Роман Андреевич участвовал в реабилитации невинно осужденных, но делал это неохотно, без должного усердия. Более того, после отставки Н. С. Хрущева Генеральный прокурор взялся за старое и начал преследовать диссидентов — он имел прямое отношение к вынужденной эмиграции А. И. Солженицына и ссылке в Горький А. Д. Сахарова.

Об участии Р. А. Руденко в Нюрнбергском процессе в подобных трудах и вовсе упоминается лишь мимоходом.

Вот, например, какой итог подводит историк и журналист Анастасия Лотарева в статье, посвященной бывшему генеральному прокурору: «После Нюрнберга и смерти Сталина он возглавил следственную группу по делу наркома Лаврентия Берии и, как сказано в еще одной официальной биографии, "принимал активное участие в реабилитации и оправдании жертв политических репрессий". Что не помешало ему быть проводником идей Н. С. Хрущева (например, Яна Рокотова, известного фарцовщика, сначала приговорили к 8 годам лишения свободы, а затем расстреляли по личному указанию Первого секретаря ЦК КПСС, задним числом изменив законодательную норму), а потом — преследовать диссидентов.

На сайте генпрокуратуры Романа Руденко называют "принципиальным и несгибаемым". Что ж, можно сказать и так, он, возглавлявший прокуратуру до 1981 года, принципиально колебался только вместе с линией партии» [2].

Диаметрально противоположную оценку личности и деятельности Р. А. Руденко дают его сторонники. Как правило, это не ярые сталинисты, но все же приверженцы коммунистических идей. В первую очередь они рассказывают о том, что Роман Андреевич выступал на Нюрнбергском процессе как главный обвинитель от СССР. О его деятельности по реабилитации жертв политических репрессий они чаще всего сообщают несколько туманно, а об участии в злодеяниях Советской власти и вовсе предпочитают умалчивать.

Большим поклонником Р. А. Руденко является А. Г. Звягинцев — юрист и историк, написавший десятки работ, посвященных истории прокуратуры в нашей стране. Вот как он характеризует речь Романа Андреевича на суде над главными военными преступниками нацистской Германии:

«В заключительной речи Руденко прежде всего суммировал все обвинения. Главный обвинитель от СССР в своем выступлении уделил внимание и критикам Нюрнбергского процесса. Адвокаты обвиняемых и тайные сторонники нацистов вне зала суда не раз выдвигали вопросы о неправомерности тех или иных действий трибунала. Руденко дал на них развернутые и полные ответы с точки зрения теории и практики права, показал несостоятельность аргументов и отвратительное лицемерие защитников.

Речь Руденко отличали широта обобщений и глобальность выводов. Сделать это по горячим следам войны, находясь в плену эмоций, было очевидно непросто. Роман Андреевич в своем выступлении поднялся до философских высот осмысления мировой трагедии, разоблачил глубинную сущность фашизма, людоедские планы уничтожения целых государств и народов, непреходящую опасность идей национального превосходства для всего человечества. Его доводы легли в основу признания агрессивной войны тягчайшим преступлением.

Выступление получилось громким и имело колоссальный международный резонанс. Люди во всех уголках Земли восприняли речь Руденко так, как будто он говорил не только от лица СССР, а от их имени, от всего человечества» [1].

В одной из своих книг А. Г. Звягинцев подробно рассказал об участии Романа Андреевича в реабилитации во времена «Оттепели». Борьба с последствиями сталинизма началась почти сразу же после смерти «гения всех времен и народов». На июльском пленуме 1953 года было принято постановление «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия Л. П.», после чего органы государственной безопасности «отодвинулись» на второй план, а роль суда и прокуратуры заметно выросла. Вскоре Р. А. Руденко подписал первые документы, касающиеся реабилитации военнослужащих, арестованных в годы сталинизма. Дела осужденных надлежало пересмотреть, находящихся под следствием — освободить.

В декабре 1953 года Р. А. Руденко направил Н. С. Хрущеву записку, в которой предлагал

реабилитировать лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД — МВД, так как по этим делам допускались «грубейшие извращения советских законов». В итоге в мае 1954 года, по инициативе Р. А. Руденко, были созданы республиканские и краевые комиссии по пересмотру уголовных дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, а также дел тех, кто находился в лагерях и на поселениях. Сам же Роман Андреевич возглавлял Центральную комиссию. Конечно же, далеко не все ему удалось осуществить. Огромный объем работы (уже изначально речь шла о полумиллионе осужденных), бюрократические проволочки, умышленное создание препятствий различными партийными деятелями — все это не позволило воплотить в жизнь задуманное. Например, с «группы М. Н. Тухачевского» все обвинения были сняты в декабре 1956 года, и добрые имена советских военачальников восстановлены, но вот оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева комиссия не нашла [4].

Тем не менее итог работы под руководством Генерального прокурора впечатляет — в период с 1953 по 1961 год были сняты обвинения с 270 000 невинно осужденных граждан [7]. Это больше, чем за всю вторую волну реабилитации, которая началась в разгар «перестройки», когда 28 сентября 1987 года Политбюро ЦК КПСС утвердило Постановление «Об образовании комиссии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов» [5]. Итак, мы дали слово сторонникам и противникам Р. А. Руденко, и осталось подвести итог.

Представим себя в роли преподавателя, который почти закончил читать студентам лекцию по дисциплине «История государства и права» или спецкурсу «История прокуратуры», и ему осталось только сделать вывод.

Он обращается к учащимся: «Очевидно, что мы не можем однозначно ответить на вопросы — хорошим или плохим человеком был Роман Андреевич Руденко и какого цвета след в истории он оставил?»

Педагог берет в руки мел и проводит две вертикальные линии, разделяя доску на три одинаковые части.

В левой трети он пишет «Участие в сталинских репрессиях» и говорит: «Р. А. Руденко по-

винен в гибели большого количества невинных людей, и объективно этому нет никакого оправдания, но задайте себе вопрос и в глубине души постарайтесь дать на него честный ответ — а вы как поступили бы на его месте — подписали бы бесчеловечный приказ НКВД или отказались бы это делать, обрекая на гибель себя?»

Здесь будет уместно вспомнить известную притчу о Н. С. Хрущеве, который на XX съезде выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». Зал потрясенно молчал, и тут Никите Сергеевичу передали записку, в которой некто задал ему вопрос: «А почему же вы раньше молчали?». Хрущев строго посмотрел на делегатов и спросил: «Чья записка?». Повисла тишина. Первый секретарь ЦК КПСС обвел зал взором и ответил: «Вот и мы молчали».

В центре доски педагог высшей школы выводит слова «Нюрнбергский процесс» и поясняет: «А это — без сомнения, положительное деяние Романа Андреевича. Тем не менее ему не удалось добиться осуждения всех нацистских преступников, некоторые из них были оправданы. Блокада Ленинграда также не была признана военным преступлением. Но в его ли силах было этого добиться? Видимо, дать ответ на этот вопрос вы сможете, только прочитав не один десяток трудов о Международном военном трибунале.

И, наконец, в правой части доски рука преподавателя выводит «Реабилитация жертв политических репрессий»: «И, наконец, здесь мы видим не просто хорошее, а благое, в высшей степени гуманное свершение. Генеральный прокурор СССР принимал активное участие в восстановлении справедливости. Он возглавил созданную по его же предложению Центральную комиссию по пересмотру дел лиц, осужденных за «контрреволюционные преступления». Чуть позже, вместе с Г. К. Жуковым и К. П. Горшениным, он стал инициатором принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», в котором осуждалась сталинская практика применения репрессий к бойцам Красной Армии, сдавшимся или взятым в плен, и на основании которого проводились различные меры по их реабилитации.

Литература

1. Звягинцев Александр. В дни Нюрнбергского процесса прокурора Руденко узнал и услышал весь мир. Исполняется 100 лет со дня рождения главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе / А. Звягинцев. — URL: <https://rg.ru/2007/07/27/rudenko.html> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Лотарева Анастасия. Быстро и решительно расправлялся с врагами / А. Лотарева. — URL: <https://takiedela.ru/author/lotareva> (дата обращения: 15.03.2023).
3. В городе Новосибирске открыт памятник бывшему Генеральному прокурору СССР Роману Руденко. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_54/search?article=69718418 (дата обращения: 15.03.2023).
4. Звягинцев А. Г. Руденко / А. Г. Звягинцев. — Москва : Молодая гвардия, 2007. — 478, [2] с.
5. Ларкина Е. В. Реабилитация жертв политических репрессий в советском праве (историко-правовой аспект) / Е. В. Ларкина, Г. А. Папилин // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — № 3(57). — С. 35—47.
6. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. — URL: <http://old.memo.ru/history/document/0447.htm> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Почти 400 000 репрессированных в СССР лиц реабилитированы / Главная военная прокуратура. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/11/13/664638-pochti-400-000-repressirovannih-reabilitirovani> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Худсовет Новосибирска отказал прокуратуре в установке бюста генпрокурора Руденко. — URL: <https://ksonline.ru/433257/hudsovet-novosibirsk-a-otkazal-prokurature-v-ustanovke-byusta-genprokurora-rudenko> (дата обращения: 15.03.2023).

R. A. RUDENKO — PROSECUTOR-GENERAL OF THE SOVIET UNION AND HIS ROLE IN HISTORY

M. D. Tochiony

Ulyanovsk Institute of Civil Aviation (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

Roman Andreevich Rudenko is a lawyer, a statesman, a real state counselor of justice, Hero of Socialist Labor. Most historians and lawyers know him first of all as the main accuser from the USSR at the Nuremberg Trials. But other details of his biography cause controversy and questions. On the one hand, R. A. Rudenko is known as one of the participants in the Stalinist repressions, on the other hand, as a prominent figure in the Thaw era, who achieved the rehabilitation of many honest people. Rudenko's outstanding personal qualities contributed to his career growth: high efficiency, thoughtfulness, adherence to principles, and the ability to defend his point of view. But not only they mattered. Others liked his modesty, goodwill, ability to win over, create a warm atmosphere in the team. So how to evaluate his personality and its role in the history of our country?

Key words: repressions, stalinism, totalitarianism, Nuremberg Trials, Thaw, rehabilitation.

References

1. Alexander Zvyagintsev. V dni Nyurnbergskogo protsesssa prokurora Rudenko uznal i uslyshal ves mir. Ispolnyaetsya 100 let so dnya rozhdeniya glavnogo obvinatelya ot SSSR na Nyurnbergskom protsesse [During the days of the Nuremberg trials, the whole world knew and heard the prosecutor Rudenko. The 100th anniversary of the birth of the chief prosecutor from the USSR at the Nuremberg Trials is celebrated]. URL: <https://rg.ru/2007/07/27/rudenko.html> (access date: 15.03.2023).
2. Lotareva Anastasiya. Bystro i reshitelno raspravlyalsya s vragami [Quickly and decisively cracked down on enemies]. URL: <https://takiedela.ru/author/lotareva/> (access date: 15.03.2023).
3. V gorode Novosibirske otkryt pamyatnik byvshemu Generalnomu prokuroru SSSR Romanu Rudenko [A monument to the former Prosecutor General of the USSR Roman Rudenko was opened in the city of Novosibirsk]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_54/search?article=69718418 (access date: 15.03.2023).
4. Zvyagintsev, A. G. (2007) Rudenko [Rudenko]. Moscow: Molodaya gvardia, 478, [2] p.
5. Larkina, E. V., Papilin, G. A. (2019) Reabilitatsiya zhertv politicheskikh repressiy v sovetskom prave [Rehabilitation of victims of political repressions in Soviet law (historical and legal aspect)]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 3(57), p. 35—47.

6. Operativnyj prikaz narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR N. I. Ezhova N 00447 "Ob operatsii po repressirovaniyu byvshikh kulakov, ugovnikov i drugikh antisovetskikh elementov" [Operational order of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR N. I. Yezhov N 00447 "On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements" July 30, 1937]. URL: <http://old.memo.ru/history/document/0447.htm> (access date: 15.03.2023).
7. Pochti 400 000 repressirovannykh v SSSR lits reabilitirovany [Almost 400,000 persons repressed in the USSR were rehabilitated — Chief Military Prosecutor's Office]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/11/13/664638-pochti-400-000-repressirovannih-reabilitirovani> (access date: 15.03.2023).
8. Khudsovet Novosibirskaya otkazal prokurature v ustanovke byusta genprokurora Rudenko [The Novosibirsk Art Council refused to install a bust of Prosecutor General Rudenko to the prosecutor's office]. URL: <https://ksonline.ru/433257/hudsovet-novosibirskaya-otkazal-prokurature-v-ustanovke-byusta-genprokurora-rudenko> (access date: 15.03.2023).

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

С. И. Барсукова

ПМГМУ
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
uryupina1994@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Идея статьи мотивирована тем, что мы стали чаще сталкиваться с речевыми нарушениями, в частности с проблемами словотворчества, и нужно уметь их устранять. Цель статьи — проанализировать исследование и выявить особенности формирования словоизменения и словообразования у младших школьников с общим недоразвитием речи.

В статье затрагивается тема правильного распознавания нарушения процесса словотворчества, что позволит лучше организовать коррекционно-логопедическую работу с детьми младшего школьного возраста с данным речевым дефектом. Особое внимание уделено ошибкам, которые проявляются в процессе словоизменения и словообразования у детей с общим недоразвитием речи. Анализируются возможные методики определения речевых нарушений у детей младшего школьного возраста. Представлены результаты констатирующего эксперимента. Производится сравнение процесса словоизменения и словообразования у детей с общим недоразвитием речи и детей с нормальным речевым развитием. Описывается значимость родителей в жизни ребенка для повышения эффективности логопедической работы.

Ключевые слова: словоизменение, словообразование, младшие школьники, общее недоразвитие речи, диагностика, методики, онтогенез.

ВВЕДЕНИЕ

Становление детей младшего школьного возраста в рамках формирования опыта словообразования и словоизменения имеет свои особенности. Ребенок не просто копирует обращенную к нему речь, а впитывает своеобразие родного языка.

Левина Р. Е. считала «чувство языка» главным механизмом усвоения словоизменения и словообразования, благодаря которому повышается вероятность освоения родной речи [2]. Восприятие грамматически верной речи в онтогенезе имеет такое ключевое значение, как формирование лингвистической системы при достаточной информации о предмете и его действии. Из этого следует, что в процессе овладения словотворчеством (например, положение

предмета в пространстве) ребенок сначала должен получить опыт ориентировки в пространстве, а затем уже применять свои знания в речи.

Тихеева Е. И., А. Н. Гвоздев [1], С. Н. Цейтлин заметили, что процесс формирования грамматического строя речи (в данном случае — словоизменения и словообразования) вероятен лишь только на основе определенного этапа познавательного процесса ребенка.

Р. И. Лалаева и Н. В. Серебрякова сделали вывод, что «процесс формирования морфологической и синтаксической системы языка тесно связан между собой. Появление формы слова, которое было раньше неизвестным, приводит к трудным формулировкам предложений в речи» [3].

Туманова Т. В., Э. А. Федеравичене выделили периоды формирования словообразования и словоизменения в онтогенезе [5]:

I — пополнение словарного запаса на ранних этапах и формирование основ словообразовательного процесса (от 2,5 до 3,5—4 лет). Процесс образования слов в данном периоде носит всеобщий характер.

II — интенсивное становление словопроизводства, составление обобщенных представлений (от 3,5—4 до 5,5—6 лет).

III — усвоение правильного употребления словообразовательных конструкций и критики собственной речи, которое сопровождается снижением выраженности словообразовательного процесса (от 5,5 до 6 лет).

Информация об отклонении процесса словотворчества у детей с общим недоразвитием речи (ОНР) доказывает факт наличия проблем, образующихся при разработке текстов детьми автономно.

Проблема становления словообразовательного процесса у младших школьников с ОНР является сложной структурой недостатка речи, устойчивым проявлением которого считается несоблюдение всех сторон речи, в частности, процесса словоизменения и словообразования. При этом дефекты процесса словообразования и словоизменения на различных этапах речевого процесса отмечаются не только у дошкольников с общим недоразвитием речи, но и у детей младшего школьного возраста. В словообразовательном процессе, где нет в полном размере развитой устной и письменной речи, появляются неизменные ошибки.

Российские специалисты по психологии и лингвисты считают навык процесса словотворчества одной из ярчайших характеристик обычного речевого развития [6].

Шаховская С. Н. (1997) отмечала, что связанная речь при ОНР несовершенна, у детей возникают трудности еще в процессе закладки высказывания, их отличают бедный словарный запас, нарушение зрительного восприятия и представления о пространстве, проблемы с вниманием и памятью.

Для детей с общим недоразвитием речи характерны:

- позднее появление речи;
- ограниченный словарный запас;
- грубое нарушение грамматического строя речи;
- выраженный недостаток звукопроизводительной стороны речи.

У детей возникают трудности при образовании существительных, прилагательных, глаголов, в частности:

1) неверное использование родовых, числовых и падежных окончаний существительных, прилагательных, местоимений;

2) ошибочное использование падежных и родовых окончаний количественных числительных;

3) неверное согласование глагола с существительными и местоимениями;

4) ошибочное использование родовых и числовых окончаний глаголов в прошедшем времени;

5) ошибочное употребление предложно-падежных конструкций.

Отметим главные проявления нарушений словообразования у детей младшего школьного возраста с ОНР:

а) одновременное добавление суффикса и префикса неправильно образует существительные от существительных: спина — «наспинник» («видела наспинник у собаки»);

б) при помощи приставки неправильно образуются глаголы от глаголов: стрелять — истрелять («салдат истрелял все пули»);

в) при помощи суффиксов неправильно образуются существительные от глаголов: копать — «копатель»;

г) неправильное одновременное присоединение префикса, суффикса и постфикса является редкой ошибкой, например: трухлявый — «этот пень струхлявился»;

д) одновременным добавлением префикса и постфикса неправильно образуются глаголы от глаголов: писать — «расписаться» («я так расписалась, что пропустила звонок с урока»);

е) одновременным добавлением суффикса и постфикса неправильно образуются глаголы от существительных: фен — «сестра фенится».

Исходя из знаний онтогенеза и ошибок, которые свойственны младшим школьникам с общим недоразвитием речи, вполне вероятно выполнить диагностику по словоизменению и словообразованию для последующей коррекционной работы. Но для конкретизации логопедической работы нужно не только выявить ошибки, но и понять, на каком уровне речевого развития находится данная группа детей. Далее идет диагностика, которая строится на нескольких принципах:

— принцип комплексности, когда используется много методик;

— принцип системности, когда обследование ребенка осуществляется по всем системам

методики, всем видам мышления, внимания, памяти и т. д.;

— принцип качественной диагностики и оценки ребенка в динамике (триада диагностики: в начале, в середине, в конце учебного года), при этом необходимо отслеживать сам процесс работы ребенка, его реакцию на результат работы, а также то, насколько целенаправленно работает ребенок;

— принцип учета возрастных способностей, который считается ключевым. Материалы, применяемые в процессе диагностики, не должны использоваться при коррекции данного нарушения (в противном случае может возникнуть эффект натасканности). Для объективной картины необходимо строить работу с учетом ведущей деятельности, согласно возрасту, например, очень эффективна игровая деятельность.

В ходе диагностики следует отслеживать не только то, что нарушено, но и то, что сохранено, так как на это в дальнейшем будем опираться.

МАТЕРИАЛЫ / МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для большей информированности в нашем исследовании были использованы высокоэффективные методики (понимание, собственное название, мышление). В процессе диагностики мы не учим ребенка; обязательно знакомим родителей с итогами диагностики и обговариваем степень их участия.

Из существующих методик была выбрана более подходящая — «Методика исследования словообразования существительных, прилагательных и глаголов» (создатель Р. И. Лалаева [4]). Можно выделить и другие методики: «Методика словоизменения и словообразования» (создатель Т. Б. Филичева), «Исследование способности словообразования» (создатели М. М. Алексеева, В. И. Лямина).

Подобранная нами диагностическая методика представлена четырьмя блоками:

1. Формирование предложений из слов в начальной форме.

2. Образование существительных множественного числа в именительном и родительном падежах. Этот блок вызывает большие трудности у детей младшего школьного возраста из-за плохого восприятия инструкции, поэтому используется диагностический материал в виде рисунков.

3. Изучение словаря и способностей словообразования:

а) образование существительных в уменьшительно-ласкательной форме;

б) образование прилагательных от существительных.

4. Изучение активного глагольного словаря.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для проведения констатирующего эксперимента была сформирована экспериментальная группа ЭГ1 из 25 ребят 6—7 лет с ОНР (IV уровень) и ЭГ2, в которую вошли 25 ребят той же возрастной категории с нормальным развитием речи.

Итоги эксперимента показали, что численность детей в группе ЭГ2 с высоким уровнем, умеющих составлять предложения из слов в начальной форме, на 24 % больше, чем в ЭГ1. Таким образом, словообразовательный процесс лучше дается детям с развитой речью.

Однако детей со средним уровнем приблизительно одинаковое количество: ЭГ1 — 52 %, ЭГ2 — 56 %.

Показатель невысокого значения больше на 28 % в группе с ОНР.

Во 2-м блоке дети в ЭГ1 не показали высокий уровень становления существительных множественного числа в именительном и родительном падежах, в итоге они распределились по среднему и низкому уровню.

В ЭГ2 более 50 % ребят показали высокий уровень, 40 % — средний, а низкий уровень в данной категории детей отсутствует.

В 3-м блоке дети из ЭГ1 выполнили задания намного хуже, чем дети из ЭГ2. Если в ЭГ1 основная масса испытуемых (48 %) располагается на низком уровне становления умения создавать прилагательные от существительных, то в ЭГ2 основная масса детей показывает высокий уровень (56 %).

Результат эксперимента с помощью 4-го блока снова показывает совместную положительную картину в ЭГ2 и отрицательную в ЭГ1. В группе детей с общим недоразвитием речи доминирует средний уровень становления активного глагольного словаря, и показатель невысокого значения также достаточно большой — 48 % (почти половина группы).

Больше половины детей с общим недоразвитием речи показывают средний уровень словоизменения и словообразования (72 % от общего числа испытуемых в группе). В ЭГ2 дети с развитой речью демонстрируют высокий уровень словообразовательного процесса — 72 %, низкий уровень в данной группе не диагностируется, что подтверждает у данных детей нормальное речевое развитие.

При обследовании процесса составления предложений из слов в начальной форме были обнаружены следующие особенности испытуемых из ЭГ1:

1) дети допускают многочисленные ошибки, которые сами не всегда исправляют;

2) получив задание, они, не задумываясь, быстро и с уверенностью дают ответ. Если у детей возникают трудности при изменении слов, то они прибегают к словотворчеству;

3) дети с развитой речью из ЭГ2 намного лучше выполняют задания, используя слова в предложениях, учитывая правила русского языка, и могут сами исправлять ошибки.

Качественный анализ умения создавать существительные множественного числа в именительном и родительном падежах показывает наличие проблем в ЭГ1. В обеих группах допускаются одни и те же ошибки при склонении слова «ухо», дети говорят «ухи», «ухов», «ух». В ЭГ1 довольно много ошибок видны в словах «стул», «звезда», «окно».

При обследовании уровня становления умений создавать прилагательные от существительных в детской речи выявлены следующие особенности:

1) детям с общим недоразвитием речи довольно непросто создавать качественные прилагательные: день солнечный — «солнцевый»; на варианты «снежный», «ветренный» вовсе не дают ответа;

2) у детей возникают трудности в употреблении притяжательных прилагательных. Лапа «медведичья», а не медвежья, а на вариант «лапа льва» вовсе не дают ответа.

Изучение уровня становления активного глагольного словаря показало, что у детей с

общим недоразвитием речи есть трудности в заданиях «дополнение к глаголу».

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, из выполненного нами исследования получен следующий вывод: присутствие детей с низким уровнем словообразовательного процесса в группе ЭГ1 (дети с общим недоразвитием речи) говорит о необходимости проведения целенаправленной коррекционной и педагогической работы по речевому развитию.

РЕКОМЕНДАЦИИ (ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Практическая значимость данной статьи заключается в том, чтобы подобрать более подходящие материалы для программы коррекционного воздействия для каждого ребенка в отдельности, учитывая его возрастные особенности.

Помощь детям с речевыми нарушениями носит комплексный характер, при этом родители играют не менее важную роль, чем специалисты, без их участия специалист не может гарантировать 100 %-ный благоприятный прогноз.

Родителям необходимо относиться с пониманием к специалистам и своему ребенку, контролировать свою речь, сделать ее четкой и понятной для восприятия ребенка. Они должны учитывать сложность речевого дефекта, не задавать ребенку вопросы, требующие развернутого ответа, когда ему это не под силу. Необходимо поддерживать ребенка, создавать благоприятную обстановку в семье, мотивировать на речевой контакт. И тогда общими усилиями можно повысить вероятность благоприятного прогноза для детей с речевой патологией.

Литература

1. Гвоздев А. Н. Усвоение детьми звуковой стороны русского языка / А. Н. Гвоздев. — СПб. : Акцидент, 1995. — 64 с.
2. Левина Р. Е. Влияние недоразвития речи на усвоение письма / Р. Е. Левина // Специальная школа. — 1963. — № 1. — С. 62—66.
3. Лалаева Р. И. Формирование лексики и грамматического строя у дошкольников с ОНР / Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова. — СПб., 2001. — 224 с.
4. Лалаева Р. И. Методика психолингвистического исследования нарушений устной речи у детей / Р. И. Лалаева. — Москва, 2004. — 23 с.
5. Туманова Т. В. К проблеме развития процессов словообразования у младших школьников с общим недоразвитием речи / Т. В. Туманова // Дефектология. — 2004. — № 5. — С. 34—41.
6. Bloom L. M. Language development: Form and function in emerging grammars / L. M. Bloom. — Cambridge, 1970.
7. Бойкова С. В. Развитие лексики и грамматического строя речи у дошкольников / С. В. Бойкова. — СПб. : Каро, 2004. — С. 7—10.

8. Арушанова А. Г. Формирование грамматического строя речи / А. Г. Арушанова. — Москва : Владос, 2005. — С. 142—283.
9. Александрова Т. В. Практические задания по формированию грамматического строя у дошкольников : пособие для логопедов и воспитателей / Т. В. Александрова. — СПб. : Детство-пресс, 2007. — 48 с.
10. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Академия, 2006. — С. 49—57.

FEATURES OF INFLECTION AND WORD FORMATION IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

S. I. Barsukova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

uryupina1994@inbox.ru

The idea of the article is motivated by the fact that nowadays we often face with speech disorders, in particular with word-making problems, and we need to be able to eliminate them. The purpose of the article is to analyze the study and identify the features of the formation of inflection and word formation in younger schoolchildren with general speech underdevelopment. The practical significance of this article is to find more suitable materials for speech therapy work, taking into account the age characteristics of each child individually. The article touches on the topic of correct recognition of violations of the word-making process, the result of which will allow for a better choice of correctional speech therapy work for children of primary school age with this speech defect. The article reveals the characteristic features of word-making in children with general underdevelopment of speech, and the development of the word-formation process in ontogenesis. Special attention is paid to the errors that manifest themselves in the process of word modification and word formation in children with general speech underdevelopment. The article analyzes possible methods that allow to accurately determine the speech disorder in children of primary school age. The results of the ascertaining experiment are presented. The author compares the process of word modification and word formation between children with general speech underdevelopment and children with normal speech development. It can be concluded that there is a need for correctional work with children of primary school age with general speech underdevelopment. The paper describes the importance of parents in the life of a child, to improve the effectiveness of speech therapy, with basic recommendations.

Key words: inflection, word formation, junior schoolchildren, general underdevelopment of speech, diagnostics, methods, ontogenesis.

References

1. Gvozdev, A. N. (1995) Usvoenie detmi zvukovoy storony russkogo yazyka [Assimilation of the sound side of the Russian language by children]. St. Petersburg: Accident, 64 p.
2. Levina, R. E. (1963) Vliyanie nedorazvitiya rechi na usvoenie pisma [The influence of underdevelopment of speech on the assimilation of writing]. Spetsialnaya shkola, (1), p. 62—66.
3. Lalaeva, R. I., Serebryakova, N. V. (2001) Formirovanie leksiki i grammaticheskogo stroya u doshkolnikov s ONR [Formation of vocabulary and grammatical structure in preschoolers with ONR]. St. Petersburg, 224 p.
4. Lalaeva, R. I. (2004) Metodika psikholingvisticheskogo issledovaniya narusheniy ustnoy rechi u detey [Methodology of psycholinguistic research of oral speech disorders in children]. Moscow, 23 p.
5. Tumanova, T. V. (2004) K probleme razvitiya protsessov slovoobrazovaniya u mladshikh shkolnikov s obshchim nedorazvitiem rechi [On the problem of the development of word formation processes in younger schoolchildren with general speech underdevelopment]. Defektologiya, (5), p. 34—41.
6. Bloom, L. M. Language development: Form and function in emerging grammars. Cambridge, 1970.
7. Boykova, S. V. (2004) Razvitie rechi i grammaticheskogo stroya u doshkolnikov [Development of vocabulary and grammatical structure of speech in preschoolers]. St. Petersburg: Karo, p. 7—10.
8. Arushanova, A. G. (2005) Formirovanie grammaticheskogo stroya rechi [Formation of the grammatical structure of speech]. Moscow: Vlados, p. 142—283.
9. Aleksandrova, T. V. (2007) Prakticheskie zadaniya po formirovaniyu grammaticheskogo stroya u doshkolnikov [Practical tasks on the formation of the grammatical system in preschoolers: A manual for speech therapists and educators]. St. Petersburg: Detstvo-press, 48 p.
10. Efremova, T. F. (2006) Tolkovyy slovar slovoobrazovatelnykh edinits russkogo yazyka [Explanatory dictionary of word-forming units of the Russian language]. Moscow: Akademiya, p. 49—57.

С. И. Барсукова

ПМГМУ
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
uryupina1994@inbox.ru

СПЕЦИФИКА ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ III УРОВНЯ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ

В рамках статьи проводится исследование и анализ специфики логопедической работы с детьми III уровня речевого развития. Акцентируется внимание на речевых расстройствах детей и работе логопеда в рамках данной проблемы. Представлены примеры ошибок, встречающихся в речи детей с нарушением фразовой речи. Описаны этапы логопедической коррекционной деятельности с детьми III уровня развития речи.

Общее недоразвитие речи является сложным нарушением, которое включает речевую симптоматику и влияет на жизнь ребенка и его общение в социуме. Общение учит детей управлять людьми, выражать свои эмоции и переживания, вступать в разные отношения. В процессе контакта с другими детьми у ребенка пополняется словарный запас. Важным звеном в коррекционной работе являются родители, помощь и участие которых повышает процент положительной динамики.

Ключевые слова: логопедическая работа, третий уровень речевого развития, логопед, специфика, развитие речи, дети с общим недоразвитием речи.

ВВЕДЕНИЕ

Освоение артикуляции — это сложный процесс, в который ребенок включается с самого рождения. Развитие речи в младшем возрасте является многоаспектным процессом, тесно связанным с интеллектуальным развитием ребенка. Это тот возрастной этап, когда происходит становление как нравственных, так и моральных установок, основных психических процессов индивидуального развития ребенка. Именно в этом возрасте нельзя допустить задержку развития речи, комплексно исследуя данный вопрос [4, с. 2].

Речевые расстройства у детей включают различного рода состояния, нарушающие способность к общению. Речевые отклонения серьезны и имеют плохие последствия, что препятствует участию детей в жизни семьи, общества, влияет на школьную успеваемость, трудоустройство [10].

Коррекционно-логопедическая работа основана на:

- а) ориентировании индивидуального психоэмоционального фона ребенка;
- б) создании для ребенка положительных эмоций, обеспечении комфортных условий и моральной поддержки;
- в) общении и помощи в лице воспитателей, родителей и др.;

г) занятиях игрового формата, которые предполагают положительное влияние на процесс обучения.

В работе с детьми, имеющими речевые проблемы, а именно детьми с общим недоразвитием речи (ОНР) III уровня, есть отличительные черты. Для логопеда важно найти индивидуальный подход к каждому пациенту, учитывая его физическое и психическое развитие, так как у таких детей внимание, восприятие, память и проявление характера более выражены по сравнению с нормально развивающимися детьми.

В связи с вышесказанным следует отметить, что логопед не может вести занятия по стандартной программе, необходим индивидуальный подход [5, с. 4]. Например, некоторые дети усваивают материал и продуктивнее работают на индивидуальных занятиях с логопедом. Другие любят работать в группе, поэтому логопед приходит в класс и присоединяется к работе вместе с дефектологом и воспитателем [8]. Важно, чтобы ребенок услышал, привык вслушиваться в речь, и только после этого можно приступать к развитию произвольного внимания. На данном примере логопед учит детей подражать действиям с предметами, движениями.

Логопед должен внимательно наблюдать за ребенком. Важно, чтобы он был активен и

включен в процесс занятия. Для того чтобы не было снижения внимания, нужно менять вид деятельности во время сеанса, переключая интерес ребенка на другое действие.

Дети с общим недоразвитием речи медленно усваивают или воспринимают материал. У детей с III уровнем речевого развития нет оперативного реагирования. Работа логопеда может показаться безрезультатной. Конечный результат может проявиться в жизни ребенка через год или два. И логопеды должны быть готовы к таким особенностям восприятия ребенка и обратной связи с педагогом [8].

Для детей с ОНР III уровня речевого развития характерно нарушение фразовой речи с элементами лексико-грамматического и фонетико-фонематического недоразвития. Им свойственно неразделенное звукопроизношение, когда при произношении любого количества звуков один звук заменяется на другой, близкий по смыслу. К таким звукам относятся свистящие, шипящие, аффрикаты и сонорные группы. В процессе работы дети верно произносят за логопедом трех- и четырехсложные слова, сокращая их в речи: например, вместо «дети слепили снеговика» ребенок говорит «дети сипили новика». Также наблюдаются ошибки в количестве и порядке звуков внутри каждого слова: дети перестанавливают и заменяют звуки со слогами, сокращают их в слове. Наблюдается неправильное употребление лексических значений слов. Ребенок использует много глаголов и существительных, но в речи отсутствуют слова, которые обозначают качества, состояние признаков, предметов и действий. Ребенку легче употребить в речи простые предложения (или распространенные предложения, состоящие из 3—4 слов), он очень редко применяет предложения со сложными конструкциями [2]. Таким образом, нарушается структура фразы, ребенок не может грамматически правильно изменить слова в предложении, возникают трудности в построении предложения. Есть ошибки в образовании множественного числа, изменении слов по родам, лицам и падежам [1]. Большое количество ошибок присутствует в использовании простых и сложных предлогов.

Охарактеризуем более детально, какие дефекты речи следует выделить и какова специфика работы логопеда с данной проблемой.

МАТЕРИАЛЫ / МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа логопеда заключается в коррекции произношения всех нарушенных звуков и слогов, формировании звуковой стороны речи, ис-

пользуя различные артикуляционные упражнения, и развитии фонематического слуха. На индивидуальных занятиях с детьми стоит больше времени уделять особенностям артикуляции для каждого звука, это поможет ребенку лучше справляться на фронтальных занятиях, где происходит закрепление уже поставленных звуков, их постановка и автоматизация. Сначала выделяются звуки из общего ряда, потом данный звук находится в слогах и словах, находится ударная гласная в словах, выделяется звук в слогах и простых словах. В процессе обучения дети накапливают опыт анализа слова, объединения звуков в слогах и словах и запоминают названия звуков.

Количество дней, отведенное для каждого этапа, будет зависеть от способностей детей. Групповые и индивидуальные занятия носят игровой характер. Специфика работы — комбинированный и игровой характер занятия. На занятиях идет работа со звуками, ребенок объединяет звуки в слова, используя речевые игры и различные игрушки. Игра — важный элемент занятия и форма, которая необходима для достижения хороших результатов.

Ребенок не должен терять интерес и внимание к происходящему [8]. Дети усваивают материал только в том случае, если логопед применяет особый подход к каждому ребенку, учитывая динамику развития. Использование упражнений в звуковом анализе и синтезе, основанных на четких кинестетических ощущениях, способствует овладению звуками речи. Это имеет большое значение в формировании речи с помощью постановки и уточнения звуков. Когда логопед фиксирует правильное произношение звуковых сочетаний у детей, он должен вместе с этим проводить упражнения для развития дикции и устранения трудностей в произношении слов сложного состава. На последнем этапе во время закрепления правильных звуков и слов разного звукового состава логопед подбирает специальные упражнения, направленные на развитие лексических и грамматических элементов речи одновременно.

Следующим шагом в развитии слухового внимания и осознанного восприятия языка является развитие зрительного внимания и осознанного восприятия речи. Детям дают задания, которые побуждают их понимать и различать предмет, его часть, назначение. Например, логопед обращается к ребенку, используя глаголы: «принеси такой-то предмет», «покажи, где...». Затем изучают направление действий и местонахождение предметов. Далее идет работа

с предложениями местонахождения «в, на, под», например: «положи книгу на стол», «положи рисунок на полку», «положи игрушку под стульчик». С предметами работают по принадлежности: мой, моя, моё. При помощи действий можно указать на признаки того или иного предмета, например: «собрать большие кубики» или «убрать лишь синие ленточки». Это направление деятельности на предмет (или на его назначение). В следующий раз ребенок должен будет взять куклу, переодеть ее и уложить спать. Ребенок слышит поручение и доводит действия до конца. Для того чтобы он овладел диалогом, нужно упражнять его в устной речи, задавать вопрос, и постепенно ответы на вопросы превращаются в диалог. Дети также учатся сами задавать вопросы [2]. По этой причине следует обратить особое внимание на то, что логопед постоянно нуждается в новых знаниях, которые он приобретает благодаря использованию приобретенных навыков.

Для эффективности коррекционной работы логопед должен тесно общаться с родителями, воспитателями и другими специалистами. Все изменения в поведении ребенка обговариваются со взрослыми и педагогами. Родители дома, а педагоги на занятиях подталкивают детей к применению отработанных навыков. Логопеды получают обратную связь о состоянии ребенка в конце занятия, а также планируют стратегию урока. Логопед просит педагога развивать у детей речь, упражнять в составлении диалога [8]. У особых детей этот процесс медленный и трудный. Также не стоит забывать, что дети могут противиться занятиям после основных уроков. Но если не упражнять ребенка в устной речи каждый день и не задавать вопросы, не следить за тем, как он строит диалог, в конце коррекционных занятий логопед не будет видеть ожидаемого результата. Неотслеживаемые ситуации могут контролировать родители и педагоги, помогая логопеду [9, с. 112].

Формирование словарного запаса — это неотъемлемая часть развития ребенка. Для занятий подбирают набор слов, вызывающих трудности у детей. Когда логопед дает материал детям для запоминания предмета, то эта информация должна подкрепляться практическим знакомством с простыми формами словотворчества, при этом отрабатывается понимание оттенков слов. Дети знакомятся с полным и уменьшительными вариантами имен: Маша, Машенька, Стёпа, Стёпочка; учатся слушать и понимать слова, имеющие лексическое значение; в дальнейшем они будут учитывать это в обра-

зовании слова каждой морфемы. С помощью логопеда подбираются слова, в которых суффиксы не изменяют основного значения (например: рот — ротик, нос — носик, хвост — хвостик). После этого детей знакомят с более сложными структурами: суффиксы -очк, -ечк, -чик — чашечка, маечка, огурчик. В процессе работы следует учитывать ее особенности (ребенок с неразвитым речевым аппаратом с трудом произносит даже простые слова) и сложные слова добавлять постепенно, давая возможность ребенку понять значения слов и расширять свой словарный запас. При этом для увеличения объема лексики используют специальные задания, которые помогают развить навыки понимания различий между предметами, а также умение понимания их обобщенного значения — это цвет, форма, размер [2]. По ходу обучения в процессе уточнения признаков детей просят сравнивать одинаковые предметы, отличающиеся одним признаком; затем предметы группируют по совокупности признаков, и дети угадывают замысел предмета.

Следующий этап — это формирование грамматического строя языка. Исходя из того, что слух у детей сохранен, их учат выбирать наиболее часто употребляемые слова и формы для выражения своих мыслей. Чтобы наглядно показать предмет, логопед использует конкретную ситуацию и выделяет из нее объект и действие. Дети повторяют слова за логопедом, а затем произносят их самостоятельно. Используя наглядные пособия, дети усваивают способ изменения слова в предложении [2].

На следующем этапе осуществляется закрепление винительного, дательного, родительного, творительного и предложного падежей. Дальнейшее развитие речи происходит, когда у ребенка развивается умение вслушиваться в речь, различать, сравнивать и правильно называть грамматические формы. Нужно учесть тот факт, что закрепление падежей идет после развития навыков вслушиваться в речевые фразы, когда ребенок может выделить или правильно употребить грамматику.

Логопед проводит упражнения по формированию связной речи языка. Задача логопеда в проведении упражнения — это применение наглядных изображений. По иллюстрациям дети учатся формировать небольшой устный рассказ. При выполнении упражнений младшие школьники используют существительные в различных падежах. Например, ребенок рассказывает, с какой любимой игрушкой он играл на улице. Для закрепления материала на следующем за-

нятии логопед ставит вопросы таким образом, чтобы дети могли распространять предложения с помощью качественных и относительных прилагательных в разных падежах, различные слова-определения, которые указывают, как протекает действие. При обучении детей составлению рассказов логопед часто использует сравнения. Задавая вопросы детям, логопед обращает внимание на размер предметов, их предназначение и цветовую гамму. Например, сравним две пары мячей. Один мяч большой, другой — маленький; один белого, другой — красного цвета. После этого логопед с детьми устанавливает сходство объектов: по форме, по материалу и по назначению. Логопед составляет рассказ, в котором описывается один из предметов. Дети воспроизводят рассказ, и далее их задача — составить рассказ по плану, который дал логопед.

При обучении связной речи внимание уделяется составлению рассказа по картинке [2]. Навык работы с картинкой заключается в развитии понимания содержания, умении последовательно его рассказывать, при этом происходит позитивное влияние на построение высказываний. Хорошо развивается мышление у ребенка при пересказе какого-либо события из жизни, мультфильма, спектакля, услышанного.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ НА ДАННОМ ЭТАПЕ

Дети учатся думать во время пересказа, пробуждают самостоятельную мысль, проявляют умственные усилия. Как раз дидактические игры дают возможность проявить свои навыки мышления, поскольку дети используют свои знания в мыслительных операциях: делают выводы и даже обобщают.

Наиболее сложной задачей для ребенка является беседа с педагогом. Например, после просмотра мультфильма обсуждают сюжет, который немного отличается от пересказа. Во время обучения пересказу одновременно осуществляется развитие слуховой памяти и внимания. Логопед обучает составлению различных типов предложений во время формирования устной речи. Если говорить о последовательности усвоения конструкций предложений и грамматических форм языка, то она зависит от развития речи и динамики этого развития [6, с. 136].

На каждом последующем этапе работа логопеда усложняется, специалист прибегает к использованию разных методических приемов и рабочих материалов. Нужно с первых же дней приучать малыша к общению с логопедом, ак-

тивно включаться во взаимодействие с ним, учитывать его возрастную специфику, а также характерологические особенности детей, имеющих выраженный речевой негативизм, со сниженной эмоциональной активностью. Основные задачи в работе логопеда — заинтересовать ребенка и сформировать мотивацию для подражания [6, с. 136].

Особенности логопедической работы заключаются в том, что логопед должен следовать условиям общеобразовательной программы по воспитанию и обучению дошкольников в детском саду, опубликованной под редакцией М. А. Васильцевой, В. В. Гербовой, Т. С. Комаровой [7, с. 10]. В программу логопедической работы включены задачи коррекционного типа, которые направлены на устранение дефектов в сенсорных, аффективно-волевых, интеллектуальных сферах, обусловленные характерными чертами развития речевого недоразвития. Воспитателем ведется работа по коррекции имеющихся отклонений в умственном или физическом развитии и пополнению представлений ребенка об окружающей среде и людях. Это способствует созданию базы для формирования компенсаторных возможностей детей, что в конечном итоге благоприятно влияет на овладение речью.

Для ребенка с речевым дефектом в детском саду предоставлены все возможности для развития речи. В процессе социализации происходит адаптация ребенка к школьной программе, он учится выполнять задания, которые предложены в программе детского сада. Специалист по данному профилю должен принимать во внимание индивидуально-типологическую специфику детей с нарушениями речи и помогать развивать восприятие, мотивацию, формы мышления.

Логопед учитывает, что у ребенка отстаёт познавательная активность. Это отставание формируется под влиянием нарушения в процессе речевой деятельности, сужения коммуникативных связей с обществом, неверных приемов семейного воспитания [7, с. 11]. Задача логопеда — создать дружелюбную обстановку в детском коллективе и укрепить веру в собственные способности и возможности. Необходимо снизить отрицательные переживания, связанные с речевой патологией, сформировать интерес к занятиям. Логопед должен уметь анализировать негативные проявления в поведении ребенка, своевременно замечать агрессивность детей или конфликтность, а также повышенное состояние утомления, пассивности, вялости и с учетом этого предъявлять определенные требо-

вания, осуществлять личностно ориентированную работу с речью и поведением ребенка. Если педагог правильно организует психолого-педагогическое воздействие, устойчивых нежелательных отклонений в поведении не возникает, в группе формируются коллективные и социально-приемлемые отношения [7, с. 10].

Следующий этап работы — это проведение обучающих занятий для детей с целью дать знания по грамотной речи. Развитие навыков звукопроизношения находится в тесной связи с данным типом обучения. Коррекционный тип занятий имеет следующие цели: ребенок должен научиться грамоте, уметь читать и писать. Звуковые формы, формы звукоречевого анализа и обучение письму, чтению — это обязательные составляющие в системе занятий. По окончании анализа звука логопед, используя специальные средства, выделяет в слове каждый звук, в частности, долгое произношение гласных, сонорных или шипящих звуков, громкое четкое произношение взрывчатых и губных звуков [3, с. 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ НА ДАННОМ ЭТАПЕ

В момент произнесения звука дети воспроизводят и изучают состав слова. В то же время они усваивают терминологию, которая состоит из звуков, слов, слогов, предложений; разделяют звуки по признакам твердости, звонкости, мягкости и глухости. Детей знакомят с гласными и согласными буквами, формируют умение складывать буквы в слоги, которое дома закрепляется с родителями, а на занятиях — с воспитателями. Необходимо провести упражнения в игровой форме, в них должен присутствовать дух соревнования.

Следующая методика работы — это придумывание слов. Дети хлопают в ладошки и по количеству хлопков придумывают целое слово. В процессе занятия добавляют слог, которого недостаточно для составления двух или трех трудных слов. Затем выбираются изображения из двух и трех слогов. Когда дети знакомятся с буквами, они вписывают слоги в схему слова. Детям рассказывают, что гласный звук находится в каждом слоге, а в словах столько слогов, сколько гласных звуков. Дети к концу учебного года учатся делить слова на слоги и определять их количество и порядок. Предлагаются конструкции: существительное + глагол + имя, имя + глагол, например: Вера играет. В обед Алина ест кашку — т. е. постепенно усложняется состав предложения, в котором дети знакомятся с ситуацией [3, с. 17].

ВЫВОДЫ

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ

В заключение можно сказать, что недоразвитие речи является комплексным нарушением, включающим речевую симптоматику и влияющим на жизнь ребенка в целом. В ходе исследования было выяснено, что логопед должен обладать определенными качествами и терпением для работы с особыми детьми, использовать индивидуальный подход к детям, игровые формы обучения, комплексные упражнения для формирования речи. Логопед не может проводить занятия по стандартной программе, так как необходимы упражнения, разработанные для детей с нарушениями речевого развития, при этом специалист должен безукоризненно следовать коррекционной программе. Такая программа позволяет работать над развитием речи особых детей, в нашем случае — детей с развитием речи III уровня, которые характеризуются чертами недоразвития речи; корректировать их речь и развивать в правильном направлении. Логопед занимается коррекцией отклонений ребенка, проявляющихся в большей степени в умственном и физическом развитии.

Ребенок овладевает речью, когда созданы благоприятные условия и дружеская атмосфера в детском коллективе. Поэтому перед логопедом стоит задача поддерживать и поощрять детей, создать благоприятную обстановку в группе, формировать желание заниматься и достигать поставленных целей. Во время работы с такими детьми обязательно нужно учитывать их индивидуальные и возрастные особенности.

В случае правильной организации обстановки для работы, своевременного сглаживания агрессивности и конфликтности логопед получает ожидаемый результат.

РЕКОМЕНДАЦИИ

(ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Важную роль в развитии речи детей с ОНР играют родители. Взаимоотношения логопеда с родителями таких детей выстраиваются на основании особенностей ребенка и активного участия родителей в их жизни. По рекомендации логопеда родители должны взять пособия, по которым они будут заниматься со своими детьми дома, закреплять материал за пределами логопедического кабинета. При этом ребёнок будет иметь возможность получить опыт и знания в реальной жизни.

Особенности работы логопеда требуют от него колоссального терпения, способности со-

переживать и понимать, творческого подхода, психологической гибкости. Эти черты специалиста приведут к успешному результату в рабо-

те — позволят ребёнку войти в контакт с окружающим миром и развить навыки коммуникации [8].

Литература

1. Артамонова Н. В. ОНР 3 уровня / Н. В. Артамонова. — Москва, 2020.
2. Кушнир Т. Н. Логопедическая работа с детьми с общим недоразвитием речи / Т. Н. Кушнир. — Москва, 2018.
3. Новикова И. А. Особенности логопедической работы при ОНР 3 уровня / И. А. Новикова. — Москва, 2016. — 25 с.
4. Матершева Е. И. Коррекция нарушений звукопроизношения детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи / Е. И. Матершева. — Балашов, 2016. — 13 с.
5. Петрова Е. В. Формирование фонетического строя речи у детей с ОНР 3 уровня / Е. В. Петрова. — Саратов, 2016. — 11 с.
6. Филичева Т. Б. Основы логопедии : учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Педагогика и психология (дошк.)» / Т. Б. Филичева, Н. А. Чевелева, Г. В. Чиркина. — Москва : Просвещение, 1989. — 223 с.
7. Коррекция нарушений речи: программы дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушениями речи / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина, Т. В. Туманова, С. А. Миронова, А. В. Лагутина. — Москва : Просвещение, 2008. — 29 с.
8. Специфика логопедической работы. — URL: <https://psylist.net/psytera/spech20.htm> (дата обращения: 13.04.2022).
9. Эндерби П. Речевая и языковая терапия: это работает? / П. Эндерби. — Чичестер, Великобритания : Джон Уайли и сыновья, 1995. — 118 с.
10. Childhood speech and language disorders in the general U. S. population. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 13.04.2022).

SPECIFICS OF SPEECH THERAPY WORK WITH CHILDREN OF THE III LEVEL OF SPEECH DEVELOPMENT

S. I. Barsukova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

uryupina1994@inbox.ru

The purpose of the article is to study and analyse the specifics of speech therapy work with children of the III level of speech development. The author emphasizes the speech disorders of children and the work of a speech therapist within the framework of this problem, and presents the examples of errors occurring in the speech of children with a violation of phrasal speech. One of the most important tasks of speech therapy is the study of speech disorders, and the search for methods to overcome the problem of level III speech development.

The paper describes the stages of speech therapy correctional activity with children of the III level of speech development. General underdevelopment of speech is a complex disorder that includes speech symptoms, affecting the life of the child and his communication in society. One of the important conditions for a full-fledged life of a child, and his successful schooling, is full timely speech development. Communication with peers and adults is necessary for the development of speech. Communication teaches children to manage people, express their emotions and experiences, and enter different relationships. In the process of contact with other children, the child's vocabulary is replenished. When a child has speech peculiarities, it becomes more relevant to study the peculiarities of the speech therapist's work with such children and to search for methods for complex work with general speech underdevelopment. Parents are an important link in correctional work, their participation will increase the percentage of positive dynamics.

Key words: speech therapy work, the third level of speech development, speech therapist, specificity, speech development, general speech underdevelopment.

References

1. Artamonova, N. V. (2020) ONR 3 urovnya [General speech underdevelopment: level 3]. Moscow.
2. Kushnir, T. N. (2018) Logopedicheskaya rabota s detmi s obschim nedorazvitiem rechi [Speech therapy work with children with general speech underdevelopment]. Moscow.
3. Novikova, I. A. (2016) Osobennosti logopedicheskoy raboty pri ONR 3 urovnya [Features of speech therapy work at general speech underdevelopment level 3]. Moscow, 25 p.
4. Matersheva, E. I. (2016) Korrektsiya narusheniy zvukoproiznosheniya detey doshkolnogo vozrasta s obschim nedorazvitiem rechi [Correction of violations of the sound pronunciation of preschool children with general speech underdevelopment]. Balashov, 13 p.
5. Petrova, E. V. (2016) Formirovanie foneticheskogo stroya rechi u detey s ONR 3 urovnya [Formation of the phonetic structure of speech in children with general speech underdevelopment of level 3]. Saratov, 11 p.
6. Filicheva, T. B., Cheveleva, N. A., Chirkina, G. V. (1989) Osnovy logopedii [Fundamentals of speech therapy: Textbook for students of pedagogical institutes]. Moscow: Prosveschenie, 223 p.
7. Filicheva, T. B., Chirkina, G. V., Tumanova, T. V., Mironova, S. A., Lagutina, A. V. (2008) Korrektsiya narusheniy rechi: programmy doshkolnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniy kompensiruyuschego vida dlya detey s narusheniyami rechi [Correction of speech disorders: programs of preschool educational institutions of compensating type for children with speech disorders]. Moscow: Prosveshchenie, 29 p.
8. Spetsifika logopedicheskoy raboty [Specifics of speech therapy work]. URL: <https://psylist.net/psytera/spech20.htm> (access date: 13.04.2022).
9. Enderby, P. (1995) Rehevaya i yazykovaya terapiya: eto rabotaet? [Speech and language therapy: does it work?]. Chichester, UK: John Wiley and Sons, 118 p.
10. Childhood speech and language disorders in the general U. S. population. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (access date: 13.04.2022).

О. Н. Вдовина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Ovdovina33@gmail.com

Е. В. Чичкова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Shabrova94@gmail.com

А. Д. Гемранова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Shabrova94@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ВКУСОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме вкусовых предпочтений личности в разных психических состояниях. Авторами сделана попытка осмысления того, как настроение и темперамент личности влияют на выбор блюд. Одной из главных причин, по которым человек строит свои вкусовые предпочтения, является повышение положительных эмоций и снижение негативных вследствие употребления определенных продуктов и напитков.

Цель данного исследования — изучить, как влияют продукты питания на самочувствие человека, а также определить, какое влияние оказывает настроение и темперамент на предпочтения человека. Чувствительность к некоторым вкусовым стимулам индивидуальна, и пороговые значения у людей разного пола существенно разнятся. Объектом исследования выступает личность человека. Предметом исследования являются вкусовые предпочтения личности. Методология исследования представлена общенаучными методами, такими как анализ и синтез информации из открытых источников, аналитическое обобщение теоретических данных, а также опрос и анкетирование. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что определенные личностные черты могут быть связаны с порогами вкусовой и обонятельной чувствительности. Новизна данного исследования состоит в очном анкетировании студентов Ульяновского государственного университета с целью определить, что хочется человеку в том или ином настроении, а также в онлайн-опросе респондентов. Всего в исследовании приняли участие 93 человека. Результаты были получены из опросов, сделанных на основе меню одного из ресторанов города Ульяновска. Практическая значимость заключается в возможности использования данного исследования для наиболее полного и широкого изучения настоящей темы.

Ключевые слова: вкусовые предпочтения, личность, темперамент, эмоции, настроение.

Еда определенным образом влияет на организм живых существ. Она не только насыщает, но и влечет за собой некий эффект. Неудивительно, что не все то, что пытаются употребить какое-либо живое существо, является съедобным.

Отравление является одним из негативных свойств некоторых продуктов. В народной же медицине очень часто наблюдаются связи между продуктами питания и их положительным влиянием на здоровье человека. Человек

путем наблюдений и получения информации извне определяет для себя, как на него повлияет тот или иной продукт питания. Так, массово известно, что кофе повышает продуктивность, шоколад улучшает настроение, мята имеет успокаивающий эффект, а мёд и малина являются лекарством при простуде.

Многие считают, что кофеин повышает продуктивность и улучшает настроение [1, 4, 5, 9]. Даже ожидание употребления кофеина может улучшить работоспособность и настроение. Кофе приравнивается к наркотику из-за предполагаемого для человека значимого эффекта. Однако проведено не одно исследование, доказывающее, что кофеин не оказывает настолько большого эффекта, как принято считать [7, 8]. Действительно, кофеин оказывает влияние на человека, но оно заметно отличается от того, которое представляется обществу. Одно из немногих подтвержденных свойств кофеина — это кратковременность. Кофеин поднимает настроение и на самом деле повышает работоспособность, но совсем немного и ненадолго. Поэтому кофеин лучше употреблять утром, тогда его свойства раскрываются намного лучше. Настроение поднимается, человек быстрее просыпается и получает немного энергии, чего впоследствии хватает для бодрого начала дня. Потребление слишком большого количества кофеина может привести ко многим побочным эффектам, таким как напряжение, нервозность, беспокойство, головная боль и бессонница.

Другой продукт, который схож по характеристикам с кофе, — это шоколад. Потребление шоколада в больших количествах вызвано негативными эмоциями. Однако связи между снижением стресса и тревоги и самим шоколадом не найдено. Высококачественный шоколад в небольшом количестве немного повышает настроение и улучшает бдительность в течение дня. А вот чрезмерное его употребление, наоборот, повышает симптомы депрессии. Согласно словарю психологических качеств и свойств, депрессия — «в психологии аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, изменениями мотивационной сферы, когнитивных представлений и общей пассивностью поведения. Субъективно человек испытывает, прежде всего, тяжелые, мучительные эмоции и переживания — подавленность, тоску, отчаяние» [6].

Что касается иной пищи, богатой белком, то ее употребление позитивно сказывается на человеке. Такая еда значительно повышает настроение и уменьшает стресс. Известно, что

потребление намного большего или меньшего количества белка, чем рекомендовано, может увеличить вероятность депрессии и тревожных расстройств.

Овощи и фрукты также ассоциируются с психологическим состоянием, когнитивными функциями и настроением как у мужчин, так и у женщин. Ежедневное употребление различных сочетаний овощей и фруктов имеет колоссальное влияние на человека. Их использование в рационе способствует значительному повышению положительных эмоций и снижению негативных, а также повышению креативности и улучшению здоровья.

Помимо еды влияют на настроение человека способны и запахи. Так, запах цитрусовых положительно сказывается на человеке, повышает настроение и физическую активность у молодых людей и влияет на выбор продуктов. А вот запах ванили влияет только на проецируемые эмоции. Аромат мятного чая способен вернуть эмоции в гармонию и успокоить человека, аромат корицы насыщает энергией и поднимает настроение.

Однако цвет оказывает влияние на человека не меньше, чем запахи. Если человеку в конкретный момент хочется поднять себе настроение, то ему стоит употребить что-то яркое, если же надо успокоиться — то продукт более нейтрального цвета.

Почти у каждого продукта питания есть свое предназначение по цвету, это один из способов корректировки собственного настроения:

1) белый цвет — рис, капуста, белая рыба — снимает напряжение, отгоняет тревогу;

2) красный — гранат, вишня, арбуз — пробуждает жизненные силы и энергию, человек заряжается позитивом;

3) оранжевый — апельсин, морковь — улучшает настроение;

4) зеленый — яблоко, горох, зелень — рассеивает отрицательные эмоции, обладает снотворными действиями;

5) синий — черника или ежевика — при стрессе снижает сердцебиение и, как следствие, расслабляет психику человека [2].

Перейдем к теме предпочтений. То, что те или иные продукты влияют каким-то определенным образом на настроение человека, это понятно. Выявим тенденцию влияния настроения на выбор блюд или напитков. Многие задумываются о том, чтобы съесть дольку шоколада, если они чем-то опечалены. Люди едят его с мыслью, что он поднимет настроение. Это не совсем так. На самом деле люди, испытываю-

щие стресс и горечь, действительно стремятся употреблять шоколад, но совсем не с мыслью о его свойствах. В данном случае это является следствием, что грустным людям нужно съесть что-нибудь сладкое. В действительности же это желание, если можно так сказать, потребность, некая необходимость. Человека, переживающего подобные эмоции, просто тянет на сладкое. Зачастую сладкоежкам не хватает поддержки и нежности, так как вся тяга к сладкому в таком случае основана на замене необходимых положительных эмоций. Здесь становится ясно, что грусть, тоска или уныние становятся толчком в выборе продукта, в данном случае шоколада. Пессимистичные люди часто предпочитают острую еду, так как им проще сконцентрироваться на плохом; обилие жирной пищи в рационе связано с чувством вины, неприятием своих поступков и мыслей [2].

Темперамент тоже влияет на пищевые предпочтения. Как отмечает Большой психологический словарь, «темперамент (от лат. *temperamentum* — соразмерность, умеренность) — закономерное соотношение устойчивых индивидуальных особенностей личности, характеризующих различные стороны динамики психической деятельности и поведения» [3].

Люди с *сангвиническим темпераментом* склонны к мясу, в основном жареному и с обилием специй, равнодушны к фруктам. Продукты с большим содержанием углеводов, соленую и острую пищу предпочитает холерический тип темперамента. *Холерики* расположены к кислым фруктам. У *флегматиков* чаще всего сбалансированное питание, такие люди любят интересные сочетания необычных ингредиентов, фрукты предпочитают мягкие, такие как дыня, арбуз, персик или груша. *Меланхолики* склонны к сладкой и кисловатой еде [10].

Авторами статьи проведено масштабное исследование, целью которого было определить, что хочет человек в том или ином настроении. Результаты были получены из опросов, сделанных на основе меню ресторана Miruku в г. Ульяновске¹.

Сбор ответов был проведен на двух площадках:

- 1) Онлайн-опрос на сайте <https://anketolog.ru>.
- 2) Очное анкетирование (опрос респондентов-студентов ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»).

Опрос делился на несколько вариантов, каждый из которых содержал в себе вопросы к определенному настроению: радость, бодрость, гнев, раздражение, обида, грусть, тоска, тревога.

Онлайн-опрос прошли 58 человек (37 женщин и 21 мужчина) в возрасте от 14 до 30 лет. Большую часть опрошенных составляла молодежь 18—25 лет (рисунок 1).

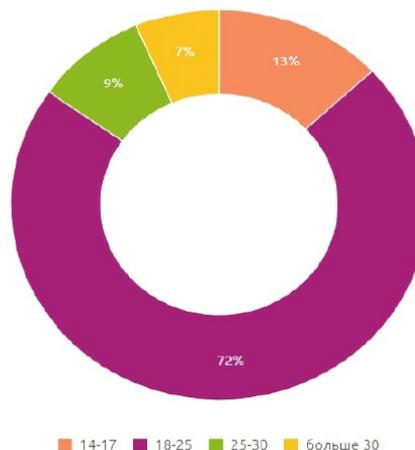

Рисунок 1. Диапазон возраста участников исследования

На первом этапе исследования (на площадке <https://anketolog.ru>) было задано 2 вопроса:

1. «Влияет ли погода на настроение?» — 85 % респондентов ответили «да».
2. «Влияет ли содержание песен, книг, кинофильмов и т. п. на ваше настроение?» — 80 % респондентов ответили «да».

Вторым этапом нашего исследования было очное анкетирование 35 студентов УлГУ на **выявление вкусовых предпочтений в радостном/бодром настроении**. Ответы респондентов сводились к вопросу «У вас чудный день и вас переполняют позитивные эмоции, что в таком случае вы хотели бы попробовать?»:

- Что-нибудь сладкое — 43 %;
- Что-нибудь кислое — 11 %;
- Что-нибудь острое — 22 %;
- Что-нибудь солёное — 24 %.

В соответствии со вкусовыми предпочтениями мы предлагали респондентам на выбор 4 набора продуктов:

Предлагаемый набор № 1

- 1 вариант — морепродукты
- 2 вариант — овощи
- 3 вариант — мясо
- 4 вариант — сладкое

¹ Ресторан японской кухни Miruku работает в Ульяновске с 2017 года.

Предлагаемый набор № 2

- 1 вариант — овощи
- 2 вариант — морепродукты
- 3 вариант — мясо

Предлагаемый набор № 3

- 1 вариант — сладкое, не содержащее в себе фруктов
- 2 вариант — сладкое, содержащее в себе фрукты
- 3 вариант — салат с морепродуктами или мясом
- 4 вариант — салат без морепродуктов или мяса

Предлагаемый набор № 4

- 1 вариант — безалкогольный напиток

2 вариант — алкоголь

3 вариант — чай

4 вариант — кофе

На вопрос «У вас чудный день и вас переполняют позитивные эмоции, что в таком случае вы хотели бы попробовать?» *женская половина* ответила так:

— Что-нибудь сладкое — 43,8 %;

— Что-нибудь кислое — 9,4 %;

— Что-нибудь острое — 15,6 %;

— Что-нибудь солёное — 31,3 %.

Ответы женского пола были соотнесены с ресторанным меню и представлены сводным результатом вкусовых предпочтений женщин в радостном/бодром настроении (рисунок 2).

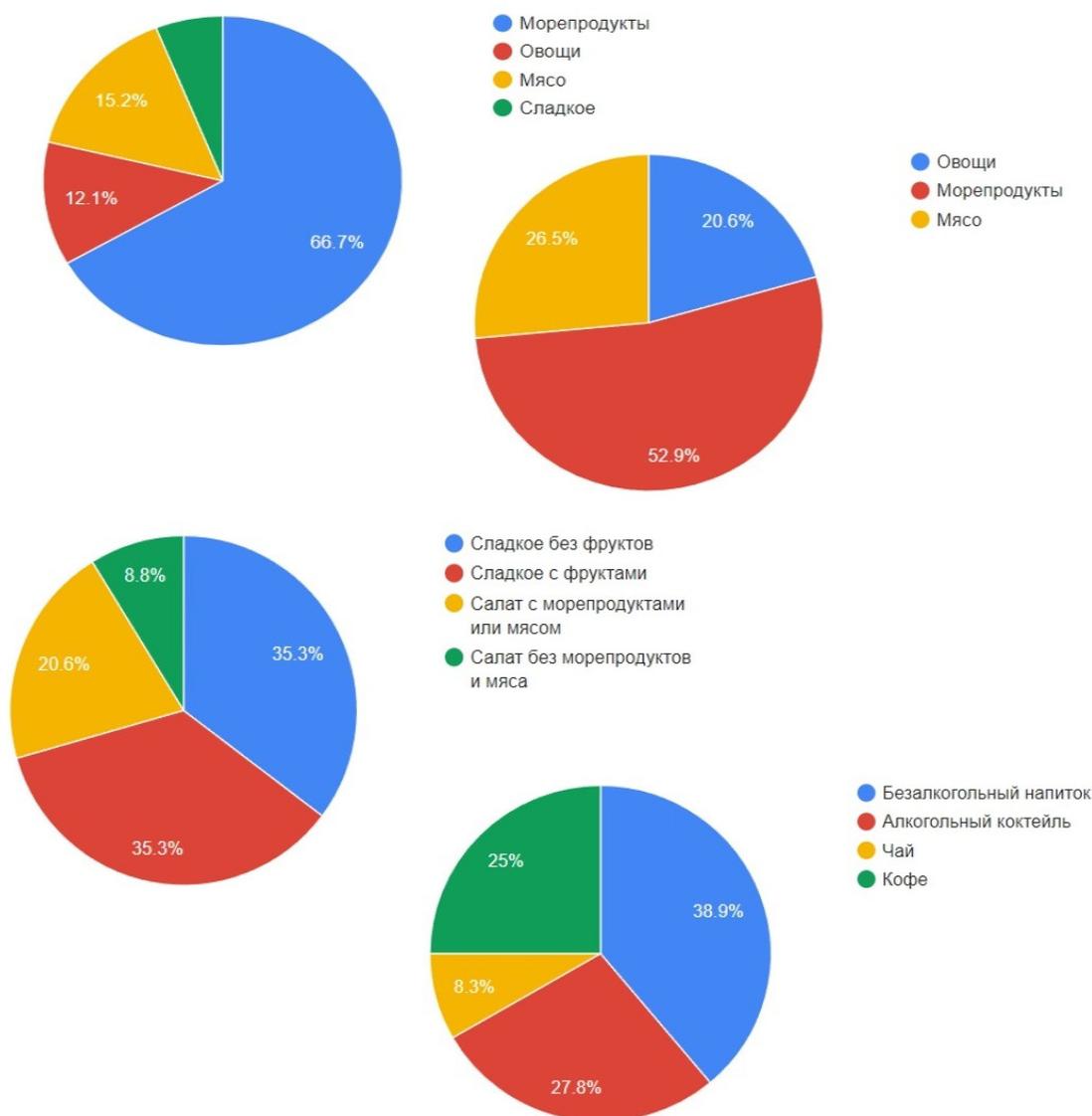

Рисунок 2. Сводные результаты вкусовых предпочтений женщин в радостном/бодром настроении

На тот же вопрос *мужская половина* ответила следующим образом:

- Что-нибудь сладкое — 63,6 %;
- Что-нибудь кислое — 18,2 %;
- Что-нибудь острое — 18,2 %;

— Что-нибудь солёное — 0 %.

Тем же методом мы соотнесли ответы мужчин с их вкусовыми предпочтениями в радостном/бодром настроении с ресторанным меню (рисунок 3).

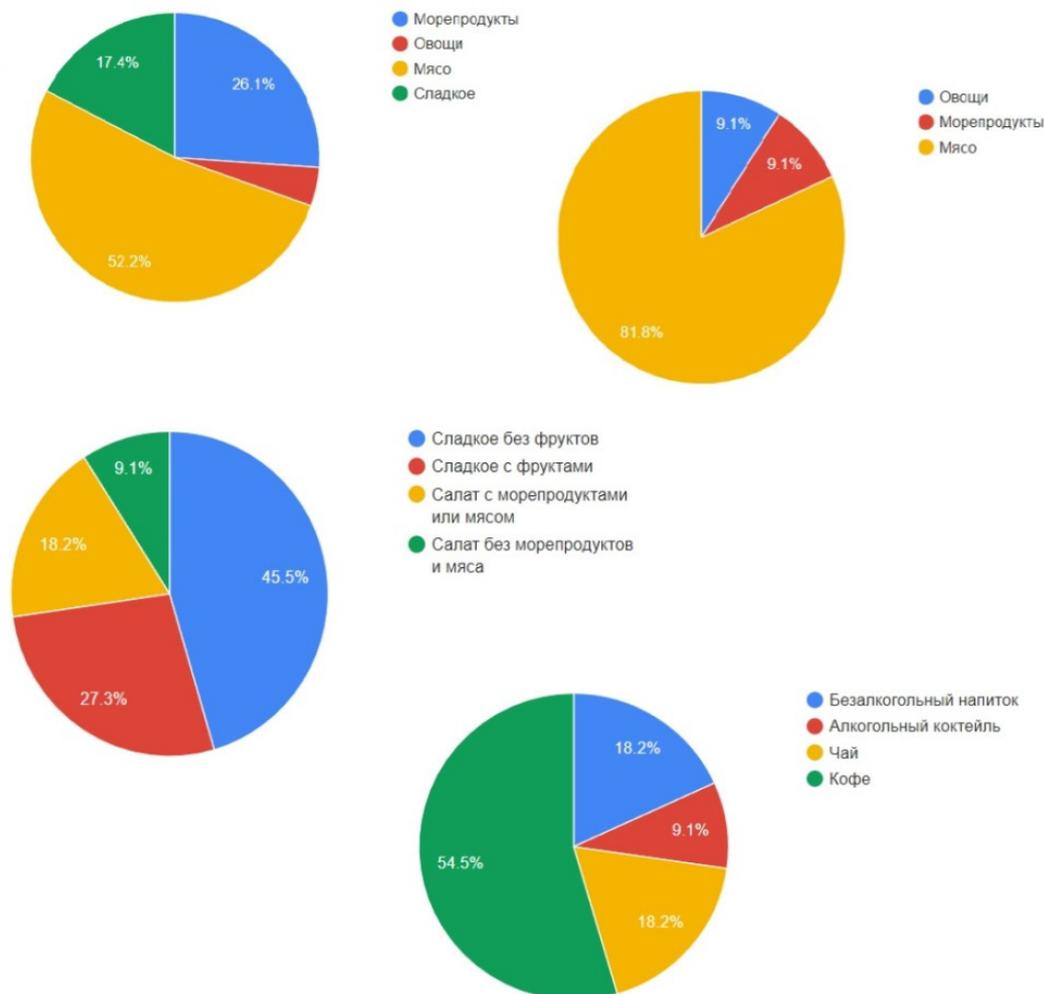

Рисунок 3. Сводные результаты вкусовых предпочтений мужчин в радостном/бодром настроении

На третьем этапе исследования было продолжено анкетирование студентов **на выявление вкусовых предпочтений в гневе/раздражении**. Ответы сводились к вопросу «Вы долго и кропотливо работали над чем-то, и вдруг что-то идет не так, и ваша работа оказывается проделанной зря. Вы очень рассержены такому исходу событий. Что бы вы съели/выпили, чтобы умерить свой гнев?»

- Что-нибудь сладкое — 76 %;
- Что-нибудь кислое — 9 %;
- Что-нибудь острое — 3 %;
- Что-нибудь солёное — 12 %.

В соответствии с вкусовыми предпочтениями мы снова предлагали респондентам на выбор те же самые 4 набора продуктов. Ответы, выбранные *женским полом*, выглядят следующим образом:

- Что-нибудь сладкое — 71,4 %;
- Что-нибудь кислое — 9,5 %;
- Что-нибудь острое — 4,8 %;
- Что-нибудь солёное — 14,3 %.

Ответы женского пола были соотнесены с ресторанным меню и представлены сводным результатом вкусовых предпочтений женщин в настроении гнева/раздражения (рисунок 4).

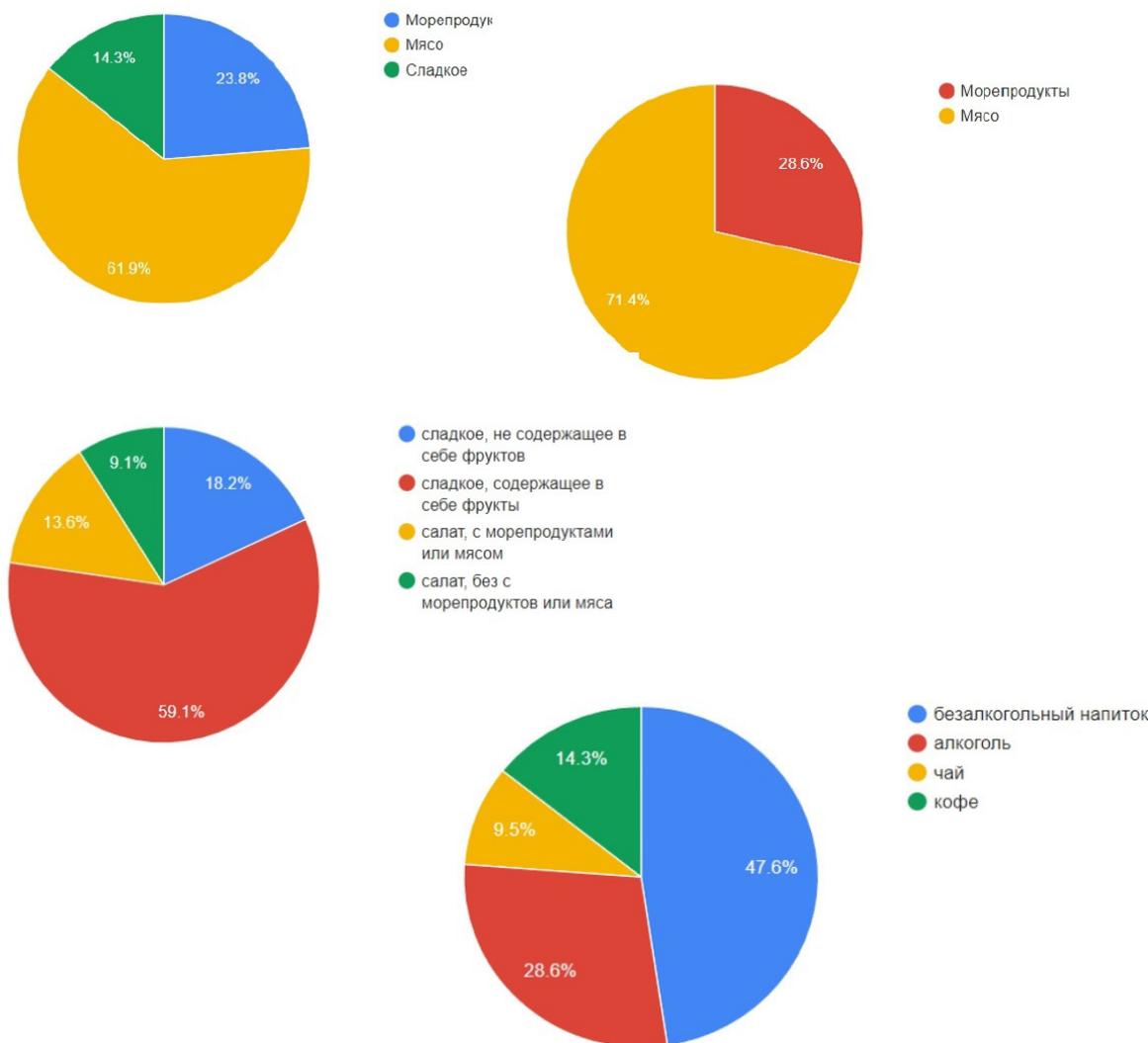

Рисунок 4. Сводные результаты вкусовых предпочтений женщин в гнев/раздражении

Ответы, выбранные *мужским полом*, получились такими:

Что-нибудь сладкое — 90,9 %;

Что-нибудь кислое — 9,1 %;

Что-нибудь острое — 0 %;

Что-нибудь солёное — 0 %.

Ответы мужчин были соотнесены с ресторанным меню и представлены сводным результатом вкусовых предпочтений женщин в настроении гнева/раздражении (рисунок 5).

По итогам данного этапа исследования мы выяснили, что в хорошем настроении женщины предпочитают больше сладкое, немного меньше им хочется соленого, присутствует большой интерес к морепродуктам, чаю или кофе, часто они предпочитают холодные напитки. Мужчины в хорошем настроении хотят чего-нибудь сладкого, мясо занимает в их предпочтениях лидирующее место, склонны к горячим напиткам, таким как кофе. Оба пола между блюдами из овощей и сладким в большинстве случаев предпочитают второе.

Таким образом, было установлено, что в гнев/раздражении женщины сместили свой выбор в пользу мяса, морепродукты отошли на второй план. Также заметно, что сладкое с содержанием фруктов стало предпочтительнее, чем сладкое без фруктов. В целом можно заметить, что в не самом хорошем настроении тяга к сладкому значительно возросла. То же самое можно сказать о мужчинах — что-то сладкое выбрали 90 %. Также мужчины, наоборот, стали предпочтительно выбирать не только мясо, но и морепродукты в равной степени. Неизменным остался выбор напитков. Женщина склонны к холодным напиткам, а мужчины — к горячим.

Женщина склонны к холодным напиткам, а мужчины — к горячим.

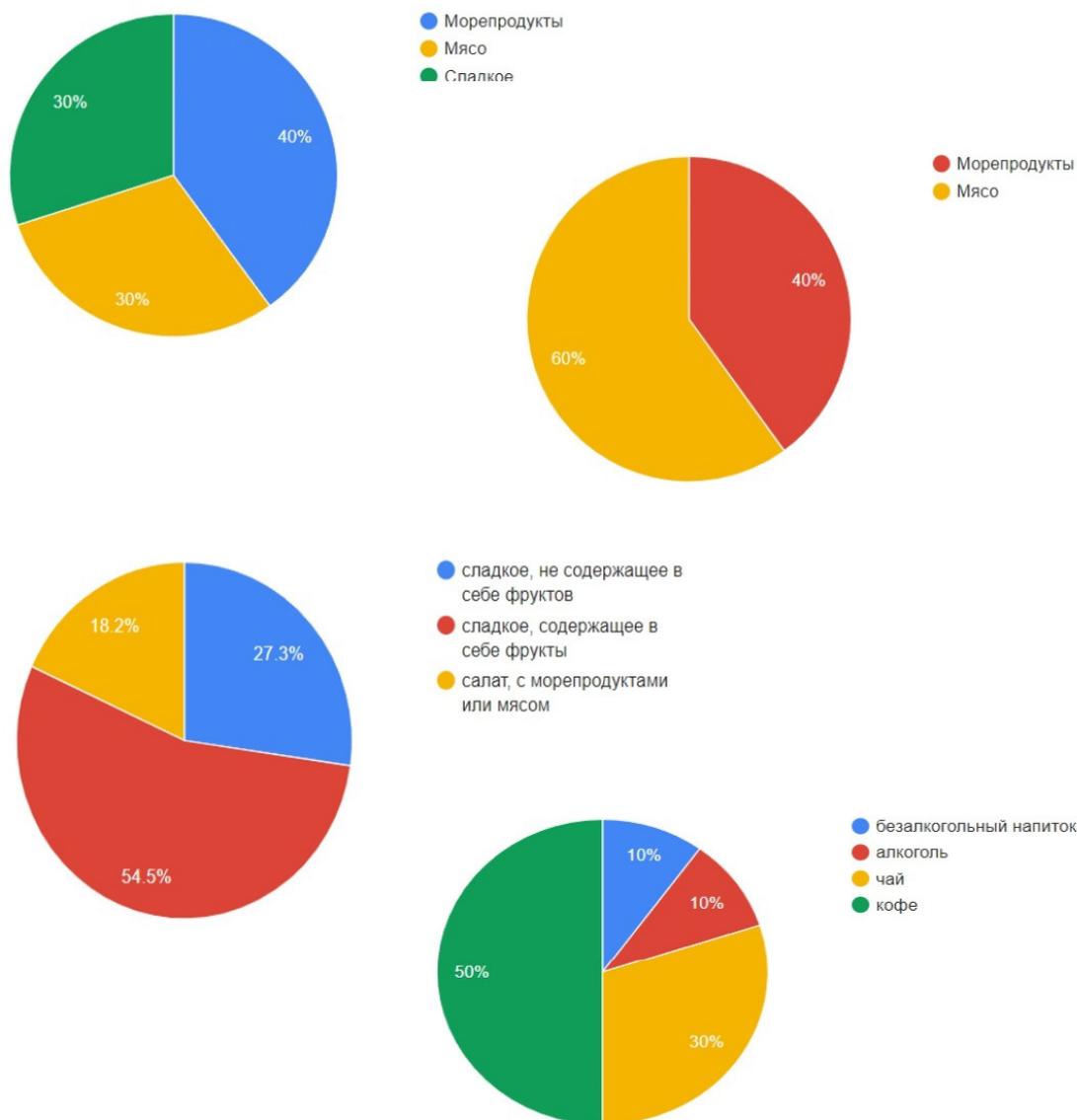

Рисунок 5. Сводные результаты вкусовых предпочтений мужчин в гневе/раздражении

Еда не только насыщает нас питательными веществами, но и влияет на наше настроение. Заметное изменение оказывают не сами продукты, а отношение человека к ним. Нашим исследованием мы подтвердили, что настроение определенно влияет на выбор тех или иных блюд. Исследование показало, что должным образом продукты положительно влияют на настроение в том случае, когда человек соблюдает сбалансированное питание, включающее в себя достаточное количество белка, овощей и

фруктов. Продукты, которые считаются средством против плохого настроения, в действительности не оказывают ожидаемого результата, а все те «свойства» индивидуальны и зависят от предпочтений человека. В дальнейшем мы продолжим начатое исследование вкусовых предпочтений личности для выявления психологических аспектов выбора продуктов питания при таком типе настроения, как обида, грусть, тоска, тревога.

Литература

1. Vink, Peter, Korte, Elsbeth de, Blok, Merle, Groenesteijn, Liesbeth (2007): Effects of the Office Environment on Health and Productivity 1: Effects of Coffee Corner P. In: Dainoff, Marvin J. (eds.) EHAWC 2007 — Ergonomics and Health Aspects of Work with Computers July 22—27, 2007, Beijing, China. — P. 157—162. — URL: https://dx.doi.org/10.1007/978-3-540-73333-1_20.
2. Беркетова Л. В. Психология питания / Л. В. Беркетова, А. В. Муравьева // Современные инновационные технологии в экономике, науке, образовании : материалы Пятой Международной научно-практической конференции. — Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2022. — С. 259—266.
3. Большой психологический словарь. — URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/ТЕМПЕРАМЕНТ.
4. Исследование: кофе меняет наше восприятие вкуса. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/issledovanie-kofe-menyayet-nashe-vostryatie-vkusa>.
5. Мюррей Карпентер. На кофеине. Полезная вредная привычка / Карпентер Мюррей. — URL: https://prokofe.ru/files/public/1516080196_14448_FT194027.pdf.
6. Словарь психологических качеств и свойств. — URL: <https://ht-lab.ru/knowledge/dictionaries/slovar-psikhologicheskikh-kachestv-i-svoystv>.
7. Стаффорд Л. Д. Влияние кофеина на обонятельную функцию и настроение: предварительное исследование / Л. Д. Стаффорд, К. Оргилл // Психофармакология. — 2020. — С. 3511—3517.
8. Стаффорд Л. Д. Кофеин, настроение и производительность: выборочный обзор. Кофеин и теория активации: влияние на здоровье и поведение / Л. Д. Стаффорд, Дж. Растед, М. Р. Йоманс. — Тейлор и Фрэнсис, Бока-Ратон, 2007. — С. 284—310.
9. Ученые обнаружили, что кофе меняет чувство вкуса. — URL: <https://ria.ru/20200422/1570404913.html>.
10. Что любимая еда может рассказать о вашем темпераменте. — URL: <https://rrnews.ru/ieda-mozhiet-rasskazat-o-tiemperamentie>.

RESEARCH OF TASTE PREFERENCES OF A PERSON: PSYCHOLOGICAL ASPECT**O. N. Vdovina**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Ovdovina33@gmail.com

E. V. Chichkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Shabrova94@gmail.com

A. D. Gemranova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Shabrova94@gmail.com

This article is devoted to the problem of taste preferences of a person in different mental states. The authors made an attempt to understand how the mood and temperament of the individual affect the choice of dishes. One of the main reasons why a person builds their taste preferences is the increase in positive emotions and the decrease in negative ones due to the use of certain foods and drinks.

The purpose of this study is to study how food affects a person's well-being, as well as what effect mood and temperament have on a person's preferences. Sensitivity to some taste stimuli is individual, and the threshold values for people of different sexes vary significantly. The object of research is the personality of a person. The subject of the study is the taste preferences of the individual.

The research methodology is represented by general scientific methods, such as analysis and synthesis of information from open sources, analytical generalization of theoretical data, as well as a survey and questioning. The relevance of the research topic is due to the fact that certain personality traits can be associated with the thresholds of gustatory and olfactory sensitivity. The novelty of this study lies in the face-to-face questioning of students of Ulyanovsk State University in order to determine what a person wants in a particular mood, as well as in an online survey of respondents. A total of 93 people took part in the study. The results were obtained from surveys made on the basis of the menu of one of the restaurants in the city of Ulyanovsk. The practical significance lies in the possibility of using this study for the most complete and broad study of this topic.

Key words: taste preferences, personality, temperament, emotions, mood.

References

1. Vink, Peter, Korte, Elsbeth de, Blok, Merle, Groenesteijn, Liesbeth (2007): Effects of the Office Environment on Health and Productivity 1: Effects of Coffee Corner P. In: Dainoff, Marvin J. (eds.) EHAWC 2007 — Ergonomics and Health Aspects of Work with Computers July 22—27, 2007, Beijing, China. p. 157—162. URL: https://dx.doi.org/10.1007/978-3-540-73333-1_20.
2. Berketova, L. V., Muravyeva, A. V. (2022) Psikhologiya pitaniya [Psychology of nutrition]. Modern innovative technologies in economics, science, education / materials of the fifth International scientific and practical conference. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "PREU named after G. V. Plekhanov", p. 259—266.
3. Bolshoy psikhologicheskiy slovar [Big psychological dictionary]. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/TEMPERAMENT.
4. Issledovanie: kofe menyaet nashe vospriyatie vkusa [Research: Coffee changes our perception of taste]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/issledovanie-kofe-menyaet-nashe-vospriyatie-vkusa>.
5. Murray Carpenter. Na kofeine. Poleznaya vrednaya privyчка [On caffeine. Useful bad habit]. URL: https://prokofe.ru/files/public/1516080196_14448_FT194027.pdf.
6. Slovar psikhologicheskikh kachestv i svoystv [Dictionary of psychological qualities and properties]. URL: <https://ht-lab.ru/knowledge/dictionaries/slovar-psikhologicheskikh-kachestv-i-svoystv>.
7. Stafford, L. D., Orgill, K. (2007) Vliyanie kofeina na obonyatelnyuyu funktsiyu i nastroyenie: predvaritelnoe issledovanie [Effects of caffeine on olfactory function and mood: a preliminary study]. Psychopharmacology, p. 3511—3517.
8. Stafford, L. D., Rasted, J., Yeomans, M. R. (2007) Kofein, nastroyenie i proizvoditelnost: vyborochnyy obzor. Kofein i teoriya aktivatsii: vliyanie na zdorovye i povedenie [Caffeine, mood and performance: a selective review. Caffeine and the Activation Theory: Effects on Health and Behavior]. Taylor & Francis, Boca Raton, p. 284—310.
9. Uchenye obnaruzhili, shto kofe menyaet chuvstvo vkusa [Scientists have found that coffee changes the sense of taste]. URL: <https://ria.ru/20200422/1570404913.html>.
10. Shto lyubimaya eda mozhet rasskazat o vashem temperamente [What your favorite food can reveal about your temperament]. URL: <https://rnews.ru/ieda-mozhiet-rasskazat-o-tiempieramientie>.

О. О. Власова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
rosaf2020@mail.ru

МОДЕЛЬ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ: ОПЫТ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

За последние годы отмечена тенденция к внедрению индивидуальных образовательных траекторий в образовательный процесс многих российских вузов. Во многом это связано с запуском программы «Приоритет-2030». Индивидуализация способствует большему раскрытию потенциала студентов, а использование индивидуальных образовательных траекторий может помочь в удовлетворении потребности рынка труда в высококвалифицированных кадрах. В статье исследуется опыт Ульяновского государственного университета по внедрению модели индивидуализации образования на основе университетских курсов по выбору. Автором приводится анализ результатов реализации проекта в 2021 и 2022 годах, влияния использования рекомендательного сервиса на удовлетворенность студентов выбранными курсами, делаются выводы о дальнейшем использовании результатов проекта при проектировании индивидуальных образовательных траекторий в вузе.

Ключевые слова: индивидуализация, индивидуальная образовательная траектория, индивидуальный образовательный маршрут, проектирование индивидуальных образовательных траекторий, образовательный процесс.

В педагогическом сообществе не один год обсуждается вопрос о необходимости введения индивидуально ориентированной модели построения образовательного процесса и полном или частичном отказе от поточно-группового обучения [5].

Индивидуализация образования, с одной стороны, открывает дополнительные преимущества для студента, помогая ему лучше раскрыть свой потенциал. Как отмечали представители Минобрнауки России, возможность для студентов самостоятельно выбирать ряд дисциплин позволяет развивать у них осознанность, анализировать актуальность получаемых знаний, помогает адаптироваться к специфике и изменениям в будущей профессии. С другой стороны, использование индивидуальных образовательных траекторий при подготовке специалистов позволяет отвечать запросам рынка труда на выпуск конкурентоспособных специалистов [1].

Поэтому тренд на внедрение в образовательный процесс российскими вузами индивидуальных образовательных траекторий (далее — ИОТ) с активным участием студента является предсказуемым и вполне логичным. В результате ИОТы дают студентам возможность дополнить основную специальность компетенциями в

различных областях, в том числе противоположных основному треку [7].

Индивидуальная образовательная траектория подразумевает использование вариативных учебных планов и образовательных программ при реализации учебного процесса, применение специальных педагогических технологий, а также сокращение применения поточного подхода к организации учебного процесса [2].

Индивидуальные образовательные траектории в обучении студентов реализуются через варьирование содержанием изучаемого материала, темпом учения, групповыми модификациями в соответствии с инициациями студентов на разных этапах образовательного процесса.

Флагманом в вопросах внедрения ИОТ в России являются ТюмГУ, в котором работа над ИОТами началась еще шесть лет назад. Система майнеров выстроена в НИУ ВШЭ. Для студентов МФТИ предусмотрена возможность замены некоторых курсов учебной программы на те, которые приближены к тематике его специализации или научной работы [4].

На расширение практики разработки и внедрения ИОТ повлиял запуск программы «Приоритет-2030», стержнем которой выступает индивидуализация образования. Из 106 вузов, вошедших в число победителей, 70 заявили об

ориентации на индивидуальные траектории. В их числе был и Ульяновский государственный университет.

В 2021 году УлГУ приступил к реализации проекта «Модель индивидуализации образования на основе Университетских курсов по выбору», направленного на формирование ИОТ через развитие самоопределения студентов за счет предоставления возможности самостоятельного выбора необходимых для них дополнительных компетенций, отличных от основного направления подготовки [6].

Целями проекта выступали разработка и внедрение механизма трансформации деятельности НПР, системы управления учебным процессом в университете и формирование инструментов мотивации и управления выбором студента для обеспечения индивидуализации обучения.

Встраивание нового формата индивидуальной образовательной траектории осуществляется путем включения в учебный план для всех студентов 2 курса (бакалавриат и специалитет) обязательной дисциплины «Университетские курсы по выбору (УКВ)». Предполагается выбор студентом в рамках УКВ (30–40 курсов объемом 2 ЗЕТ) одного из предложенных курсов (курсы разных образовательных направлений, формирующих проблемное поле, курсы инструментального направления и познавательные курсы, расширяющие представления о направлениях современных исследований), не связанных с основным направлением обучения. Эти курсы дают возможность студентам самостоятельно определять дополнительные навыки в рамках своей программы обучения, выбирая конкретный курс из списка, предоставляемого университетом.

В 2021 году в пилотном проекте приняли участие 1158 студентов первого курса УлГУ. Итоговый выбор курсов выявил наибольший интерес студентов к следующим трем направлениям:

1. Курсы, направленные на развитие так называемых мягких навыков (soft skills). Самыми востребованными оказались курсы «Психология эффективной коммуникации», «Искусство публичных выступлений».

2. Курсы, связанные с развитием экономического мышления: «Как создать свой бизнес» и «Инвестируй правильно».

3. Высокий результат также продемонстрировал курс, связанный с научной деятельностью: «Основы научного исследования».

В итоговый список вошли 38 университетских курсов по выбору, которые были реализованы в 1 семестре 2021/2022 учебного года.

В январе-феврале 2022 года было организовано социологическое исследование среди студентов УлГУ. После проведения итоговых зачетов 1 семестра 2021/2022 учебного года каждому студенту было предложено оценить организацию и реализацию пройденного ими курса в рамках проекта «Университетские курсы по выбору». В опросе приняли участие 582 человека. Большинство опрошенных (более 90 %) положительно оценили содержание освоенных курсов. Результаты опроса представлены в таблице 1. Каждый критерий оценивался по пятибалльной шкале, где 1 — характеристика на очень низком уровне, 5 — характеристика на очень высоком уровне. Также студентам была предоставлена возможность выбрать альтернативу «Затрудняюсь ответить», в этом случае данный ответ исключался из расчета среднего балла.

Таблица 1
Результаты студенческой оценки содержания университетских курсов по выбору в 2021 году

Критерии оценки	Средний балл	Количество ответивших
Полезность дисциплины для будущей профессиональной деятельности	4,14	555
Полезность дисциплины для личностного развития	4,54	574
Новизна полученных знаний	4,19	566
Желание продолжить обучение по данной дисциплине	3,60	519
Приобретение практических навыков после окончания курса (практический результат: проект / продукт / мероприятие)	4,01	532

Полученные данные демонстрируют, что в целом студенты остались удовлетворены содержанием выбранных курсов. По многим дисциплинам студенты выразили желание продолжить обучение.

Цифровизация высшего образования является необходимым условием реализации ИОТ, поскольку позволяет собирать, а затем и анализировать самые разнообразные данные об образовательном процессе, зачастую имеющие произвольную, необработанную форму. При этом основная цель анализа данных — это установление связей и закономерностей для выявления проблем как студентов, так и преподавателей, прогнозирование результатов и выработка рекомендаций всем участникам образовательного процесса. При этом основная цель анализа дан-

ных — это установление связей и закономерностей для выявления проблем как студентов, так и преподавателей, прогнозирование результатов и выработка рекомендаций всем участникам образовательного процесса. Без такого анализа невозможно качественно сопровождать ИОТ для конкретного студента, оперативно реагируя на изменения и быстро принимая необходимые решения [3].

Поэтому для реализации второго этапа проекта, в котором приняли участие 903 студента первого курса УлГУ, дополнительно был разработан рекомендательный сервис подбора дисциплин на основе их психологического профиля. В личных кабинетах студентов был доступен список рекомендуемых курсов, который они могли использовать при выборе дисциплины. Последующий опрос студентов показал, что 41 % опрошенных сделали свой выбор, основываясь на предложениях рекомендательного сервиса.

По результатам отбора наибольший интерес у студентов по-прежнему вызывают курсы, направленные на развитие мягких навыков, а также курсы, связанные с развитием экономического мышления.

В декабре 2022 — январе 2023 года было проведено повторное социологическое исследование среди студентов УлГУ, освоивших выбранные дисциплины в рамках блока университетских курсов по выбору. В опросе приняли участие 554 человека, методика исследования была тождественна использованной на первом этапе реализации проекта.

По итогам рейтинга УКВ-2022 отмечается в целом высокий средний балл по каждому критерию оценки курсов. Также произошел рост

среднего балла по сравнению с рейтингом УКВ-2021. Сравнительные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты студенческой оценки содержания университетских курсов по выбору

Критерии оценки	Средний балл 2021 г.	Средний балл 2022 г.	Количество ответивших в 2022 г.
Полезность дисциплины для будущей профессиональной деятельности	4,14	4,53	542
Полезность дисциплины для личностного развития	4,54	4,78	552
Новизна полученных знаний	4,19	4,58	550
Желание продолжить обучение по данной дисциплине	3,60	4,26	529
Приобретение практических навыков после окончания курса (практический результат: проект / продукт / мероприятие)	4,01	4,44	530

Соотношение показателей оценки УКВ у студентов, самостоятельно осуществлявших выбор и использовавших рекомендательный сервис, выявило большую удовлетворенность студентов содержанием выбранного курса по каждому из критериев оценки в случае использования ими рекомендательного сервиса. Сравнительные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Соотношение показателей оценки содержания УКВ у студентов, самостоятельно осуществлявших выбор и использовавших рекомендательный сервис

Критерии оценки	В целом по выборке		Использовали рекомендательный сервис		Не использовали рекомендательный сервис	
	Средний балл	Количество	Средний балл	Количество	Средний балл	Количество
Полезность дисциплины для будущей профессиональной деятельности	4,53	542	4,75	224	4,73	318
Полезность дисциплины для личностного развития	4,78	552	4,90	225	4,70	327
Новизна полученных знаний	4,58	550	4,73	225	4,48	325
Желание продолжить обучение по данной дисциплине	4,26	529	4,50	220	4,08	309
Приобретение практических навыков после окончания курса (практический результат: проект / продукт / мероприятие)	4,44	530	4,70	221	4,25	309

Таким образом, внедрение модели индивидуализации образования на основе университетских курсов по выбору позволило сделать первый шаг к включению студентов Ульяновского государственного университета в сопроектирование своей образовательной траектории и внедрению ИОТ в образовательный процесс вуза. У студентов появился реальный инструмент выбора, стимулирующий их мотивацию к осознанному выбору дисциплин и прививающий ответственность за собственную траекторию образования.

Использование рекомендательного сервиса на основе данных о психологическом портрете помогает студентам выбирать курсы, более полно отвечающие по своему содержанию профессиональным и личным интересам обучающегося.

Дальнейший сбор данных цифрового следа студента можно использовать при сопровождении ИОТ для выработки персональных объяснимых решений и рекомендаций, с которыми смо-

гут познакомиться не только студенты, но и все заинтересованные лица.

Положительные наработки, полученные в процессе реализации проекта «Модель индивидуализации образования на основе университетских курсов по выбору», будут масштабированы в рамках университета. В дальнейшем студенты 2 курса смогут выбирать два университетских курса для освоения в 3 и 4 семестре (УКВ-1: свободный майнор — дисциплины по выбору за рамками основного направления подготовки объемом 2 зачетные единицы), студентам 3 курса станет доступен выбор двух дисциплин для освоения в 5 и 6 семестре (УКВ-2: модуль профессиональных элективов — модульный майнор, обеспечивающий получение второй бесплатной квалификации (проектируются от каждого НОК) (включая не менее 25 % дисциплин, обеспечивающих формирование цифровых компетенций) объемом 2 и 3 зачетные единицы), и у студентов 4 курса УКВ-2 будет доступен в 7 семестре в объеме 3 зачетные единицы.

Литература

1. Арифюлина Р. У. Анализ отечественных и зарубежных трендов индивидуализации образовательного процесса в вузе: аналитический доклад / Р. У. Арифюлина, О. А. Катушенко // Вестник Мининского университета. — 2021. — Т. 9, № 4.
2. Гончарова Е. В. Организация индивидуальной образовательной траектории обучения бакалавров / Е. В. Гончарова, Р. М. Чумичева // Вестник НГГУ. — 2012. — № 2. — С. 3—11.
3. Захарова И. Г. Сопровождение индивидуальных образовательных траекторий на основе концепции объяснимого искусственного интеллекта / И. Г. Захарова, М. С. Воробьева, Ю. В. Боганюк // Образование и наука. — 2022. — Т. 24, № 1. — С. 163—190.
4. Индивидуальные образовательные траектории в вузе: как это работает и каковы перспективы. — URL: <https://iot-consortium.ru/tpost/zcrl3f61-individualnie-obrazovatelnie-traektorii>.
5. Петрунева Р. М. Индивидуально-ориентированная организация учебного процесса: иллюзии и реальность / Р. М. Петрунева // Высшее образование в России. — 2011. — № 5. — С. 65—71.
6. Программа развития университета на 2021—2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». — URL: [https://www.ulsu.ru/media/uploads/loginova%40ulsu.ru/2022/03/23/%D0%9F%D0%A0_2030%20\(2\).pdf](https://www.ulsu.ru/media/uploads/loginova%40ulsu.ru/2022/03/23/%D0%9F%D0%A0_2030%20(2).pdf).
7. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России // Образовательные инновации в вузе: индивидуализация и смешанное обучение. — 2021. — № 2.

MODEL OF INDIVIDUALIZATION OF EDUCATION BASED ON UNIVERSITY ELECTIVE COURSES: EXPERIENCE OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY

O. O. Vlasova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

rosaf2020@mail.ru

In recent years, there has been a tendency to introduce individual educational trajectories into the educational process in many Russian universities. This is largely due to the launch of the Priority 2030 program. Individualization contributes to greater disclosure of the potential of students, and the use of individual educational trajectories (IET) can help meet the needs of the labor market for highly qualified personnel. The article examines the experi-

ence of Ulyanovsk State University in implementing a model of individualization of education based on university elective courses. The author analyzes the results of the project implementation in 2021 and 2022, the impact of the use of the recommendation service on student satisfaction with the selected courses, and draws conclusions about the further use of the project results in the design of individual educational trajectories at the university.

Key words: individualization, individual educational trajectory, individual educational route, design of individual educational trajectories, educational process.

References

1. Arifulina, R. U., Katushenko, O. A. (2021) Analiz otechestvennykh i zarubezhnykh trendov individualizatsii obrazovatel'nogo protsessa v vuze: analiticheskiy doklad [Analysis of domestic and foreign trends of individualization of educational process in universities: analytical report]. Vestnik of Minsk University, vol. 9, (4), p. 2.
2. Goncharova, E. V., Chumicheva, R. M. (2012) Organizatsiya individualnoy obrazovatel'noy traektorii obucheniya bakalavrov [Organizing the individual educational trajectory of teaching bachelors]. Vestnik NNGU, (2), p. 3—11.
3. Zakharova, I. G., Vorobyeva, M. S., Boganyuk, Yu. V. (2022) Soprovozhdenie individualnykh obrazovatel'nykh traektoriy na osnove kontseptsii obyasnimogo iskusstvennogo intellekta [Monitoring the individual educational trajectories on the basis of the concept of explicable artificial intelligence]. Obrazovanie i nauka, vol. 24, (1), p. 163—190.
4. Individualnye obrazovatel'nye traektorii v vuze: kak eto rabotaet i kakovy perspektivy [Individual educational trajectories in universities: how it works and what the perspectives are]. URL: <https://iot-consortium.ru/tpost/zcrl3fpf61-individualnie-obrazovatelnie-traektorii>.
5. Petruneva, R. M. (2011) Individualno-orientirovannaya organizatsiya uchebnogo protsessa: illyuzii i realnost [Individually-oriented education management: illusions and reality]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (5), p. 65—71.
6. Programma razvitiya universiteta na 2021—2030 gody v ramkah realizatsii programmy strategicheskogo akademicheskogo liderstva "Prioritet-2030" [Programm of university development for 2021—2030 in the framework of realization of program of strategic academic leadership "Priority-2030"]. URL: [https://www.ulsu.ru/media/uploads/loginova%40ulsu.ru/2022/03/23/%D0%9F%D0%A0_2030%20\(2\).pdf](https://www.ulsu.ru/media/uploads/loginova%40ulsu.ru/2022/03/23/%D0%9F%D0%A0_2030%20(2).pdf).
7. Rezultaty monitoringa informatsii o tendentsiyakh razvitiya vysshego obrazovaniya v mire i v Rossii [Results of monitoring the information about tendencies of higher education development in Russia and in the world]. Obrazovatel'nye innovatsii v vuze: individualizatsiya i smeshannoe obuchenie, 2021, (2), URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skijj-institut-razvitija-obrazovaniya/Pages/monitoringi_informacii_o_sostoyanii_vishego_obrazovaniya.aspx.

А. В. Добрецов

Детская музыкальная
школа
имени В. В. Андреева
(г. Москва, Россия)
andr-dob@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ОБЩЕСТВО

В статье рассматривается влияние музыки на общество и формирование в обществе субкультур. Музыка прочно вошла в нашу жизнь и сопровождает нас всюду. Мы слушаем её дома и на улице, в школе и вузе, когда занимаемся спортом, ходим за покупками и т. д. Она влияет на интеллектуально не окрепшие слои нашего общества — детей и подростков. Нельзя ставить цензуру на прослушивание только определённой музыки, надо находить компромисс и приучать с детства слушать классическую музыку, которая положительно влияет на умственную деятельность и здоровье человека.

Ключевые слова: музыка, общество, подростки, родители, школа, социум, культура, искусство, музыкальные направления.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
Н. А. Заболоцкий

Что такое музыка? В переводе с греческого слово «музыка» означает «искусство муз». Музыка много, она такая разная, но в то же время очень утончённая и нежная. Скольким испытаниям она подвергалась за всю историю человечества! Музыка прошла сквозь войны и революции, средневековое мракобесие и реформы. Она не воевала, но помогала сражаться и побеждать. Многие эксперты в области музыкальной культуры отмечают негативное воздействие некоторых социальных групп нашего общества на качество музыки, на человека и образование. «XX и XXI век, мы не заметили, как шагнули из одного столетия в другое. Есть ли отличие между настоящим и будущим и тем более прошлым, ясно одно, что новый век будет совершенно непохожим на ушедший» [6].

Сейчас существует много направлений музыкальных жанров. Каждый слой нашего общества может выбрать то, что он хочет слушать; как и раньше, у каждого слоя — своё предпочтение. Исходя из этого, музыкальная индустрия быстро развивается и находит всевозможные способы для расширения своей аудитории. Учёные давно пришли к выводу, что музыкальные предпочтения человека влияют на его формирование, социальную среду и социальную группу. Если раньше мы видели в наушниках только

молодёжь, то сейчас представители среднего и старшего поколений тоже предпочитают слушать музыку в транспорте, на прогулках и т. д. Люди выбирают жизнь в постоянном музыкальном сопровождении, поэтому воздействие музыкальных предпочтений на общество является актуальной темой.

Музыка и люди живут вместе тысячелетиями, а в наше время это неотъемлемая часть жизни каждого человека. «Я не знаю, существует ли хоть один великий музыкант, о котором можно было бы сказать, что он устарел. Самая простая песня, идущая из глубины тысячелетий, — жива», — сказал А. В. Луначарский [11].

Формировать наши взгляды и наше отношение к мировидению музыка начинается с детства, а более сильное влияние она оказывает в подростковом возрасте. «Влияние музыки на детей благотратно, и чем ранее начнут они испытывать его на себе, тем лучше для них», — писал В. Г. Белинский [2]. Подростки слушают музыку, делятся ею со своими сверстниками в транспорте, на улице, дома, на занятиях и т. д. Музыка и человек — две неотделимые части нашего быстролетящего столетия. Для многих музыка — это часть их жизни. Кто-то под музыку расслабляется, кому-то она помогает, наоборот, сконцентрироваться. Под влиянием музыки, которую слушают дети, подростки, молодёжь и взрослое поколение, формируются их принципы и жизненные идеалы, эстетическое восприятие жизни в целом. Какой музыке отдают предпочтение наши современники: классика, неоклас-

сика, металл, рэп, поп, дабстеп, инди, шансон, джаз, блюз и т. д.? Результаты анкетирования, проведенного психологами и социологами, показывают, что интересы детей и подростков в этом плане разнообразны. Но в основном, конечно, они слушают поп-музыку. Из этого можно сделать вывод, что подростки предпочитают классической музыке другие направления, которых сегодня насчитывается очень много. Учёные изучали влияние этих направлений на организм человека и получили следующие данные:

— классическая музыка активизирует работу головного мозга, укрепляет иммунную систему и благотворно влияет на организм человека;

— народная (этническая) музыка положительно влияет на эмоциональное состояние человека;

— джаз, блюз успокаивают, благотворно действуют на эмоции человека, не вызывают агрессии и озлобленности;

— рэп может стать причиной плохого настроения;

— электронная и клубная музыка негативно влияет на интеллект, понижает способность к обучению;

— рок-музыка выделяет гормон стресса, может вызвать временную потерю памяти и даже убить живые клетки.

Если мы хотим иметь здоровое и образованное общество со сформированной эстетической культурой, то необходимо обращать внимание на то, что слушают наши современники. К сожалению, в наш век IT появилось много «музыкального мусора». Эта музыка имеет разный темп, ритм, гармонию звуков и время возникновения. Если раньше надо было искать нужные диски, переписывать с кассеты на кассету, с диска на диск, то сейчас всё есть в Интернете и звучит из динамика радио на определённой волне. И если мягко не направлять и не помогать молодежи в выборе музыки, то деформация культуры, и музыкальной культуры в частности, которая сложилась последние тридцать лет, начинает давать свои плоды. У молодых людей искажается формирование идеалов, психика и моральная ориентация. Сейчас невозможно отследить весь «музыкальный мусор», который просто штампуется и пропагандирует искажённое, как в кривом зеркале, восприятие окружающего мира.

Мой опыт показывает, что людям с одинаковыми музыкальными взглядами и предпочтениями проще найти общий язык, и помимо музыки у них совпадают интересы и внешний вид. Мой круг общения — музыканты, которые боль-

шую часть времени слушают и играют классическую музыку, джаз, блюз и т. п. Люди такого социума предпочитают интеллектуальную литературу, фильмы, посещают театры, музеи, выставки и концерты. И я совсем не хочу обидеть людей с потребительским и обывательским отношением к культуре и искусству и сказать, что они культурно неразвиты, скорее всего, у этих людей с детства были выставлены другие приоритеты. Меня с детства мама водила на концерты, в театр, музеи и на выставки, с пяти лет начала учить меня музыке, и в семь я сам выступал на концертах. Тогда я завидовал детям, предоставленным сами себе из-за занятости родителей. Но сейчас я благодарен маме, которая шаг за шагом формировала мой внутренний мир, моё мировоззрение. Но я это понял только сейчас, став взрослым человеком.

Классическая музыка прошла много испытаний и жива до сих пор. Известный искусствовед и музыкант Михаил Казиник в своём интервью на радио «Комсомольская правда» в Иркутске сказал: «...дорогие мамы и папы, хотите, чтобы ваш ребёнок стал нобелевским лауреатом? Начинайте не с занятий по физике и математике, начинайте с музыки!» [10]. Формировать личность нужно на красивом и возвышенном, с детства воспитывать музыкальную культуру, которая является составляющей духовной культуры. К этому должны подключаться и общеобразовательные школы, чтобы не ограничиваться лишь несколькими часами предмета «Музыка» как ненужного и второсортного.

Родители и школа должны совместно формировать в детях и подростках представление «успешного человека». Какой он? Уверенный в себе, образованный, с хорошим музыкальным вкусом, разбирающийся в искусстве, опрятно одетый. Наверное, это не только моё представление об успешном человеке. С каждым годом появляются новые веяния в моде, кинематографии, литературе, живописи и т. д., возникает большое количество субкультур. Всё это даёт толчок к появлению новых музыкальных направлений. Меняется система ценностей, меняются кумиры. «В современной музыкальной культуре занято много людей, гораздо больше, чем раньше. Это следствие цивилизации, ведь у людей, благодаря всевозможной автоматизации и механизации в сфере материального производства, появляется больше свободного времени. Ведь чем более развита страна, тем больше людей в ней занимаются искусствами и науками. Это вообще одна из целей общественного прогресса... человеческий фактор, как установ-

лено психологами и социологами, на девяносто процентов зависит от эстетического воспитания личности» [6].

«...Музыка должна иметь полезное применение не ради одной цели, а ради нескольких: 1) ради воспитания, 2) ради очищения.., 3) ради интеллектуального развлечения...», — писал Аристотель [1] много веков назад. С тех пор и музыка, и общество претерпели ряд изменений, но цели остались прежними. Если в прошлом, чтобы музыкальное произведение могли услышать миллионы людей, надо было собирать слушателей в определённом месте, репетировать с музыкантами и давать круглогодичные ежедневные концерты, то сейчас всё просто. Записать произведение для целого оркестра можно, не привлекая музыкантов, за них исполнит искусственный интеллект, а широту аудитории обеспечит исполнение на радио и TV. Музыка, как и социум, также испытывает на себе воздействие современного мира, но она, как и прежде, сохраняет своё значение в обществе. Надо с детства направлять ребёнка, чтобы он мог правильно слушать и выбирать музыку, которая бы организовывала, упорядочивала учёбу и быт. Можно сказать, что необходима цензура, отслеживающая музыку в средствах массовой информации.

В последнее время у меня появилась ещё одна возрастная категория учеников. Мои коллеги, преподаватели специальных инструментов, стали приглашать меня в репетитории, что-

бы сопровождать вокалистов, скрипачам, духовикам. Репетитории переполнены взрослыми людьми, которые когда-то учились в музыкальной школе или, наоборот, никогда не занимались музыкой. Возникает вопрос: может открывать не частные музыкальные студии и школы, которых сейчас огромное количество в Москве, а муниципальные музыкальные школы для взрослых? Ученики есть уже сейчас, но они совсем «неорганизованные». Ведь частные студии и школы не дают тех знаний, которые нужны и которые хотели бы получать «взрослые ученики». Репетитор и концертмейстер за один или полтора часа просто физически не смогут дать этот объём знаний. Мы пытаемся работать и как преподаватели теоретических дисциплин, хора и специальности, но наши ученики хотят большего.

Музыка, созданная человеком, — это самое гениальное творение человечества. Она с нами в разных сферах нашей жизни, влияет на нашу деятельность и эмоции. Эмоциональное состояние общества зависит от музыки, которую оно слушает. Хотелось бы, чтобы музыка сближала людей, успокаивала и радовала. Языком музыки можно лучше любых слов описать свои чувства, эмоции и настроение; музыка, как зеркало, отражает нас и наш мир. Для каждой музыки есть своё время и место, и необходимо уметь ставить «фильтр» для прослушивания. Сегодня мы открыли новую страницу в мировой истории музыки как люди и музыканты нового века.

Литература

1. Античная музыкальная эстетика. — Москва : Музгиз, 1960. — С. 229.
2. Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. — Москва : Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 538.
3. Бреан А. Музыка и мозг. Как музыка влияет на эмоции, здоровье и интеллект / А. Бреан, Г. Скейе. — Москва : Альпина Паблишер, 2020. — С. 296.
4. Готсдинер А. Л. Музыкальная психология / А. Л. Готсдинер. — Москва : Малое изд. предприятие NB Магистр, 1993. — С. 190.
5. Дамберг С. В. Музыка как феномен повседневности / С. В. Дамберг, В. Е. Семенов. — СПб. : СПб философское общество, 2003. — С. 73—78.
6. Добрецов А. В. Волшебная и притягательная... Классическая музыка в XXI веке / А. В. Добрецов. — Св-во № ПР-877-2020, 2020. — С. 6. — URL: <https://edu-ikt.ru>.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2008. — С. 782.
8. Майковская Л. С. Влияние музыкальных предпочтений на коллективное поведение / Л. С. Майковская, Ф. Н. Ильясов // Вестник Российской академии наук. — 1997. — Т. 67, № 3. — С. 246—250.
9. Уильямсон В. Мы — это музыка: как музыка влияет на наш мозг, здоровье и жизнь в целом / В. Уильямсон. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — С. 234.
10. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26706/3731689>.
11. URL: <http://hram-rpb.cerkov.ru/vyskazyvaniya-velikix-lyudej-o-muzyke-i-drugix-vidax-iskusstva>.

THE INFLUENCE OF MUSIC ON SOCIETY**A. V. Dobretsov**

Children's Music School named of V. V. Andreeva (Moscow, Russia)

andr-dob@mail.ru

The paper examines the influence of music on society and the formation of subcultures in society. Music has firmly entered our lives and accompanies us everywhere. We listen to it at home and outside, at school and university, when we play sports, eat, go shopping, etc. It affects the immature intellectual strata of our society - children and adolescents. How to interest modern society, and when it is necessary to teach people to listen and contemplate the beauty. It is impossible to censor listening to only certain music, it is necessary to find a compromise and teach from childhood to listen to classical music, which has a positive effect on mental activity and human health.

Key words: music, society, teenagers, parents, school, society, culture, art, musical directions.

References

1. Antichnaya muzykalnaya estetika [Antique musical aesthetics]. Moscow: Muzgiz, 1960, p. 229.
2. Belinsky, V. G. (1959) *Sobranie sochineniy* [Collection of works: vol. 9]. Moscow, Ed. Academy of Sciences of the USSR, p. 538.
3. Brean, A., Skeye, G. (2020) *Muzyka i mozg. Kak muzyka vliyaet na emotsii, zdorovye i intellect* [Music and the brain. How Music affects Emotions, health and intelligence]. Moscow: Alpina Publisher, p. 296.
4. Gotsdiner, A. L. (1993) *Muzykalnaya psikhologiya* [Musical psychology]. Moscow: Small publishing house enterprise NB Master, p. 190.
5. Damberg, S. V. (2003) *Muzyka kak fenomen povsednevnosti* [Music as a phenomenon of everyday life]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, p. 73—78.
6. Dobretsov, A. V. (2020) *Volshebnyaya i prityagatel'naya... Klassicheskaya muzyka v XX veke* ["The article "Magical and attractive... Classical music in the XXI century"]. URL: <https://edu-ikt.ru>, St. N PR-877-2020, 2020, p. 6.
7. Ilyin, E. P. (1997) *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. St. Petersburg: Peter, p. 782.
8. Maikovskaya, L. S., Ilyasov, F. N. (1997) *Vliyanie muzykalnykh predpochteniy na kollektivnoe povedenie* [The influence of musical preferences on collective behavior]. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*, vol. 67, (3), p. 246—250.
9. Williamson, V. (2016) *My — eto muzyka: kak muzyka vliyaet na nash mozg, zdorovye i zhizn v tselom* [We are Music: How music affects our brain, health and life in general]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, p. 234.
10. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26706/3731689>.
11. URL: <http://hram-rpb.cerkov.ru/vyskazyvaniya-velikix-lyudej-o-muzyke-i-drugix-vidax-iskusstva>.

А. В. Емельяненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
annaemelyanenkova@gmail.com

Н. А. Скрипник

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
nisk.boos@gmail.com

ВОСПРИЯТИЕ РЕКЛАМЫ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ЧЕРТАМИ

Рассмотрена специфика восприятия рекламы (оценка ее эмоциональной привлекательности, степени субъективного влияния и активности, побуждения к действию) потребителями с различными личностными чертами. Исследование проводилось на выборке 80 респондентов (32 мужчины и 48 женщин) в возрасте от 18 до 27 лет, которые являлись студентами вузов. Для оценки с помощью шкал семантического дифференциала предлагались десять рекламных видеороликов, личностные черты диагностировались многофакторным опросником Р. Кеттелла. По результатам проведенного корреляционного исследования выявлены взаимосвязи между факторами восприятия рекламного воздействия и такими чертами личности, как конформность, тревожность, экстремизм, консерватизм. Наибольшее количество значимых взаимосвязей было получено по факторам второго порядка методики. Учитывался аспект привлекательности разного типа рекламы (с участием людей, животных или только неодушевленных предметов). При анализе результатов показана противоречивость активного развития технологий рекламного воздействия и психологической безопасности рекламного пространства для потребителей групп риска.

Ключевые слова: восприятие рекламы, личностные черты.

В современной практике для создания качественной, продуктивной и, что немаловажно, безопасной рекламы требуется привлечение большого количества специалистов, в том числе психологов. О роли психологии в эффективности рекламы начали говорить уже почти сто лет назад, когда первые исследователи в области психологии рекламы обратили внимание, что «реклама теснейшим образом связана с познавательной деятельностью тех, к кому она обращена, и потому ее основы в значительной части покоятся на данных науки, которая исследует и устанавливает законы человеческого познания и разумной деятельности; эта наука — психология» (Фридлиндер К. Т., 1926). Но и в наши дни имеется еще множество «белых пятен», когда реклама, созданная в отрыве от психологии или опирающаяся на недостаточные знания, может стать опасна для потребителя и не эффективна для заказчика [4]. Изучаемая нами проблема направлена на повышение уровня знаний в

данной области психологии, так как в последние годы производилось множество различных исследований рекламы, но тема специфики ее восприятия людьми с разными чертами личности не была исследована и изучена в полной мере.

Для психики реклама создает опасность в виде развития патологических состояний нервной системы и нарушения физиологической основы высшей нервной деятельности [6]. У человека, только «входящего» в тему «опасности рекламы», может создаться чувство преувеличения подобной опасности, и поддержанием такой позиции служит мнение о силе психики человека и психологических защит от неблагоприятного воздействия. Всё это верно, но реклама является отличным примером выражения «вода камень точит». Рекламное воздействие на личность человека может проходить постепенно, планомерно, с характерным нарастанием принятия идей, заложенных в рекламе. Это схоже с

политической пропагандой, где механизмы с целями не сильно отличаются от рекламных. Примером такого влияния в большом и явном виде может служить реклама «запада». В России большинство молодёжи уверено, что люди в Америке или на Западе живут гораздо лучше и «европейское» качество — это некий гарант качества и точно «лучше, чем у нас». Это сложно проследить в рекламных предложениях, но подобное отношение имеет место в наших реалиях и накладывает отпечаток на бизнес-деятельность в стране, стимулируя покупки западных брендов, даже если производство находится в России и усложняет жизнь российским брендам и компаниям [4].

Существуют разнообразные классификации рекламных сообщений, но в целях нашего исследования наиболее важным критерием выступил стиль воздействия на аудиторию. В этом случае, в наиболее общем плане, реклама подразделяется на жесткую и мягкую. Жесткая близка по характеру к средствам стимулирования сбыта и используется в комплексе с ними. По форме представляет собой агрессивный нажим на покупателя с целью заставить его купить рекламируемый товар и рассчитана на краткосрочную перспективу. Мягкая реклама не только сообщает о товаре, но и формирует вокруг него благоприятную атмосферу, что рассчитано на среднесрочную и длительную перспективу [8].

В качестве стимульного материала в нашем случае мы решили остановиться на примерах мягкой рекламы. Это связано с тем, что жесткая реклама, как правило, более навязчива и восприятие ее скорее будет более негативным, чем у мягкой, и если бы мы получили данные, подтверждающие нашу гипотезу, то они показывали бы только тенденцию в общем восприятии рекламы. Более того, современный мир переполнен рекламной информацией, и естественной реакцией на продолжительную рекламу, в которой человек не заинтересован, будет уход от рекламы. Если реклама показывается по телевизору — человек переключает канал, при работе в Интернете ставит блокировщик рекламы. Надоедливость жесткой рекламы и ее «переедание» усилили бы погрешность в ответах респондентов из-за раздражения от ее навязчивости. В нашем же исследовании, когда респондентам предъявлялись десять рекламных видеороликов для оценки по нескольким шкалам, при показе жесткой рекламы быстрее бы возникло чувство усталости и ответы стали бы подвержены вли-

янию различных факторов, не подвергающихся замерам в нашем исследовании.

Итак, в качестве стимульного материала предлагалось оценить 10 рекламных видеороликов. Кроме того, были подобраны три типа рекламы: во-первых, реклама с участием людей, где они занимают главные роли, люди — «фигура» в рекламе; во-вторых, реклама с участием животных, животные занимают главные роли, животные — «фигуры» в рекламе, люди могут быть «фоном»; в-третьих, реклама без людей и животных, предметы — «фигуры» в рекламе. Оценивать данные видеоролики предлагалось с помощью подобранных шкал семантического дифференциала Ч. Осгуда, который предоставляет большой диапазон возможностей модификации шкал под цели конкретного исследования [5]. Мы использовали шкалы «банальный — оригинальный», «тусклый — яркий», «статичный — динамичный», «негативный — позитивный», «грустный — веселый», «безэмоциональный — эмоциональный», «неприятный — приятный», «скучный — интересный», «спокойный — агрессивный». Выделенные нами оценочные шкалы перекрывали три универсальных семантических фактора Ч. Осгуда — сила, потенция и активность. Фактор оценки, или ценности, выражает эмоциональную привлекательность объектов — видов деятельности, событий и людей, в нашем случае — рекламного ролика. Фактор активности объединяет степень динамичности, изменчивости данных объектов (рекламы) во времени. Фактор потенции характеризует субъективную степень влияния объектов на человека (рекламы на респондентов).

Личностные особенности испытуемых мы диагностировали с помощью многофакторного опросника Р. Кеттелла (форма С) [3]. В прошлых исследованиях нами была подтверждена гипотеза о специфике восприятия рекламы людьми с выраженной конформностью, что согласуется со многими исследованиями [2, 7, 9, 12], но дополнительная гипотеза о рекламозависимости конформных людей не подтвердилась. Данная дополнительная гипотеза была сформирована на основе статьи К. А. Агибаловой и Н. С. Лысаковой [1], в их исследовании связь рекламозависимости и уровня конформности была подтверждена, в нашем же исследовании таких данных получено не было. В данном исследовании решили расширить список личностных черт и посмотреть возникшие комбинации. Статистическая обработка информации проводилась с использованием непараметрического критерия — коэффициента ранговой корреляции

Спирмена. Эмпирическую базу составили 80 респондентов — 32 мужчины и 48 женщин в возрасте от 18 до 27 лет, преимущественно студенты вуза. Всего было обработано 160 протоколов исследования.

Гипотезой нашего исследования выступило предположение о том, что существует взаимосвязь специфики восприятия рекламы и некоторых индивидуально-психологических черт личности человека, а именно что при больших значениях некоторых черт личности человек будет более восприимчив к рекламным предложениям.

Приведем основные результаты, полученные в ходе проведенного нами исследования.

Во-первых, реклама является наиболее эмоционально привлекательной для потребителей, у которых выражены такие личностные качества, как конформность (0,298, $p < 0,01$), доминантность (0,269, $p < 0,05$) и чувствительность (0,370, $p < 0,01$). Для данной группы потребителей характерно более красочно и положительно настроенное отношение к рекламному предложению.

Во-вторых, наибольшая степень субъективного влияния реклама оказывает на потребителей, у которых выражены такие личностные качества, как конформность (0,335, $p < 0,01$), доминантность (0,226, $p < 0,05$), чувствительность (0,392, $p < 0,01$), беспечность (0,282, $p < 0,05$). Здесь мы можем говорить о степени влияния рекламы на человека, хоть и выраженного в субъективном параметре восприятия. Для данной группы лиц мы можем предположить большую эффективность воздействия рекламы на потребительское поведение.

В-третьих, наибольшая степень динамичности рекламного предложения выявлена у потребителей, у которых выражены такие личностные качества, как конформность (0,226, $p < 0,05$), доминантность (0,258, $p < 0,05$), чувствительность (0,276, $p < 0,05$), беспечность (0,294, $p < 0,01$), восприимчивость к новому (0,249, $p < 0,05$), экстраверсия (0,251, $p < 0,05$). Люди с данными чертами более склонны к быстрой реализации действия, заложенного в рекламе. Данный параметр говорит как об обычной динамике, продемонстрированной в рекламе (смена кадров, быстрота развития сюжета), так и может рассматриваться в виде заложенного в рекламу динамического посыла, импульса к действию, к покупке.

В-четвертых, нами были найдены существенные различия в восприятии трех разных видов рекламы (с участием людей, животных,

предметов). Например, наиболее привлекательной рекламу с участием людей считают респонденты, у которых выражены экстраверсия (0,221, $p < 0,05$) и чувствительность (0,291, $p < 0,05$); с участием животных — склонность к тревожности (0,263, $p < 0,05$) и чувствительность (0,285, $p < 0,05$); только с предметами (товарами) — высокий интеллект (0,221, $p < 0,05$), совестливость (0,227, $p < 0,05$), конформность (0,365, $p < 0,01$), самостоятельность (0,221, $p < 0,05$).

Таким образом, в данной работе был расширен список индивидуальных черт личности, обуславливающих специфику восприятия рекламы, который при желании можно использовать как для создания рекламы для определённой аудитории, на которую реклама будет иметь большее влияние вследствие более положительного специфического восприятия, так и для защиты групп лиц от чрезмерного восприятия рекламы и, как следствие, получения психического стресса и травм из-за специфики восприятия рекламы. Так, у людей с выраженным Фактором О (с характерным выделением отрицательных черт в виде тревоги, ранимости, повышенного страха и обеспокоенности) тревожная реклама с участием людей вызовет больший отклик и специфика восприятия построит более выразительный образ, что может привести к стрессу и небезопасным последствиям. Возможно, это произойдет не с первого раза, но, учитывая современную тенденцию моды на тревожную рекламу, для таких она станет явно выраженным стрессором.

Практическая значимость данного исследования может быть рассмотрена в двух направлениях.

Первое — с точки зрения защиты людей с различными индивидуальными личностными особенностями от чрезмерного влияния рекламы. Мы уже показали, что люди с высокими показателями конформности и беспечности более подвержены рекламному воздействию. Было бы интересно провести исследования по примерно такой тематике: «Показатель конформности у шопоголиков», «Психологический портрет рекламозависимого потребителя» и т. п., и если в нашем исследовании показана специфика восприятия «мягкой» рекламы людьми с разными личностными чертами, то можно предположить, что есть и другие параметры как личности, так и самой рекламы, которые могут влиять на восприятие рекламного предложения [10, 11].

Второе — от обратного, можно предложить рекламным компаниям более эффективные ме-

тоды воздействия на лиц с различными особенностями для повышения эффективности рекламных предложений и нахождения целевых групп для определённых рекламных предложений.

Указанные практические выходы вовсе не случайны, они характеризуют общую тенденцию современных рекламных и в целом маркетинговых стратегий. С одной стороны, технологии воздействия на потребителя становятся все более тонкими и действенными, развиваются приемы эпатажного, скрытого и вирусного маркетинга, которые используют массу психологических приемов и уловок. С другой стороны, все

чаще поднимается вопрос о психологической безопасности рекламы как на уровне психофизиологии, связанной с перегрузкой нервных центров, так и на уровне метаневрозов, связанных с ощущением бессмысленности, недоверия и скепсиса по причине постоянных манипуляций и обмана. В этом случае информационное рекламное пространство становится не только пространством рекламных компаний в выборе целевых групп, но и одновременно психологическим пространством потребителей, часть из которых психологи относят к группам риска с точки зрения их социальных и личностных особенностей.

Литература

1. Агибалова К. А. Особенности рекламозависимых и рекламонезависимых потребителей / К. А. Агибалова, Н. С. Лысакова // ПСИ-ФАКТОР. — URL: <https://psyfactor.org/lib/recl2.htm>.
2. Барабанов Р. Е. Конформность: классические эксперименты и современное осмысление / Р. Е. Барабанов, А. А. Блохина // Вестник МИТУ-МАСИ. — 2020. — № 3. — С. 53—55.
3. Выбойщик И. В. Личностный многофакторный опросник Р. Кеттелла : учебное пособие / И. В. Выбойщик, З. А. Шакурова. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. — 54 с.
4. Казиева Н. Н. Особенности восприятия рекламы целевой аудиторией / Н. Н. Казиева // Научный журнал. — 2018. — № 1(24). — С. 68—71.
5. Кожевникова О. В. Психосемантика. Метод семантического дифференциала : учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений / О. В. Кожевникова, С. А. Вьюжанина. — Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. — 120 с.
6. Козлов В. В. Психология внушения и внушаемости / В. В. Козлов, Н. А. Власов. — Москва : ООО «Международная Академия психологических наук», 2018. — 276 с.
7. Озерова А. В. Конформизм и конформность как социально-психологические категории / А. В. Озерова // Территория науки. — 2017. — № 1. — С. 68—74.
8. Попова Ж. Г. Психологические аспекты восприятия рекламы потребителем / Ж. Г. Попова // Маркетинг в России и за рубежом. — 2001. — № 5.
9. Розенберг Н. В. Конформизм как социальный феномен / Н. В. Розенберг, И. А. Ушкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2014. — № 3(31). — С. 142—150.
10. Уварова Л. Н. Психология цвета в маркетинге / Л. Н. Уварова, В. Д. Иванова // E-Scio. — 2021. — № 1(52). — С. 399—403.
11. Усачев Д. П. Влияние особенностей темперамента на восприятие рекламы человеком / Д. П. Усачев, Н. П. Петрова // Вестник современных исследований. — 2018. — № 6.3(21). — С. 295—296.
12. Хлабыстова Н. В. Социальное влияние: конформизм и конформность личности / Н. В. Хлабыстова, Д. С. Хохлов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2016. — № 2(179). — С. 102—107.

PERCEPTION OF ADVERTISING BY CONSUMERS WITH DIFFERENT PERSONALITY TRAITS

A. V. Emelyanenkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 annaemelyanenkova@gmail.com

N. A. Skripnik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 nisk.boos@gmail.com

The paper studies the specificity of the perception of advertising (assessment of its emotional attractiveness, the degree of subjective influence and activity, motivation for action) by consumers with different personality traits. The study was conducted on a sample of 80 respondents, 32 men and 48 women aged 18 to 27, university students. Ten advertising videos were offered for the evaluation using the scales of the semantic differential, personality traits were diagnosed by R. Cattell's multifactorial questionnaire. According to the results of the correlation study, the paper revealed the relationship between the factors of perception of advertising impact and such personality traits as conformity, anxiety, extraversion, conservatism. The largest number of significant relationships was obtained for the second-order factors of the methodology. The authors took into account the aspect of the attractiveness of different types of advertising — with the participation of people, animals, or only inanimate objects. The analysis of the results shows the inconsistency of the active development of advertising impact technologies and the psychological safety of advertising space for consumers of risk groups.

Key words: perception of advertising, personality traits.

References

1. Agibalova, K. A., Lysakova, N. S. Osobennosti reklamozavisimykh i reklamonezavisimykh potrebiteley [Features of advertising addicted and unaddicted consumers]. PSI-FAKTOR. URL: <https://psyfactor.org/lib/rec12.htm>.
2. Barabanov, R. Ye., Blokhina A. A. (2020) Konformnost: klassicheskiye eksperimenty i sovremennoye osmysleniye [Conformity: classical experiments and modern understanding]. Vestnik MITU-MASI, (3), p. 53—55.
3. Vyboyshchik, I. V., Shakurova, Z. A. (2000) Lichnostnyj mnogofaktorniy oprosnik R. Kettella [Personal multifactor questionnaire]. Chelyabinsk: Izd. YUURGU, 54 p.
4. Kaziyeva, N. N. (2018) Osobennosti vospriyatiya reklamy tselevoy auditoriyey [Peculiarities of perception of advertising by target audience]. Nauchnyj zhurnal, 1(24), p. 68—71.
5. Kozhevnikova, O. V., Vyuzhanina, S. A. Psikhosemantika (2016) Metod semanticheskogo differentsiala [Method of semantic differential: study guide for university students]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 120 p.
6. Kozlov, V. V., Vlasov, N. A. (2018) Psikhologiya vnusheniya i vnushayemosti [Psychology of suggestion and suggestibility]. Moscow: Mezhdunarodnaya Akademiya psikhologicheskikh nauk, 276 p.
7. Ozerova, A. V. (2017) Konformizmi konformnost kak sotsialno-psikhologicheskiye kategorii [Conformism and conformity as social psychological categories]. Territoriya nauki, (1), p. 68—74.
8. Popova, Zh. G. (2001) Psikhologicheskiye aspekty vospriyatiya reklamy potrebitelem [Psychological aspects of perception of advertising by a person]. Marketing v Rossii i za rubezhom, (5).
9. Rozenberg, N. V., Ushkina, I. A. (2014) Konformizm kak sotsialnyj fenomen [Conformism as a social phenomenon]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki, 3(31), p. 142—150.
10. Uvarova, L. N. (2021) Psikhologiy atsveta v marketinge [Psychology of a colour and marketing]. E-Scio, (52), p. 399—403.
11. Usachev, D. P., Petrova, N. P. (2018) Vliyaniye osobennostey temperamenta na vospriyatiye reklamy chelovekom [Influence of the temper features on the perception of advertising by a person]. Vestnik sovremennykh issledovaniy, 6.3(21), p. 295—296.
12. Khlabytova, N. V., Khokhlov, D. S. (2016) Sotsialnoye vliyaniye: konformizm i konformnost lichnosti [Social phenomenon: conformism and conformity of a personality]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya, 2 (179), p. 102—107.

Е. Н. Каленик

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОБУЧЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ С ОВЗ МЛАДШИХ КУРСОВ ВУЗА

В материале рассматриваются вопросы сохранения социального здоровья обучающейся молодежи с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в высшей школе. Здоровье — важная ценность, результат эффективного функционирования человека. В связи с этим создание оптимальных условий для учебы, труда и быта, способствующих сохранению здоровья, помогающих адаптации студентов с ОВЗ, следует считать главной задачей, требующей вложений и усилий от вуза и общества в целом. Отмечено, что большая часть студентов-инвалидов покидает высшие учебные заведения в процессе обучения. Основными факторами, из-за которых приостанавливают обучение студенты с ОВЗ, являются проблемы с социальным здоровьем и прогрессирование основного заболевания. Цель эмпирического исследования — оценить влияние обучения на «социальное здоровье» (социальный, физический и психологический компонент студентов с ОВЗ) и выявить сложные моменты в обучении; сравнить показатели социального, физического и психологического здоровья студентов с ОВЗ и студентов без ограничений. Для самооценки каждого из уровней социального здоровья мы использовали специальную методику самооценки состояний, разработанной С. Степановым. Полученные данные говорят о сложном процессе адаптации (и не всегда положительной) у студентов с ОВЗ.

Ключевые слова: студенты с ограниченными возможностями здоровья, социальное здоровье, физическое здоровье, психологическое здоровье, студенты без ограничений, инклюзия, адаптация.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние здоровья студенческой молодежи — один из важнейших обобщающих параметров здоровья нации [3]. Роль высшей школы в процессе формирования ценности здоровья, его сохранения и укрепления у студентов с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) недостаточно высока. Часто отсутствие финансовых и технических возможностей, заинтересованности вуза приводит к тому, что принятые программные мероприятия остаются на уровне документов. Однако здоровье остается наиболее важной ценностью и залогом эффективного функционирования человека.

С развитием общества направление на здоровьесбережение будет значительно востребовано, что будет связано с возрастанием требований к состоянию человека, негативными последствиями современного развития общества (гиподинамия, ухудшение экологии, использование искусственно выращенных продуктов питания, употребление психоактивных веществ и т. п.). В связи с этим создание оптимальных условий для учебы, труда и быта, способствующих

сохранению здоровья, помогающих адаптации студентов с ОВЗ, следует считать главной задачей, требующей вложений и усилий от вуза и общества в целом. Успешный, трудолюбивый, с высокой работоспособностью, с хорошим состоянием здоровья (а если это студент с ОВЗ — то с сохранением здоровья, без ухудшения состояния), с большим набором компетенций — это будущий профессионал. Актуальной потребностью будет физическая культура личности, его функциональное состояние и уровень социального здоровья.

Проблема «социального здоровья» актуальна для развития личности и общества в целом и является определяющей для студенческой молодежи.

С точки зрения медицинского аспекта социальное здоровье — это характеристика физического и психического здоровья общества, т. е. здоровье социума [5]. С точки зрения психолого-социологического аспекта социальное здоровье рассматривается как «интегральная характеристика развития личности, взятая в единстве их социальных и биологических показателей:

соматического, психического здоровья и социальной активности» [3].

Переход от психологического здоровья к социальному уровню весьма условен. Однако во втором случае человек воспринимается как существо общественное, и здесь наиболее важными представляются вопросы влияния на здоровье личности, а также выполнения человеком своих социальных функций. Этот факт имеет большое значение для учащейся молодежи с ОВЗ. Социальное здоровье определяется количеством и качеством межличностных связей индивида и степенью его участия в жизни общества. Проблема социального здоровья студенческой молодежи с ОВЗ в современных условиях приобретает мобильный характер.

Нарушения в сфере социального здоровья могут быть обусловлены доминированием определенных личностных свойств (конфликтностью, эгоцентризмом и т.д.). Кроме того, по мнению ряда авторов (Л.С. Выготский, Т.А. Донских, В.Т. Кондрашенко, И. Тэйлор), данные свойства обуславливают процесс формирования девиантного поведения.

В укреплении и сохранении своего здоровья определяющую роль играет сам человек. С этим связано и его умение оценивать состояние своего здоровья. В то же время эффективность самооценки здоровья непосредственно зависит от знания себя.

Отношение к здоровью — система индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, напротив, угрожающими здоровью людей, а также определенная оценка индивидом своего социального здоровья, физического и психического состояния.

Социальное здоровье — это ресурс, социальный капитал, необходимый для успешной адаптации в новых общественно-экономических условиях, а также в условиях модернизации российского образования [1].

Статистические данные Министерства образования РФ свидетельствуют о позитивной динамике по количеству студентов с ОВЗ, которое составляет около 5 % от общего числа обучающихся в вузах. Однако количественный анализ показывает сокращение обучающихся: так, если в 2001—2002 учебном году в вузах обучалось 11 073 студента с ограниченными возможностями здоровья, в 2008—2009 учебном году — 18,6 тыс. студентов с ОВЗ, а в 2009—2010 учебном году — 26,1 тыс., то в 2017—2018 учебном году — лишь 8112 человек. Также отмечается, что большая часть студентов-инвалидов покида-

ет высшие учебные заведения в процессе обучения [2]. Основными факторами, из-за которых приостанавливают обучение студенты с ОВЗ, являются проблемы с социальным здоровьем и прогрессирующее основное заболевание.

Планирование процесса физического воспитания студентов направлено на сохранения физического состояния, что согласовывается с образовательными потребностями и возможностями обучающихся с ОВЗ.

Определение понятия «физкультурно-оздоровительные практики» дал в своей работе Р. Р. Хайруллин [6] — это разнообразные формы, средства и методы, направленные на повышение физического и психологического благополучия, адекватную и успешную адаптацию в обществе студентов с ОВЗ, формирование индивидуального стиля поведения с учетом возраста и профессиональной деятельности, необходимые для оптимального фона жизнедеятельности.

Актуальным для современного вуза становится ориентация образовательной программы на личностно-ориентированную, с учетом личностных образовательных потребностей студента с ОВЗ, направленной на сохранение и укрепление собственного здоровья, формирование физической культуры личности как основного компонента успешной адаптации.

Таким образом, мы сформулировали цель эмпирического исследования: оценить влияние обучения на «социальное здоровье» (социальный, физический и психологический компонент студентов с ОВЗ) и выявить сложные моменты в обучении; сравнить показатели социального, физического и психологического здоровья студентов с ОВЗ и студентов без ограничений.

Работа выполнялась на базе Ульяновского государственного университета, в учебной лаборатории социологических и маркетинговых исследований, в течение 2020—2022 учебного года. В исследовании приняли участие студенты с ОВЗ и студенты общей группы (без ограничений) начальных курсов (1—3 курс) различных направлений очного обучения — 250 человек (юношей и девушек).

Исследуемые студенты с ОВЗ были распределены на три группы: 1 группа — 1 курс обучения, 2 группа — 2 курс, 3 группа — 3 курс.

В исследовательских группах были студенты с ограниченными возможностями здоровья: с онкологическими заболеваниями; со сложными заболеваниями органов зрения; с ВСД и черепно-мозговыми дисфункциями (в том числе последствия травм головы); заболевания, относящиеся к эндокринологии и нефрологии; с забо-

леванями сердечно-сосудистой системы; с заболеваниями ОДА (последствия сложных переломов, операций на позвоночнике, артриты и т. д.); с хроническими неспецифическими заболеваниями легких.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с принципом иерархичности человек представляет собой сложную живую систему, жизнедеятельность которой обеспечивается взаимосвязанными уровнями функционирования. Можно выделить три уровня рассмотрения здоровья человека — биологический, психологический и социальный, каждый из которых обладает своей спецификой.

На биологическом уровне сущность здоровья рассматривается как динамическое равновесие работы всех внутренних органов и их адекватное реагирование на влияние окружающей среды.

Самооценка физического здоровья выявляет меру благополучия в функционировании организма. Различные виды серьезных органических нарушений приводят к изменениям в социальной адаптации человека. Чем тяжелее заболевание организма, тем сильнее оно влияет на социальное здоровье.

Психологический уровень рассмотрения здоровья связан с личностным контекстом, в рамках которого человек предстает как психическое целое. Среди критериев психического здоровья особо значимы такие, как интегрированность личности, ее гармоничность, уравновешенность, духовность, ориентация на саморазвитие.

Для самооценки каждого из уровней рассмотрения здоровья мы использовали специальную методику самооценки состояния здоровья, разработанную С. Степановым.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди факторов, влияющих на адаптацию студентов, помимо общих, которые определяют состояние социального здоровья, есть специфические, непосредственно взаимодействующие с образовательным процессом. Среди них можно выделить низкий уровень образования по здоровьесбережению, а также проблемы доступности образовательной среды, большие учебные нагрузки, наличие стрессовых ситуаций, трудности самоопределения в будущей профессии, несоблюдение режимов питания и сна, высокая степень риска наличия вредных привычек.

Успешная адаптация в вузе студентов с ОВЗ, мобилизация функциональных резервов

механизмов от первого к третьему курсу возрастает в связи с адекватной, грамотной самооценкой своего физического здоровья.

Результаты исследования показывают, что студенты с ОВЗ третьего курса меняют отношение к здоровому стилю жизни, увеличивают свое участие в физкультурно-оздоровительных мероприятиях, участвуют в мероприятиях по здоровьесбережению и рекреационной направленности. К 3 курсу приходит понимание, что собственные физические и психические резервы исчерпаемы, появляется заинтересованность в получении информации о здоровом образе жизни, участии в профилактических мероприятиях по поддержанию своего социального здоровья и физического состояния.

Показатели самооценки у студентов с первого по третий курс значительно отличаются (результаты исследования представлены на рисунке 1). Самооценка своего физического здоровья у студентов 3 курса повышается, показатель физического здоровья равен $119,05 \pm 8,6$ балла. Однако данные показатели студентов с ОВЗ значительно ниже, чем у нормотипичных студентов, оценка которых имеет среднестатистические показатели для этой категории молодежи населения в стране.

В контрольных группах студентов без ограничений статистической разницы между показателями самооценки физического здоровья нет, но к третьему курсу также прослеживается тенденция увеличения внимания к формированию ценности здоровья и установок на здоровый образ жизни (см. рисунок 1). Таким образом, сравнивая показатели между собой в исследовательской и контрольной группе, можно сказать, что даже в самооценке студенты с ОВЗ имеют показатель физического здоровья ниже, тем самым подтверждая факт низких возможностей, что затрудняет адаптацию в вузе.

Последствия заболеваний у студентов с ОВЗ не ограничиваются нарушением бытовых функций, обычно значительно страдает и общественная (социальная) активность. Психическое здоровье студентов с ОВЗ практически не изменяется с первого года обучения до третьего, однако соматическое состояние вследствие заболевания все же не позитивного характера. А у нормотипичных студентов изменения в психическом состоянии более яркие, ко второму курсу студенты становятся более энергичными (см. рисунок 2). Для тех и других будет иметь значение продуманная программа оздоровления организма, его физического и психического состояния [4].

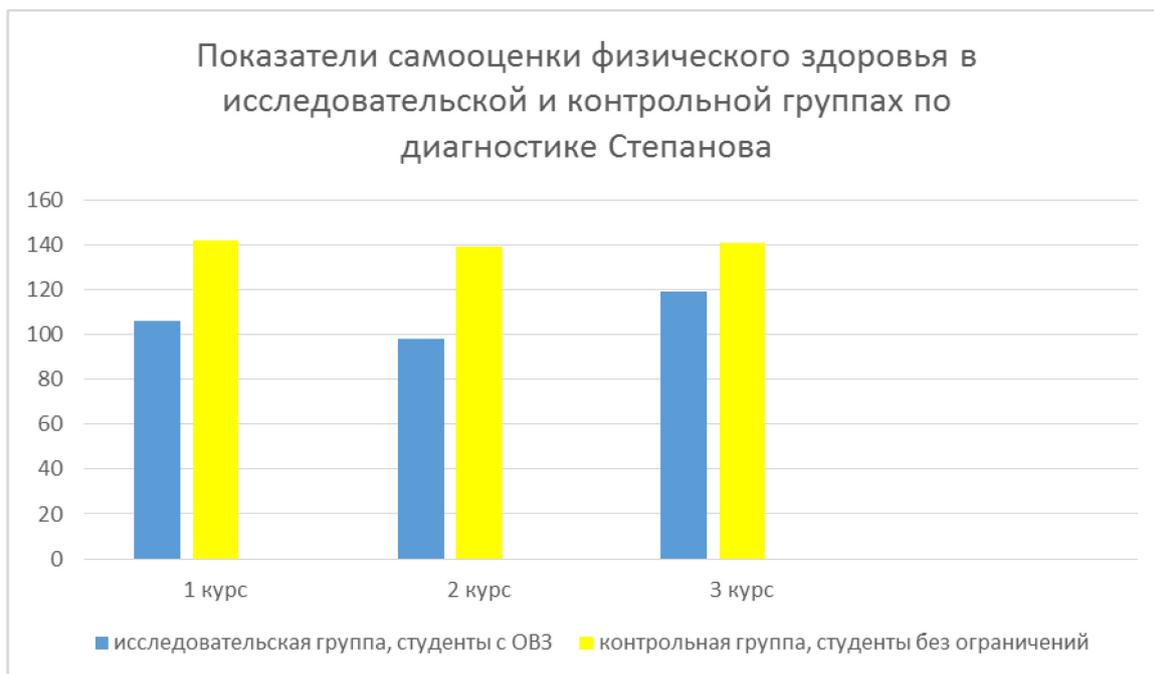

Рисунок 1. Показатели самооценки физического здоровья в исследовательских группах студентов с ОВЗ и контрольных группах студентов без ограничений

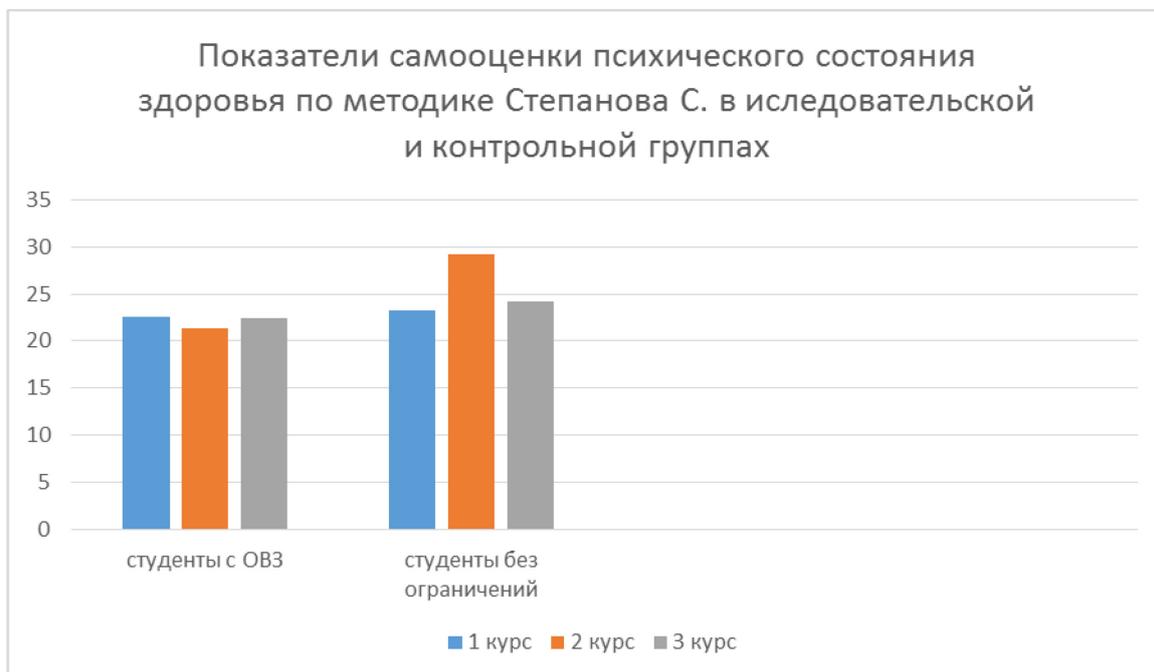

Рисунок 2. Показатели самооценки психического состояния здоровья по методике, разработанной С. Степановым, в группах студентов с ОВЗ и студентов без ограничений с первого по третий курс

Показатели социального здоровья студентов с ОВЗ и студентов без ограничений отличаются незначительно, но все же данный показатель у группы студентов с ОВЗ ниже (см. показатели соматического здоровья, таблица 1).

Студенты с ОВЗ стараются, сохраняя баланс в социальном здоровье, прийти к решению или достижению образовательных индивидуальных задач. Однако бывают случаи, когда они используют манипуляторные методики решения

кризисных вопросов. Для достижения результата в данном случае будут иметь важное значение инклюзивные образовательные технологии с максимально возможным использованием методик, сохраняющих социальное здоровье обоих участников образовательного процесса, — ученика и преподавателя.

Таблица 1

Показатели самооценки состояния социального здоровья по методике, разработанной С. Степановым, в исследовательской и контрольной группах

Группа / показатель	Социальное здоровье у студентов с ОВЗ	Социальное здоровье у студентов без ограничений
1 курс	23,05 ± 0,7	25,2 ± 0,8
2 курс	23,4 ± 0,9	22,5 ± 1,3
3 курс	23,5 ± 0,9	24,3 ± 1,0

Социальное здоровье — это ресурс, социальный капитал, необходимый для успешной социализации и социальной адаптации в новых общественно-экономических условиях [1].

На биологическом уровне сущность социального здоровья рассматривается как динамическое равновесие работы всех внутренних органов и их адекватное реагирование на влияние

окружающей среды. Различные виды серьезных органических нарушений приводят к изменениям в психике, личностном статусе и социальном поведении студента с ОВЗ. Для студентов с ОВЗ необходимы инклюзивные программы, которые будут учитывать ограниченные возможности здоровья, запросы и нужды, сложности в адаптации к учебным нагрузкам. Показатели, полученные по самооценке психического здоровья, говорят о сложном процессе адаптации (и не всегда положительной) у студентов с ОВЗ, и в особенности у студентов второго курса, подтверждая данные, представленные на рисунках 1, 2.

Для улучшения сложившейся ситуации необходимо проводить комплексную систематическую работу со студентами с ОВЗ, направленную на формирование здорового образа жизни, ценности здоровья, организацию качественных мероприятий по сохранению социального здоровья и отношению к нему; разрабатывать инклюзивные образовательные программы с выходом на более широкий процесс интеграции студентов с ОВЗ, подразумевающий одинаковую доступность образования для всех студентов и развитие профессионального образования в плане адаптированности к различным нуждам всех обучающихся.

Литература

1. Дружинин Р. О. Социальное здоровье личности подростка как категория социальной педагогики / Р. О. Дружинин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 1(117). — С. 130—136.
2. Воеводина Е. В. Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям высшего учебного заведения: социологический анализ : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. В. Воеводина ; место защиты: Российский государственный университет туризма и сервиса. — Хабаровск, 2012. — 24 с.
3. Зобов Р. А. Актуальные проблемы исследования социального здоровья / Р. А. Зобов ; под ред. Р. А. Зобова, А. А. Козлова. — СПб. : Химиздат, 2004. — 165 с.
4. Каленик Е. Н. Особенности социального здоровья студентов с ограниченными возможностями здоровья / Е. Н. Каленик // Актуальные проблемы социальной сферы и сферы сервиса: теория и практика : сборник работ по результатам Международной заочной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Е. Н. Львова, О. В. Шабанова. — Ульяновск : УлГУ, 2020. — С. 39—43.
5. Караяни А. Г. О работе секции «Социальное здоровье нации и будущее России» / А. Г. Караяни // Россия XXI века: пути и перспективы развития : сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции / [под ред. В. Ф. Дубяги]. — Москва : Фонд «Общество», 2007.
6. Хайруллин Р. Р. Повышение качества жизни студентов вузов культуры средствами физкультурно-оздоровительных практик : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Р. Р. Хайруллин ; Казанский государственный институт культуры ; место защиты: Институт педагогики, психологии и социальных проблем. — Казань, 2020. — 24 с.

ASSESSING THE IMPACT OF EDUCATION ON THE SOCIAL HEALTH OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN JUNIOR UNIVERSITY COURSES

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kente@mail.ru

The material discusses the issues of maintaining the social health of students with disabilities in higher education. Health is an important value, the result of the effective functioning of a person. In this regard, the creation of optimal conditions for study, work and life, contributing to the preservation of health, helping the adaptation of students with disabilities, should be considered the main task that requires investment and effort from the university and society as a whole. It is noted that most of the students with disabilities leave higher educational institutions in the process of learning. The main factor due to which students with disabilities suspend their studies is social health problems and the progression of the underlying disease. The purpose of the empirical study: to assess the impact of education on "social health": the social, physical and psychological component of students with disabilities and to identify difficult moments in learning; compare indicators of social, physical and psychological health of students with disabilities and students without restrictions. For self-assessment of each of the levels of social health, the author used a special methodology for self-assessment of states developed by S. Stepanov. The indicators obtained from the self-assessment of social health prove that the process of adaptation is complex and not always positive for students with disabilities.

Key words: students with disabilities, social health, physical health, psychological health, students without disabilities, inclusion, adaptation.

References

1. Druzhinin, R. O. (2013) Sotsialnoe zdorovye lichnosti podrostanta kak kategoriya sotsialnoy pedagogiki [Social health of a personality as a category of social pedagogics]. Vestnik of Tambov University, ser.: Humanities, 1(117), p. 130–136.
2. Voevodina, E. V. (2012) Sotsialnaya adaptatsiya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami sdorovya k usloviyam vysshego uchebnogo zavedeniya: sotsiologicheskiy analiz [Social adaptation of students with disabilities to the conditions of a higher education in stitution: sociological analysis: specialty 22.00.04 "Social culture, social institutes and processes]. Author's abstract ... Candidatein Sociology. Khabarovsk, 24 p.
3. Zobov, R. A., Kozlov, A. A. (2004) Aktualnye problemy issledovaniya sotsiialnogo zdorovya [Current problems of social health study]. St. Petersburg: Khimizdat, 165 p.
4. Kalenik, E. N. (2020) Osobennosti sotsianogo zdorovya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami [Peculiarities of social health of students with disabilities]. Current problems of social sphere and service: theory and practice: collection of articles based on the results of International scientific and practical conference. Ulyanovsk: UISU, p. 39–43.
5. Karayani, A. G. (2007) O rabote seksii "Sotsialnoe zdorovye natsii i buduscee Rossii" [Work of section "Social health of the nation and future of Russia": collaection of works of All-Russian scientific and practical conference]. Moscow: Fund "Obschestvo".
6. Khayrullin, R. R. (2020) Povyshenie kachestva zhizni studentov vuzuv kultury sredstvami fizkulturno-ozdorovitelnykh praktik [Improving the life quality of university students bymeans of physical and wellness regimen: specialty 13.00.01 "General pedagogics, history of pedagogics and education]. Author's abstract ... Candidate of Pedagogics. Kazan State Institute of Culture. Kazan, 24 p.

В. А. Каширин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vak65@mail.ru

Л. В. Коновалова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
margosc@mail.ru

А. М. Гурьянов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
gam69@list.ru

И. А. Насибуллина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ilnaranasibullina23@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ

В статье представлена модель повышения эффективности занятий по программе «Атлетизм», структурными компонентами которой являются условия обеспечения результативности занятий: определение ведущих мотивов выбора вида двигательной деятельности для решения задач укрепления здоровья, разностороннего, гармоничного развития, улучшения имиджа, повышения физической подготовленности, а также способность управления психоэмоциональным состоянием, что особенно важно на этапе адаптации организма к непривычной тренировочной нагрузке. Разработана модель повышения эффективности занятий атлетической гимнастикой на основе рационального сочетания аэробного и анаэробного компонентов тренировочных средств, обеспечивающая подготовку к сдаче нормативов комплекса ГТО, позволяющая увеличить положительное воздействие силовых упражнений в сочетании с циклическими, обеспечить более значимый оздоровительный эффект, улучшение физической работоспособности. Определяется уровень физической подготовленности студентов, который может стать отправной точкой для планирования учебного процесса и дополнительных занятий по физической культуре в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: атлетическая гимнастика, физическая подготовленность, комплекс ГТО, самосовершенствование, студенты, аэробный и анаэробный компонент.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Повышение физической подготовленности средствами атлетической гимнастики обеспечивает решение сразу нескольких задач — это укрепление здоровья, улучшение умственной и физической работоспособности, приобретение новых профессиональных знаний и навыков.

Введение с сентября 2014 года нового комплекса ГТО — нормативной основы физического воспитания — ставит целью улучшение уровня здоровья населения страны, приобщение к ценностям физической культуры и спорта, здорового образа жизни. В указе Президента РФ В. В. Путина от 24 марта 2014 года № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» говорится: «В целях дальнейшего совершенствования государственной политики в области физической культуры и спорта, создания эффективной системы физического воспитания, направленной на развитие человеческого потенциала и укрепление здоровья населения, ввести в действие с 1 сентября 2014 года комплекс ГТО — программную и нормативную основу физического воспитания населения». Подчеркнута в указе значимость возвращения к сдаче нормативов комплекса ГТО с учётом новых условий жизнедеятельности, изменившейся политической ситуации, заключается в том, чтобы поднять систему физического воспитания на качественно новый уровень.

Физическая подготовленность является результатом деятельности студентов в процессе физического воспитания. Процесс изменения физической подготовленности происходит постоянно в течение всей жизни человека и зависит от регулярности занятий и перестройки организма под воздействием физических упражнений [2, 4].

Определение уровня физической подготовленности и физического состояния студентов является важным показателем для дальнейшего планирования учебного процесса и дополнительных занятий.

Подобные исследования показывают динамику полученных результатов и свидетельствуют о достоверной эффективности или о положительной динамике искомых показателей. Физическая подготовленность быстро утрачивается, если не поддерживается самостоятельно. Для наибольшей эффективности самостоятельной работы над своей физической подготовленностью следует четко определить цели и поставить задачи. Выявленные и реализованные личностно-ориентированные и социально значимые

мотивы использования средств атлетической гимнастики являются одним из факторов, стимулирующих стремление к подготовке и сдаче нормативов комплекса ГТО.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 19 юношей в возрасте от 21—23 лет, которые занимались на курсах по выбору по программе «Атлетизм». Для контрольных испытаний отобраны скоростно-силовые упражнения, включенные в комплекс ГТО (сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях, подтягивания на высокой перекладине, прыжок в длину с места, рывок гири), подбирались по весовым показателям занимающихся, после чего подсчитывался силовой коэффициент.

Тестирование в контрольных испытаниях Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» проводилось в соревновательной форме, что побуждает испытуемых показывать максимальный результат, тем самым «подогревая» интерес к занятиям физической культурой. Занятия проводились на базе Ульяновского государственного университета в режиме очного и дистанционного обучения.

Опыт самообразования и самосовершенствования необходим для качественного осуществления деятельности, которая напрямую связана с выбором, освоением и совершенствованием себя в новых направлениях. Структурным компонентом модели повышения эффективности занятий атлетической гимнастикой являются условия обеспечения результативности занятий: определение ведущих мотивов выбора вида двигательной деятельности для решения задач укрепления здоровья, разностороннего, гармоничного развития, улучшения имиджа, повышения физической подготовленности, а также способность управления психоэмоциональным состоянием, что особенно важно на этапе адаптации организма к непривычной тренировочной нагрузке [1—3, 7, 8]. Значимость данных условий состоит в оказании существенной поддержки при преодолении некомфортного состояния организма под воздействием направленной тренировочной нагрузки, обеспечивающей совершенствование двигательной функции [5, 6, 9—11]. Чувство удовлетворенности, возникающее в процессе применения средств атлетической гимнастики, является основой позитивного эмоционального состояния занимающихся [5, 9, 10].

Разработана модель повышения эффективности занятий атлетической гимнастикой на основе рационального сочетания аэробного и анаэ-

робного компонентов тренировочных средств, обеспечивающая подготовку к сдаче нормативов комплекса ГТО, позволяющая увеличить положительное воздействие силовых упражнений в сочетании с циклическими, обеспечить более значимый оздоровительный эффект, улучшение физической работоспособности.

Выявление и реализация личностно-ориентированных и социально значимых мотивов использования средств атлетической гимнастики являются одним из факторов, стимулирующих стремление к подготовке и сдаче нормативов комплекса ГТО. Это способствует формированию потребности в увеличении объёма двигательной активности у мужчин первого зрелого возраста. Одним из средств физического, психического и духовного оздоровления занимающихся является активное вовлечение в занятия физической культурой с использованием разнообразных физических упражнений [12].

**МОДЕЛЬ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАНЯТИЙ
ПО ПРОГРАММЕ «АТЛЕТИЗМ» [12]**

Одним из важных структурных компонентов модели повышения эффективности занятий атлетической гимнастикой (рисунок 1) является специально разработанная методика использования средств атлетической гимнастики на основе сочетания аэробного и анаэробного компонентов. В её содержание включены упражнения, направленные на укрепление и развитие основных мышечных групп, ослабленных в результате недостаточного объёма двигательной деятельности. В зависимости от физического и функционального состояния в рамках рассматриваемого возрастного диапазона мужчины выполняли серию упражнений с гантелями, вес которых подбирался индивидуально; для каждого занимающегося устанавливался оптимальный темп и ритм двигательных действий.

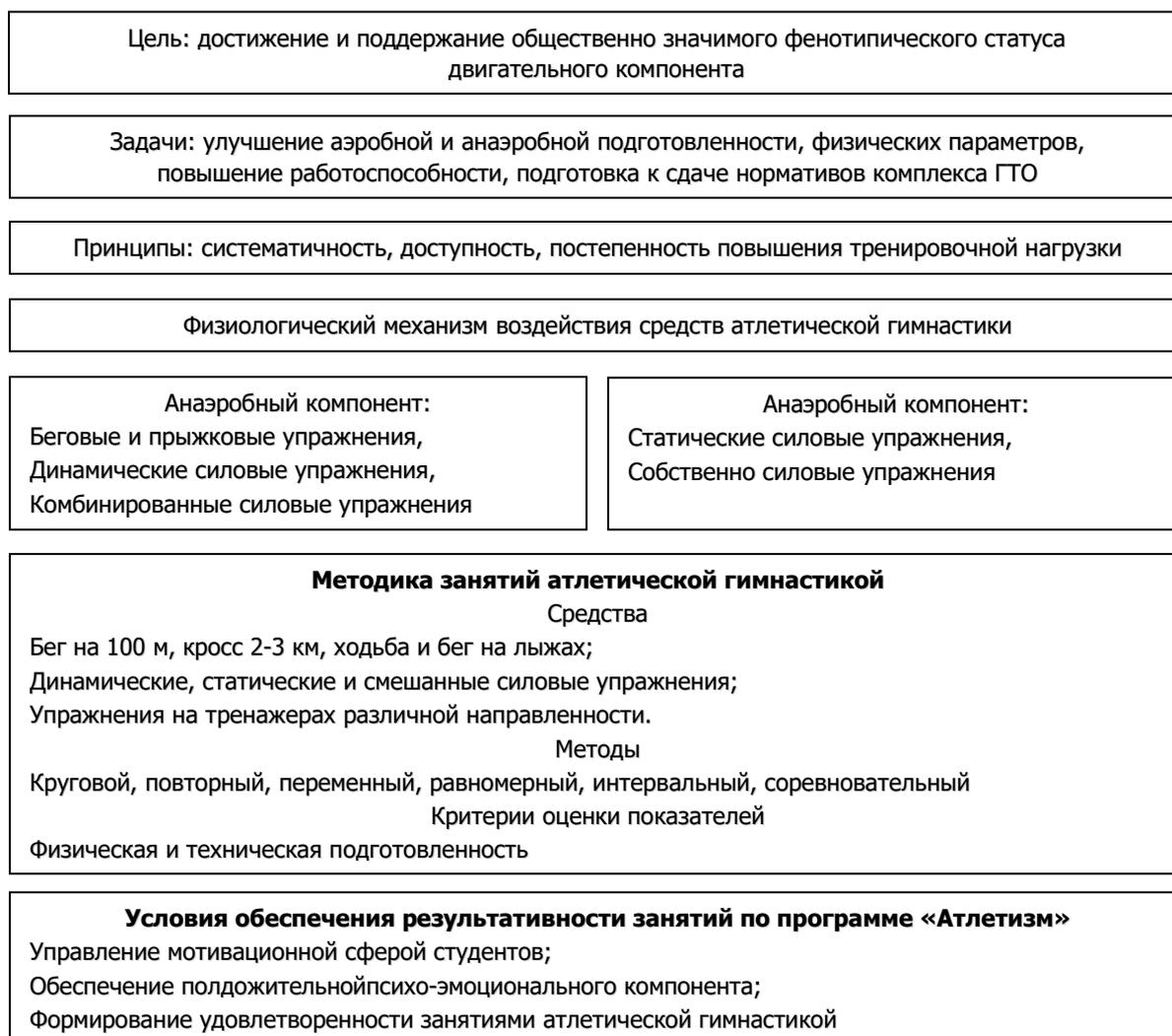

Рисунок 1. Модель повышения эффективности занятий по программе «Атлетизм»

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что модель повышения эффективности занятий по программе «Атлетизм» для улучшения скоростно-силовых показателей работает успешно. По всем контрольным испытаниям наблюдается прирост показателей. На диаграмме 1 представлены результаты в прыжке в длину с места, где наблюдается прирост результата на 8,73 %.

На диаграмме 2 видим улучшение силовых показателей в контрольном упражнении «сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях» на 25,27 %.

На диаграмме 3 представлены данные силового коэффициента, где наблюдается положительная динамика в контрольном упражнении «рывок гири весом 16 кг» на 3,17 %.

ВЫВОДЫ

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что представленная модель повышения эффективности занятий по программе «Атлетизм» может быть использована в учебном процессе для повышения мотивации как на занятиях по дисциплине «Элективный курс по физической культуре и спорту», так и при самостоятельных занятиях для совершенствования своих физических показателей и повышения уровня здоровья.

Литература

1. Апанасенко Г. Л. Физическое здоровье и максимальная аэробная способность индивида / Г. Л. Апанасенко, Р. Г. Науменко // Теория и практика физической культуры. — 1988. — № 6. — С. 29—31.
2. Апанасенко Г. Л. Диагностика индивидуального здоровья / Г. Л. Апанасенко // Валеология. — 2002. — № 3. — С. 27—31.
3. Астранд П. О. Оздоровительные эффекты физических упражнений / П. О. Астранд, И. В. Муравов // Валеология. — 2004. — № 2. — С. 64—70.
4. Белов В. И. Валеология: здоровье, молодость, красота, долголетие / В. И. Белов, Ф. Ф. Михайлович. — Москва, 1999. — 664 с.
5. Вавилов В. В. Процесс оздоровления лиц зрелого возраста на занятиях атлетической гимнастикой / В. В. Вавилов // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта». — Санкт-Петербург, 2011. — № 10(80). — С. 49—51.
6. Виноградов Г. П. Атлетизм: теория и методика тренировки : учебник / Г. П. Виноградов. — Москва : Советский спорт, 2009. — 328 с.
7. Голованов С. А. Комплексная коррекция здоровья мужчин с ожирением в условиях аэробных физических нагрузок // Теория и практика физической культуры. — 2014. — № 3. — С. 57—61.
8. Голубева О. В. Научно-методическое обеспечение мотивации лиц с ограниченными возможностями в условиях реализации спортивного стандарта ГТО (на примере студентов специальных медицинских групп) / О. В. Голубева, Л. В. Коновалова, Д. А. Карташова, О. А. Леонтьева // Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) для инвалидов: теория и практика : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 66—70.

Диаграмма 1

Результаты в прыжке в длину с места

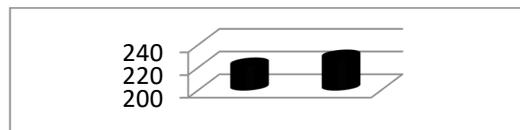

Диаграмма 2

Результаты в контрольном упражнении «сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях»

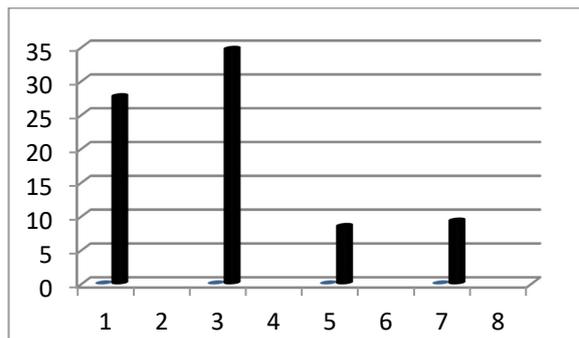
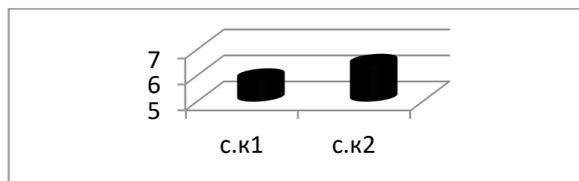

Диаграмма 3

Данные силового коэффициента в контрольном упражнении «рывок гири весом 16 кг»

9. Назаренко Л. Д. Физиология физического воспитания и спорта / Л. Д. Назаренко. — Ульяновск, 2000. — 144 с.
10. Назаренко Л. Д. Оздоровительные основы физических упражнений / Л. Д. Назаренко. — Москва : Изд-во Владос-Пресс, 2003. — 240 с.
11. Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. Физиология и психология / И. М. Сеченов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 7—127, 510—518.
12. Вавилов В. В. Направленность занятий атлетической гимнастикой мужчин II зрелого возраста на подготовку к сдаче нормативов комплекса ГТО : 13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. В. Вавилов ; Место защиты: ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма». — Набережные Челны, 2015. — 24 с.

IMPROVEMENT OF PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS BY MEANS OF ATHLETIC GYMNASTICS

V. A. Kashirin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
vak65@mail.ru

L. V. Konovalova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
margosc@mail.ru

A. M. Guryanov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
gam69@list.ru

I. A. Nasibullina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ilnaranasibullina23@mail.ru

The article presents a model for increasing the effectiveness of classes in the program "Athleticism", the structural components of which are the conditions for ensuring the effectiveness of classes: determining the leading motives for choosing the type of motor activity to solve the problems of strengthening health, versatile, harmonious development, improving the image, increasing physical fitness, as well as the ability to control the psycho-emotional state, which is especially important at the stage of adaptation of the body to an unusual training load. A model for increasing the efficiency of athletic gymnastics based on a rational combination of aerobic and anaerobic components of training tools has been developed, which provides preparation for passing the standards of the GTO complex, allows increasing the positive impact of strength exercises in combination with cyclic exercises, provide a more significant health effect, improve physical performance. In order to improve the level of health of the country's population, familiarize them with the values of physical culture and sports and the basics of a healthy lifestyle, a new TRP complex has been introduced since September 2014. The level of physical fitness of students is determined, which can become starting point for planning the educational process and additional physical education classes in higher educational institutions.

Key words: athletic gymnastics, physical fitness, GTO complex, self-improvement, athletic gymnastics, students, aerobic and anaerobic components.

References

1. Apanasenko, G. L., Naumenko, R. G. (1988) Fizicheskoe zdorovye i maksimalnaya aerobnaya sposobnost individua [Physical health and maximum aerobic capacity of an individual]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, (6), p. 29—31.
2. Apanasenko, G. L. (2002) Diagnostika individualnogo zdorovya [Diagnostics of individual health]. *Valeologiya*, (3), p. 27—31.
3. Astrand, P. O., Muravov, I. V. (2004) Oздorovitelnye efekty fizicheskikh uprazhneniy [Health-improving effects of physical exercises]. *Valeologiya*, (2), p. 64—70.
4. Belov, V. I., Mikhaylovich, F. F. (1999) *Valeologiya: zdorovye, molodost, krasota, dologoletie* [Valeology: health, youth, beauty, longevity]. Moscow, 664 p.

5. Vavilov, V. V. (2011) Protsecc ozdorovleniya lits zrelogo vozrasta na zanyatiyakh atleticheskoy gimnastikoy [The process of recovery of persons of mature age in athletic gymnastics]. Scientific-theoretical journal "Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft". St. Petersburg, 10(80), p. 49—51.
6. Vinogradov, G. P. (2009) Atletizm: teoriya i metodika trenirovki [Athleticism: theory and methodology of training: textbook]. Moscow: Sovetskiy sport, 328 p.
7. Golovanov, S. A. (2014) Kompleksnaya korrektsiya zdorovya muzhchin s ozhireniem v usloviyakh aerobnykh fizicheskikh nagruzok [Comprehensive correction of the health of obese men under conditions aerobic physical activity]. Teoriya i praktika fizicheskoy kultury, (3), p. 57—61.
8. Golubeva, O. V., Konovalova, L. V., Kartashova, D. A., Leontiev, O. A. (2022) Nauchno-metodicheskoe obespechenie motivatsii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami v usloviyakh realizatsii sportivnogo standarta GTO [Scientific and methodological support for the motivation of persons with disabilities opportunities in the context of the implementation of the TRP sports standard (on the example of students special medical groups)]. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference "All-Russian physical culture and sports complex "Ready for Labor and Defense" (TRP) for the disabled: theory and practice. National State University of Physical Culture, Sports and health named after P. F. Lesgaft. St. Petersburg, p. 66—70.
9. Nazarenko, L. D. (2000) Fiziologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta [Physiology of physical education and sports]. Ulyanovsk, 144 p.
10. Nazarenko, L. D. (2003) Ozdorovitelnye osnovy fizicheskikh uprazhneniy [Health basics of physical exercises]. Moscow: Publishing house Vldos-Press, 240 p.
11. Sechenov, I. M. (1952) Izbrannyye proizvedeniya. T. 1. Fiziologiya i psikhologiya [Selected Works Vol. 1. Physiology and psychology]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, p. 7—127, 510—518.
12. Vavilov, V. V. (2015) Napravlennost zanyatiy atleticheskoy gimnastikoy muzhchin II zrelogo vozrasta na podgotovku k sdache normativov kompleksa GTO [Trend of athletic gymnastics exercises among men of II mature age to preparation for the normative complex GTO: 13.00.04]. Author's abstract ... Candidate of Pedagogics, Naberezhnye Chelny, 24 p.

Лу Вэньчжу

Российский
государственный
педагогический
университет
имени А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург,
Россия)

lvenzhu@bk.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Статья посвящена проблеме этнокультурного аспекта в музыкальной педагогике. Актуальность исследования обусловлена повышением внимания к воспитанию патриотизма, гражданственности в обществе, в том числе и у подрастающего поколения. Важную роль при этом играет сфера культуры и искусства. Этнические качества являются структурной составляющей нравственных качеств личности. Музыкальная педагогика обладает рядом форм, методов и средств развития этнических качеств личности. Основой данного процесса является национальная музыка.

Цель статьи — теоретически изучить этнический аспект музыкальной педагогики. Задачи: изучить литературу по теме исследования, выявить особенности развития этнических качеств на примере обучения детей фортепианному исполнительству.

В статье делается вывод о возможности и значении репертуара, в основе которых — творчество композиторов национальной школы, в развитии этнических качеств личности. Искусство в целом и музыка в частности являются эффективными средствами развития этнических ценностей обучающихся. Современная система образования не может обойтись без изучения народного, национального, этнического. В этом процессе очень важна роль народной музыки. Реализация народного компонента эффективно осуществляется на занятиях в классе фортепиано.

Ключевые слова: национальная идентичность, этнические качества, музыкальная педагогика, репертуар, патриотическое воспитание.

Проблема идентичности в условиях современности приобретает особую актуальность. Комплексное формирование у детей гражданской, региональной и этнокультурной идентичностей на основе традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей закреплено в нормативно-правовых документах [3, с. 103].

Изучение опыта этнокультурного образования показывает, что во многих регионах большое внимание уделяется созданию и развитию национального культурно-образовательного пространства. Однако сегодня педагогические возможности этнических культур в образовательной деятельности используются недостаточно. Современные педагоги и родители более ориентируются на мировой опыт, чем на национальные культурные достижения, что в конечном итоге тормозит процесс развития национальных культур и может привести к исчезновению этнической специфики населения [1].

Одной из составляющих системы ценностей являются ценности этнические. Специфика

формирования и развития данного феномена основывается на этнической идентичности, а также взаимосвязи субъективных и объективных факторов.

Бромлей Ю. В. пишет: «Этнические ценности — совокупность культурных традиций этноса, которые выделяются самим этносом в качестве наиболее специфичных, маркирующих его историческое и культурное своеобразие черт».

Зинцова А. С. определяет этнические ценности как «совокупность жизненных установок, ориентиров, идеалов, смыслов, культурных традиций, которые сами члены этноса считают наиболее характерными и важными для своего народа и в конечном счете для предназначения человека вообще».

Столяренко Л. Д. указывает, что «этнические ценности обозначаются самим этносом в качестве наиболее специфичных, маркирующих его историческое и культурное своеобразие качеств. Основанием для формирования системы этнических ценностей является исторический

социальный опыт коллективной жизнедеятельности членов этноса».

По мнению А. Ю. Шадже, «существование этнических ценностей объективно, так как следует из объективной реальности этносов».

На основе многолетней истории развития нация постепенно формирует ценностные принципы, ценностные нормы, ценностные идеалы со своими особенностями, что постепенно становится ядром культурных традиций нации. Этнические ценности показывают этнос нации, отличной от других наций.

Система этнических ценностей любого общества представляет собой совокупность социальных ценностей и идеологии, основанную на базовой политической и экономической системе общества. Существование и развитие любого общества требует сильной поддержки определенной системы этнических ценностей. Ядром системы этнических ценностей является система основных ценностей, вокруг которого сконцентрированы ценности, находящиеся в подчиненном положении (этические, политические, экономические, социальные).

Система этнических ценностей является общим требованием к ценностным общественным запросам человека, воплощением идеалов общественных ценностей, к которым человечество в целом и определенная нация в частности стремились на протяжении тысячелетий. Этнические ценности представляют собой внутренний механизм жизни общества, его строй, определяющий модель развития, институциональную систему, цели и задачи общества.

В Китае этнические ценности являются составляющей идеологии. Как известно, идеология — это познание, мышление, убеждения, ценности и этическая система, разделяемые всеми членами социальной группы или этноса. Идеология включает в себя социальную политику, социальную этику и другие виды социального взаимодействия. Как идеология, конфуцианство в своей основе является социальной этикой, хотя оно имеет и политическую идеологическую сторону, поскольку его политическая философия основана на социальной патриархальной этике, которая отличается от западной политической философии, основанной на общественных договорах. Таким образом, конфуцианство и его устои лежат в основе этнических ценностей народа Китая. Социальные ценности, морально-этические концепции являются традиционными конфуцианскими.

Духовная жизнь и духовное мировоззрение нации находят свое отражение в искусстве. Раз-

витие любого национального искусства — это естественно-исторический процесс, и чем дольше нация участвовала в развитии того или иного вида искусства и культуры, тем сильнее традиционный дух национальной культуры отражался на произведениях искусства. Что же касается фортепианного искусства, то, несмотря на его не столь долгую историю развития в Китае, оно представляет собой сформировавшуюся систему, где национальные особенности стали основой творчества и источником достижений.

По сути, колористические и стилевые факторы в фортепианных произведениях китайских композиторов — это дух нации, т. е. стремление к национальной самобытности и национальному колориту путем синтеза национальной культурной истории, современных тенденций и социального процесса, потому что в основе композиторского мышления не только национальный язык, но и национальные понятия, взгляды и чувства, национальное творчество и мышление, а также этнические ценности. Эстетическое сознание каждого народа накапливает свой традиционно-музыкальный колорит и стиль в течение определенных исторических периодов развития, что составляет «культурный ген нации». Неотделимо от национальной эстетической идеологии и фортепианное исполнительство. Китайский народ обладает глубокими национальными культурными традициями, опыт национальной музыки отражен в творчестве китайских композиторов.

На занятиях фортепиано в процессе формирования этнических ценностей важную роль играет репертуар. Произведения, в основе которых лежит национальный фольклор, произведения отечественных композиторов формируют этнические ценности в сознании обучающихся.

Фортепианное наследие китайских композиторов довольно внушительно по объему и представлено разнообразными формами и жанрами. Следует отметить, что китайская композиторская школа основана на национальном интонационном материале. Традиции китайской народной музыки определили черты творчества профессиональной композиторской школы Китая.

Касательно фортепианного творчества китайских композиторов, существует понятие «китайский стиль». Этот термин относится к различным параметрам музыки, отличающим китайскую музыкальную культуру от других композиторских школ и стилей. Прежде всего это опора на вокальный и инструментальный тема-

тизм музыки фольклорной и профессиональной традиции, программность большого количества произведений, принципы ладотонального строения, ритмической организации, звукоизобразительность, звукоподражательность и др.

Включение в репертуар класса фортепиано произведений композиторов национальной школы способствует не только расширению музыкально-художественного кругозора, но и формированию этнических ценностей.

Литература

1. Батарчук Д. С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности в условиях полиэтнической образовательной среды / Д. С. Батарчук // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — № 12. — С. 149—153.
2. Карпушина Л. П. Этнокультурный подход как фактор социализации учащихся в процессе музыкального образования / Л. П. Карпушина // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8798> (дата обращения: 26.02.2023).
3. Кобозева И. С. Национально-ориентированное музыкальное образование: теоретико-методологический аспект / И. С. Кобозева ; под. ред. Е. Г. Осовского. — Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2003. — 181 с.
4. Кречетова Г. А. Этнокультурный компонент музыкального образования как фактор поликультурного развития младшего школьника / Г. А. Кречетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2015. — № 4 (16). — С. 272—281.
5. Мусагитова А. В. Духовно-нравственное воспитание музыкой / А. В. Мусагитова // Теория и практика образования в современном мире : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Т. 1. — СПб. : Реноме, 2012. — С. 202—204.
6. Панькин А. Б. Формирование этнокультурной личности / А. Б. Панькин. — Москва : ООО «Большая медведица» — Элиста, КГУ, 2004. — 272 с.
7. Флиер А. Я. Этнические ценности / А. Я. Флиер // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 1184 с.
8. Формирование у современных детей этнической идентичности / М. Я. Герман, Е. А. Воробьева, Н. В. Колениченко [и др.]. // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы XI Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2018 г.). — Казань : Молодой ученый, 2018. — С. 54—59.
9. Чернышева Н. С. Развитие этнической идентичности школьников / Н. С. Чернышева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2018. — № 7. — С. 103—112.
10. Шадже А. Ю. Этнические ценности как философская проблема / А. Ю. Шадже. — Москва : Российское философское общество ООО «Качество», 2005. — 168 с.

ETHNOCULTURAL ASPECT OF MUSIC PEDAGOGY

Lu Wenzhu

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (St. Petersburg)

lvenchzhu@bk.ru

The article is devoted to the problem of the ethno-cultural aspect in musical pedagogy. The relevance of the study is due to increased attention to the education of patriotism, citizenship in society, including the younger generation. An important role is played by the sphere of culture and art. Ethnic qualities are a structural component of the moral qualities of a person. Music pedagogy has a number of forms, methods and means of developing the ethnic qualities of a person. The basis of this process is national music. The purpose of this article is to study the ethnic aspect of musical pedagogy. Tasks: to study the literature on the topic of the study, to identify the features of the development of ethnic qualities on the example of teaching children to piano performance. The article concludes about the possibilities and significance of the repertoire, which are based on the work of composers of the national school, in the development of ethnic personality traits. Art in general and music in particular is an effective means of developing students' ethnic values. The modern system of education cannot do without the study of folk, national, ethnic. In this process, the role of folk music is very important. The implementation of the folk component is effectively carried out in the piano class.

Key words: national identity, ethnic qualities, musical pedagogy, repertoire, patriotic education.

References

1. Batarchuk, D. S. (2010) Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya polikulturnoy lichnosti v usloviyakh polietnicheskoy obrazovatelnoy sredy [Psychological and pedagogical support for the development of a multicultural personality in a multiethnic educational environment]. Vestnik of the Tomsk State Pedagogical University, (12), p. 149—153.
2. Karpushina, L. P. (2013) Etnokulturnyj podkhod kak factor sotsializatsii uchashchikhsya v protsesse muzykalnogo obrazovaniya [Ethnocultural approach as a factor of students' socialization in the process of musical education] Sovremennye problem nauki i obrazovaniya, (2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8798> (access date: 26.02.2023).
3. Kobozeva, I. S. (2003) Natsionalno-orientirovannoe muzykalnoe obrazovanie: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Nationally oriented musical education: theoretical and methodological aspect]. Saransk: Mordov. state ped. in-t, 181 p.
4. Krechetova, G. A. (2015) Etnokulturnyj component muzykalnogo obrazovaniya kak factor polikulturnogo razvitiya mladshogo shkolnika [Ethnocultural component of music education as a factor in the multicultural development of a younger student]. Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University, 4 (16), p. 272—281.
5. Musagitova, A. V. (2012) Dukhovno-nravstvennoe vospitanie muzykoy [Spiritual and moral education with music]. Theory and practice of education in the modern world: materials of the I Intern. scientific conf. (St. Petersburg, February 2012), vol. 1. St. Petersburg: Renome, p. 202—204.
6. Pankin, A. B. (2004) Formirovanie etnokulturnoy lichnosti [Formation of ethnocultural personality]. Moscow: LLC "Bolshaya Medveditsa" — Elista, KSU, 272 p.
7. Flier, A. Ya. (2007) Etnicheskie tsennosti [Ethnic values]. Culturology. Encyclopedia, in 2 volumes, volume 2. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1184 p.
8. German, M. Ya., Vorobyova, E. A., Kolenichenko, N. V. [i dr.] (2018) Formirovanie u sovremennykh detey etnicheskoy identichnosti [Formation of ethnic identity in modern children]. Topical issues of modern pedagogy: materials of the XI Intern. scientific conf. (Kazan, September 2018). Kazan: Molodoy uchenyj, p. 54—59.
9. Chernysheva, N. S. (2018) Razvitie etnicheskoy identichnosti shkolnikov [Development of ethnic identity of school-children]. Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, (7), p. 103—112.
10. Shadzhe, A. Yu. (2005) Etnicheskie tsennosti kak filosofskaya problema [Ethnic values as a philosophical problem]. Moscow: Russian Philosophical Society LLC "Kachestvo", 168 p.

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

И. А. Архипова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
irsen-da@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ МОДУЛЮ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ОБЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Статья посвящена проблеме оценки уровня сформированности общих компетенций по результатам сдачи квалификационного экзамена по профессиональному модулю. Рассматриваются особенности структуры образовательного процесса в образовательных организациях среднего профессионального образования, в основе которого лежит модульная технология. Каждый профессиональный модуль включает в себя междисциплинарные курсы, учебную и производственную практику, квалификационный экзамен. Формулируются основные характеристики процесса проведения квалификационного экзамена по профессиональному модулю как формы аттестации. Данный экзамен позволяет оценить уровень сформированности не только профессиональных, но и общих компетенций в процессе изучения профессионального модуля. В процессе исследования были выявлены проблемы, связанные с отсутствием единых требований к проведению и оценке квалификационного экзамена по модулю, предложены пути решения. Тема, рассматриваемая в статье, является актуальной в условиях современности, так как система среднего профессионального образования находится в процессе непрерывного реформирования с учетом требований рынка труда, запросов работодателей и государства. Перед колледжами и техникумами ставится задача формирования специалиста, компетентного как в профессиональной, так и в социальной сфере, конкурентоспособного, творческого и мобильного в поиске решения проблем, физически здорового и обладающего качествами гражданина-патриота, обладающего в равной степени высокоразвитыми общими и профессиональными компетенциями.

Ключевые слова: компетенция, стандарт, программы подготовки, профессиональные модули, квалификационный экзамен, аттестация.

Среднее профессиональное образование (далее — СПО) на современном этапе находится в процессе непрерывного реформирования: актуализируются Федеральные государственные стандарты (далее — ФГОС), вносятся изменения в профессиональные основные образовательные программы, изменяется срок обучения, список специальностей и профессий, по которым ведется обучение, появляются новые формы и методы организации учебного процесса и т. д. Все эти реформы направлены на приведение системы СПО в соответствие современным требованиям рынка труда и запросам государства, общества, а также увеличение роли практико-ориентированного подхода к процессу обучения студентов.

ФГОСы СПО строятся по принципу модульной технологии обучения. Каждый модуль направлен на освоение того или иного вида деятельности, их количество, соответственно, за-

висит от указанных видов деятельности во ФГОС. В актуализированных ФГОС виды деятельности соотносятся также с профессиональными стандартами по профессии или специальности.

Формой аттестации по профессиональному модулю является квалификационный экзамен. Данный экзамен проводится после освоения студентами всех междисциплинарных курсов, входящих в модуль, а также после прохождения учебной и производственной практики, предусмотренных модулем. Квалификационный экзамен по модулю проводится в обязательном присутствии в комиссии представителя работодателя из соответствующей сферы деятельности или производства и демонстрирует уровень готовности студентов к определенному виду практической деятельности.

Образовательный процесс СПО построен на принципах компетентного подхода. Каждый

модуль предусматривает формирование общих и профессиональных компетенций. Перечень и содержание профессиональных компетенций зависят от вида деятельности, который осваивается данным модулем, и указан во ФГОС. Касаясь общих компетенций, их обозначение во ФГОС различно, что является актуальной проблемой документационного обеспечения современного образовательного процесса колледжей и техникумов.

Проблема состоит в том, что не все ФГОСы по программам СПО актуализированы. В прежних стандартах четко указано, какие из перечня общих компетенций формируются в том или ином профессиональном модуле. В новых актуализированных ФГОС такой раздел отсутствует, перечень формируемых общих компетенций указан лишь в примерной основной образовательной программе. Но данные программы разработаны Министерством просвещения не для всех специальностей и профессий, поэтому при их отсутствии преподаватели включают в рабочие программы формируемые общие компетенции самостоятельно, на свое усмотрение.

Во ФГОС, которые еще не обновлялись, сформулировано 9 общих компетенций. В обновленных ФГОС компетенций уже 11, причем компетенция 11 была добавлена Приказом Минпросвещения России от 17.12.2020 № 747, этим же приказом компетенции 6 и 10 были отредактированы, но только для небольшой части специальностей и профессий [1]. Таким образом, можно увидеть, что процесс формирования общих компетенций студентов среднего профессионального образования теоретически и практически не может проходить равномерно и равнозначно из-за отсутствия системы и единого законодательства.

Все 11 общих компетенций (мы возьмем за основу анализа формулировки общих компетенций обновленных ФГОС с учетом изменений, внесенных Приказом Минпросвещения России от 17.12.2020 № 747) можно разделить на группы.

Первая группа относится к мыслительным процессам, связана с интеллектом. К этой группе можно отнести ОК 01 (Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности, применительно к различным контекстам), ОК 02 (Осуществлять поиск, анализ и интерпретацию информации, необходимой для выполнения задач профессиональной деятельности). Вторая группа представлена компетенциями, связанными с коммуникацией и межличностным общением: ОК 04 (Работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами,

руководством, клиентами), ОК 05 (Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста). На профессиональное развитие, построение карьеры направлены ОК 03 (Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие), ОК 09 (Использовать информационные технологии в профессиональной деятельности), ОК 10 (Пользоваться профессиональной документацией на государственном и иностранном языках). Одна из компетенций посвящена формированию позиции по ответственному отношению к здоровью и здоровому образу жизни — ОК 08 (Использовать средства физической культуры для сохранения и укрепления здоровья в процессе профессиональной деятельности и поддержания необходимого уровня физической подготовленности). Компетенции 6 и 7 нацелены на воспитание у студентов правильной гражданской позиции и морально-нравственных ценностей (ОК 06. Проявлять гражданско-патриотическую позицию, демонстрировать осознанное поведение на основе традиционных общечеловеческих ценностей, применять стандарты антикоррупционного поведения; ОК 07. Содействовать сохранению окружающей среды, ресурсосбережению, эффективно действовать в чрезвычайных ситуациях).

И последняя из компетенций, которая была добавлена в часть ФГОСов в 2020 году, касается проблемы финансовой грамотности и сферы предпринимательства, связанного с эффективным поведением выпускников на рынке труда (ОК 11. Использовать знания по финансовой грамотности, планировать предпринимательскую деятельность в профессиональной сфере) [4].

Фактически все общие компетенции (за исключением ОК 06 и ОК 08) связаны так или иначе с профессиональной деятельностью будущих выпускников колледжей и техникумов, направлены на эффективную организацию осваиваемых ими видов деятельности.

Комплект оценочных средств для проведения квалификационного экзамена разрабатывается преподавателем, осуществляющим обучение по данному модулю. На практике, к сожалению, задания экзамена не всегда предусматривают проверку и оценку общих компетенций. Это является актуальной проблемой организации данной формы аттестации. Между тем любой профессиональный модуль предусматривает формирование и возможность оценки практически всех общих компетенций.

Данная проблема требует системного решения не только в рамках конкретной образовательной организации, но и на уровне всей системы СПО. Необходима разработка единых фондов оценочных средств для оценки уровня сформированности общих и профессиональных компетенций в рамках проведения квалификационного экзамена, наличие утвержденных профессиональных основных образовательных программ по всем специальностям и профессиям, единых требований к уровню подготовки обучающихся по всей стране.

Также следует отметить необходимость более четких и системных требований к степени участия работодателя в разработке содержания образовательных программ по соответствующим профессиям и специальностям, фондов оценочных средств. В настоящее время данное требование ФГОС выполняется зачастую формально.

Обратим внимание, что некоторые общие компетенции (например, ОК 01 (Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности, применительно к различным контекстам), ОК 04 (Работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами), ОК 05 (Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста), ОК 03 (Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие), ОК 09 (Использовать информационные технологии в профессиональной деятельности), ОК 10 (Пользоваться профессиональной документацией на государственном и иностранном языках), ОК 07 (Содействовать сохранению окружающей среды, ресурсосбережению, эф-

фективно действовать в чрезвычайных ситуациях) формируются наиболее эффективно в условиях реального производства. Современные формы организации учебного процесса («Профессионалитет», дуальные технологии, производственная практика) способствуют реализации данного положения.

Из вышесказанного следует, что и квалификационный экзамен должен проходить в условиях реального производства, так как важным аспектом является не только наличие необходимого оборудования и рабочего места, но и необходимость взаимодействия с рабочим коллективом и адаптация к процессу функционирования предприятия. На практике по ряду причин квалификационный экзамен организуется в мастерских, лабораториях, учебных кабинетах колледжа или техникума, что не позволяет качественно оценить не только общие, но и профессиональные компетенции.

Таким образом, квалификационный экзамен является формой аттестации по профессиональному модулю, проведение которого предусмотрено ФГОС СПО. Квалификационный экзамен позволяет оценить уровень сформированности не только профессиональных, но и общих компетенций, формируемых в процессе изучения междисциплинарных курсов и практик профессионального модуля. В настоящее время существует ряд проблем и противоречий, связанных с проведением квалификационного экзамена, решение которых должно быть направлено на систематизацию нормативно-правовой и учебно-методической документации, а также создание единых требований и содержания, относящихся к организации и проведению квалификационного экзамена.

Литература

1. Приказ Минпросвещения России от 17.12.2020 № 747. — URL: http://chrio.cap.ru/Content2021/orgs/GovId_121/prikaz_747_ot_17.12.2020_o_vnesenii_izm_v_fgos_spo.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
2. Бейсенбаева Б. С. Современные подходы к формированию компетенций студентов для обучения будущего специалиста / Б. С. Бейсенбаева, К. А. Сырлыбаева, Г. С. Бишаева, Н. Н. Медетбекова // Молодой ученый. — 2017. — № 13. — С. 517—519.
3. Кочнева Е. Н. Профессиональные модули: формирование структуры и содержания. / Е. Н. Кочнева // Профессиональное образование и рынок труда. — 2014. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-moduli-formirovanie-struktury-i-soderzhaniya/viewer> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Реестр примерных основных образовательных программ СПО. — URL: <https://reestrspo.firpo.ru/dashboard> (дата обращения: 15.02.2023).
5. Шомин И. И. Инновационная форма проведения квалификационного экзамена с использованием стандартов WorldSkills / И. И. Шомин // Профессиональное образование и рынок труда. — 2018. — № 1. — С. 61—67.

QUALIFICATION EXAMINATION IN A PROFESSIONAL MODULE AS A MEANS OF ASSESSING THE LEVEL OF FORMATION OF GENERAL COMPETENCIES

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

I. A. Arkhipova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
irsen-da@mail.ru

The article is devoted to the problem of assessing the level of formation of general competencies based on the results of passing a qualification exam in a professional module. The article reveals the features of the structure of the educational process in educational institutions of secondary vocational education, which is based on modular technology. Each professional module includes interdisciplinary courses, educational and work practice, and a qualifying exam. The authors formulate the main characteristics of the process of conducting a qualification exam in a professional module as a form of attestation. This exam allows assessing the level of formation of not only professional, but also general competencies in the process of studying a professional module. In the course of the study, problems were identified related to the lack of uniform requirements for conducting and evaluating the module qualification exam, and solutions were proposed. The topic considered in this article is relevant in modern conditions, since the system of secondary vocational education is in the process of continuous reform, taking into account the requirements of the labor market, the demands of employers and the state. Colleges and technical schools are faced with the task of forming a specialist who is competent both in the professional and social spheres, who is competitive in the tough conditions of the labor market, who is creative and mobile in finding solutions to problems, who is physically healthy and has the qualities of a patriotic citizen, who has equally highly developed general and professional competencies.

Key words: competence, standard, training programs, professional modules, qualification exam, attestation.

References

1. Prikaz Minprosvescheniya Rossii ot 17.12.2020 № 747 [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated December 17, 2020 N 747]. URL: http://chrio.cap.ru/Content2021/orgs/GovId_121/prikaz_747_ot_17.12.2020_o_vnesenii_izm_v_fgos_spo.pdf (access date: 20.02.2023).
2. Beysenbaeva, B. S., Syrlybaeva, K. A., Bishaeva, G. S., Medetbekova, N. N. (2017) *Sovremennye podkhody k formirovaniyu kompetentsiy studentov dlya obucheniya buduschego spetsialista* [Modern approaches to the formation of students' competencies for training a future specialist]. *Molodoy uchenyj*, (13), p. 517–519.
3. Kochneva, E. N. (2014) *Professionalnye moduli: formirovanie struktury i sodержaniya* [Professional modules: formation of structure and content]. *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda*, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-moduli-formirovanie-struktury-i-soderzhaniya/viewer> (access date: 22.02.2023).
4. *Reestr primernykh obrazovatelnykh programm SPO* [Register of exemplary basic educational programs of secondary vocational education]. URL: <https://reestrspo.firpo.ru/dashboard> (access date: 15.02.2023).
5. Shomin, I. I. (2018) *Innovatsionnaya forma provedeniya kvalifikatsionnogo ekzamena s ispolzovaniem standartov WordSkills* [An innovative form of conducting a qualification exam using WorldSkills standards]. *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda*, (1), p. 61–67.

И. В. Михайлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
44kd11@gmail.com

Л. И. Игсанова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
igsanova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОКОЛЕНИЯ Y И Z

В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностных ориентаций представителей двух поколений — Y и Z. В качестве гипотезы выступило предположение, что ценности у представителей разных поколений отличаются. Для проверки гипотезы, помимо общетеоретических методов в исследовании, использовалась методика Ш. Шварца, полученные результаты обрабатывались при помощи статистического критерия Манна-Уитни и ранговой корреляции Спирмена.

Было установлено, что у поколения Y ведущие ценности — это достижение, гедонизм и безопасность — им важно достичь результата, а вследствие этого и социального одобрения. Ведущие ценности поколения Z — это гедонизм, самостоятельность, достижение — им важно чувствовать себя в безопасности, нуждаться в новых ощущениях от жизни и ощущать власть.

Для поколения Y взаимосвязанными являются ценности достижения и универсализма, безопасности и конформности; для поколения Z — ценности власти и достижения, самостоятельности и гедонизма, самостоятельности и универсализма, самостоятельности и доброты, универсализма и доброты.

Полученные результаты могут быть использованы в рамках психологического консультирования и семейной консультативной работе, при проведении маркетинговых исследований, а также в психологии массовых коммуникаций.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, поколение Y, поколение Z, молодежь.

ВВЕДЕНИЕ

Ценности человека являются его главным ориентиром в жизни, именно они задают всю деятельность и проявляются во всех сферах жизнедеятельности. Обычно ценностные ориентации имеют одну направленность у людей одного возраста. Таких людей можно назвать одним словом — поколение. Это связано с тем, что во время становления их личности происходило много разнообразных явлений во внешней жизни человека: политические, культурные, социальные, экономические. Последствия этих событий очень ярко отражаются именно на детях и людях подросткового возраста и со временем могут либо отражаться на взрослом человеке, либо перестать иметь какую-либо ценность. В России психологи до недавнего времени почти не проводили исследования поколений, это делали маркетологи, чтобы выявить наиболее популярные сферы потребления поколения. По-

этому перед наукой стоит задача изучения поколений именно с психологической точки зрения, а также определения, какие ценности могут быть присуще определенному поколению людей для более глубокой психологической проработки их трудностей и жизненных проблем.

ТЕОРИЯ

«Теория поколений» была разработана в 1991 году Н. Хоувом и В. Штраусом для описания повторяющихся циклов в истории США [8]. Однако при дальнейшем исследовании поколений в других государствах ученые вывели однородные закономерности (преимущественно в развитых странах), что свидетельствует об универсальности данной теории.

Данная концепция говорит о цикле, состоящем из четырех периодов, повторяющихся поколений и повторяющихся моделей поведения в истории США. Н. Хоув и В. Штраус,

опираясь на историю США, пришли к выводу, что ценности разных поколений сильно разнятся [2]. Это связано с тем, что на формирование личности влияет не только воспитание внутри семьи, но и внешние факторы: политические, социальные или экономические, происходящие в период развития личности в конкретных условиях. Все это закладывает психические основы и взгляды на жизнь в целом в период 12–14 лет.

Всего авторы выделили 6 поколений: поколение GI, молчаливое поколение, поколение Беби-бумеров, поколение X, поколение Y, поколение Z. Мы кратко рассмотрим их на примере статьи «Теория поколений: мы разные или одинаковые?» Н. А. Зайцевой [3]:

- Поколение GI (Поколение победителей) — годы рождения 1900–1923;
- Молчаливое поколение — годы рождения 1923–1943;
- Беби-бумеры — годы рождения 1943–1963;
- Поколение X — годы рождения 1963–1982;
- Поколение Y (Миллениум) — годы рождения 1983–2000;
- Поколение Z (Альфа) — годы рождения 2000–2023.

Остановимся подробнее на интересующих нас поколениях — Y и Z.

Поколение Y родилось, когда в мире начал распространяться Интернет и компьютерная техника. Сейчас эта сфера является очень развитой, глобальной и развивается дальше. Как и ожидалось, «игреки» стали первопроходцами в мире Интернета и повлияли на него огромным образом, а он, соответственно, на них. Е. А. Зверева и В. А. Хворова в своей статье «Поколения Y и Z: особенности медиапотребления» говорят, что это проявляется в очень хороших навыках владения современными технологиями, высокой скорости фильтрации информации и ее потребления, многозадачности, замкнутости на своих интересах [4]. К. В. Султанов и А. А. Воскресенский [9] в своей работе «Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России» пишут о следующих особенностях данного поколения: жизнь «здесь и сейчас», активное использование социальных сетей для общения, работы, близость с семьей, нематериальные ценности, гибкая профессиональная мобильность.

Переходя к специфике поколения Z, хотелось бы отметить, что это поколение еще совсем молодое и их психологические особенности не устоялись. Они также выросли на Интер-

нете, но уже не создавали его, а используют готовое, трансформируя его под себя. Психолог В. В. Андран [1] в статье «Молодежь. Поколение Z. Продолжение» говорит о следующих отличиях данного поколения: желание выделиться преимущественно посредством социальных сетей, практичность, высокая мобильность и многозадачность, индивидуализм, самообразование (особенно в дистанционном формате), экономичность.

Кулакова А. Б. в научной статье «Поколение Z: теоретический аспект» [6] считает, что глобальные изменения в информационной сфере привели к изменению нервной системы. Информация проходит слишком быстро, не успевает фильтроваться, неся за собой повышенную возбудимость и гиперактивность. Также она выделила ряд других особенностей: быстрая обучаемость, клиповое мышление, дружеские родительские отношения, жизнь здесь и сейчас, индивидуальность.

Теория поколений возникла при изучении ценностей и их проблематики у субъектов разных поколений. М. Рокич [5] утверждал, что ценность — это вариация стойкого убеждения, что некая установка или способ существования предпочтительнее, чем иной. Он различает два класса ценностей — терминальные и инструментальные. Терминальные ценности — убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например, счастливая семейная жизнь, мир во всем мире) с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности — как убеждения в том, что какой-то образ действий (например, честность, рационализм) является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях.

Шварц Ш. [10] считал, что ценность — это «познанные» потребности, конкретно зависящие от культуры, среды, менталитета определенного общества. Он делил все ценности на социальные и индивидуальные. Он также считал, что 10 основных ценностей должны соотноситься в определенным образом (см. рисунок 1).

В статье В. С. Магун, М. Г. Руднева [7] ценности описываются как убеждения человека в значимости, собственно, для него определенного объекта или явления. Иными словами, ценность — синоним равнодушия человека к тому или иному аспекту действительности; она обычно осознается и переживается в двух случаях — либо в ситуации, когда важный для сохранения и развития индивида объект отсутствует, либо в ситуации, когда человек располагает тем, что

необходимо, но это обладание не воспринимается им как стабильное, раз и навсегда данное. В широком плане ценность — это важность, значимость, польза чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления. Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъек-

тивными оценками определенных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, индивид в них заинтересован или испытывает потребность. Система ценностей играет роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности человека, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям [11].

Рис. 1. Модель соотношения десяти основных человеческих ценностей (круг ценностей Шварца)

В статье В. С. Магун, М. Г. Руднева [7] ценности описываются как убеждения человека в значимости, собственно, для него определенного объекта или явления. Иными словами, ценность — синоним неравнодушия человека к тому или иному аспекту действительности; она обычно осознается и переживается в двух случаях — либо в ситуации, когда важный для сохранения и развития индивида объект отсутствует, либо в ситуации, когда человек располагает тем, что необходимо, но это обладание не воспринимается им как стабильное, раз и навсегда данное. В широком плане ценность — это важность, значимость, польза чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления.

Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъективными оценками определенных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, индивид в них заинтересован или испытывает потребность. Система ценностей играет роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности человека, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям [11].

МЕТОДЫ

Целью нашего исследования являлось изучение ценностных ориентаций представителей

двух поколений — Y и Z. В качестве гипотезы выступило предположение, что ценности у представителей разных поколений отличаются. Для проверки гипотезы, помимо общетеоретических методов в исследовании, использовалась методика Ш. Шварца (Ценностный опросник); полученные результаты обрабатывались при помощи статистического критерия Манна-Уитни и ранговой корреляции Спирмена. Эмпирическую выборку исследования составили 40 чело-

век (21 мужчин и 19 женщин), среди которых 20 представителей поколения Y и 20 представителей поколения Z.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для выявления ценностей представителей двух поколений было проведено эмпирическое исследование при помощи методики ценностных ориентаций Шварца (результаты представлены в таблице 1).

Таблица 1

Методика на выявление ценностей у поколений Y и Z при помощи критерия Манна-Уитни

	Группа 1 (Y)	Группа 2 (Z)	U-критерий Манна-Уитни	Среднестатистическая значимость
Власть	72,9	73,6	189	0,776
Достижение	79,1	78,9	188	0,774
Самостоятельность	76	83,6	89,5	0,003*
Гедонизм	76,4	85	89	0,003*
Стимуляция	61,6	74,1	91,5	0,003*
Доброта	75,3	68	104,5	0,010*
Универсализм	72,3	72,5	194,5	0,882
Безопасность	76,2	75,3	191	0,807
Традиция	47,4	35,3	91,5	0,003*
Конформность	70,5	63,1	97	0,005*

Примечание: * — различия значимы при $p \leq 0,05$.

По критерию Манна-Уитни значимые различия в ценностях у разных поколений выявлены по шкалам самостоятельность, гедонизм, стимуляция, доброта, традиция, конформность. Это значит, что самостоятельность (83,6), гедонизм (85) и стимуляция (74,1) являются важными ценностями для поколения Z. Для поколения Y значимые ценности — это доброта (47,4) и конформность (70,5). Гедонизм имеет высокое значение для каждого поколения, что может означать возрастание возможности удовлетворения своих потребностей и жизнь в комфорте. Значение ценности «традиция» постепенно падает, и это можно объяснить пересмотром нового поколения существующих ценностей, которые, по их субъективному мнению, уже не актуальны.

У поколения Y ведущие ценности — это достижение, гедонизм и безопасность. Им важно достичь результата, а вследствие этого и социального одобрения. Представители данного поколения хотят наслаждаться благами жизни и чувствовать себя комфортно и безопасно. Быть самостоятельным для них тоже важно, как и

быть добрым, но и иметь власть. Реже они выбирают универсализм, комфортность, стимуляцию и традиции. Стимуляция слабо выражена у поколения Y, что может означать слабое стремление к новизне и глубоким переживаниям. Доброта больше выражена у поколения Y (это может быть результатом более близкого общения с людьми), а также связь с прошлым поколением. Ценность конформность выше у поколения Y, его представители более склонны к приятию общепринятых решений, а также существующих форм сдерживать эмоции. Им важно быть успешными и получать одобрение, удовольствие от жизни, не боясь за ее безопасность. Вероятно, большая роль безопасности зависит от нестабильной ситуации в период развития «игреков», гедонизм может быть следствием предоставления большого разнообразия разного товара и услуг, а большое желание достичь чего-то — стремлением к самостоятельности и ответственности.

Ведущие ценности поколения Z — это гедонизм, самостоятельность, достижение. Им также важно чувствовать себя в безопасности,

нуждаться в новых ощущениях от жизни и ощущать власть. Универсализм, доброта, конформизм и традиции не имеют сильной популярности. Тенденция к росту гедонизма заметна и обуславливается еще большими возможностями получения удовольствия из разных источников. Стремление к самостоятельности и достижениям может быть результатом подростковой незрелости и у поколения Z выражено сильнее из-за желания побольше узнать мир. Самостоятельность больше присуща поколению Z из-за отличающихся форм обучения и воспитания (переход на домашнее обучение, быстрое овладение новыми технологиями). У поколения Z эта ценность ниже, потому что они более свободны в выражении своих эмоций и почти не боятся быть более грубыми. Однако нельзя отрицать общее развитие общества и увеличение внимания самостоятельному развитию ребенка и росту индивидуальности.

Корреляционный анализ показал, что для поколения Y взаимосвязанными являются следующие ценности: достижение и универсализм (0,557), безопасность и конформность (0,547). Связь между ценностями достижения и универсализма может быть обусловлена желанием достичь какой-либо общественной цели, которая будет использована во благо общества. Безопасность и конформность предполагает сдерживание негативных эмоций ради безопасности окружающих. Они действуют, согласно социальным установкам для поддержания гармонии и стабильности в обществе. Это поколение очень ценит общество и групповую сплоченность.

У поколения Z ценности отличаются и выделяются пятью взаимосвязями: власть и до-

стижение (0,468), самостоятельность и гедонизм (0,580), самостоятельность и универсализм (0,631), самостоятельность и доброта (0,504), универсализм и доброта (0,502).

Связь власти и достижения свидетельствует о желании получить социальное одобрение, статус в обществе, позволяющий контролировать других за счет какого-либо достижения. Это сочетание демонстрирует большие амбиции данного поколения. Отношение самостоятельности и гедонизма может говорить о независимости в выборе источников наслаждения. Представители этого поколения сами выбирают, что им нравится, а что нет. Самостоятельность и универсализм подразумевает желание быть в обществе, которое свободно от чужого мнения и ценит свободу. Преобладают такие аспекты, как толерантность, уважение, защита. Самостоятельность и доброта может свидетельствовать о потребности в благополучии близких людей для человека, уважении их интересов, взглядов, принятии их выбора, важности независимости. Связь между универсализмом и добротой говорит о том, что это поколение хочет процветания как всему обществу, так и близким людям. Представители поколения Z хотят обеспечить общество защитой, любовью, пониманием и уважением. Таким образом, можно сказать, что ведущие ценности для поколения Z — это самостоятельность, а также поддержание «мира во всем мире», уважение и независимость каждого человека в отдельности. Поколение Y тоже стремится к этому, но у них больше преобладает характер групповой сплоченности.

Обобщенные результаты исследования приведены на рисунке 2.

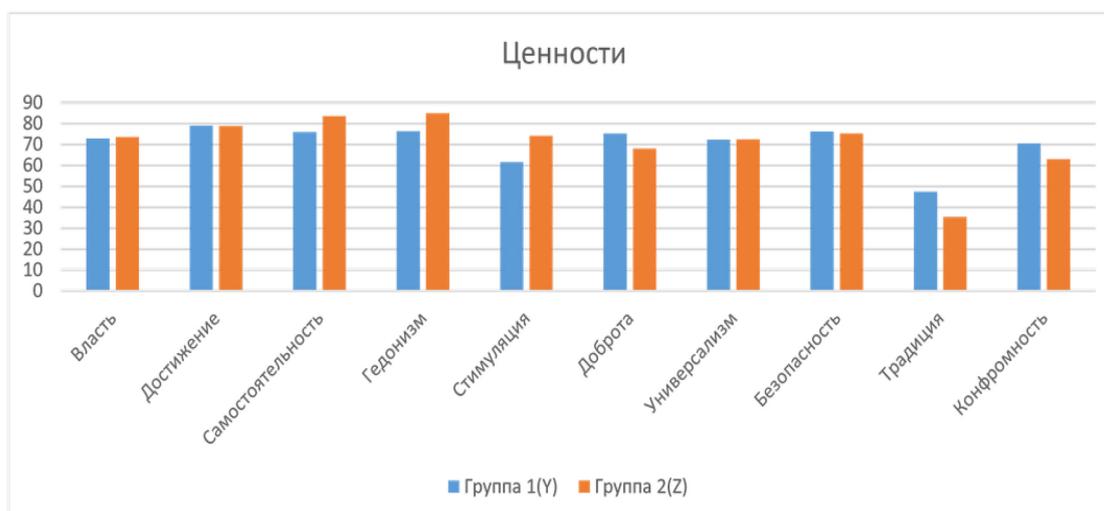

Рисунок 2. Выраженность ценностных ориентаций поколений Y и Z

ВЫВОДЫ

Ключевые ценности двух поколений — благополучие общества, достижение целей. У поколения Y больше ценится групповое сплочение, у Z — как общество в целом, так и конкретная ячейка общества. Также поколению Z очень важна независимость и свобода. Они хотят жить в свободном обществе, где все стремятся к самореализации и поддержанию гармонии. «Игреки» же просто хотят стабильности общества, найти себя в группе людей и отстраниться от негативных ситуаций. Мы видим общую ценность — сохранение и поддержание мира.

Поколение Y кажется более инфантильным, конформными, но это для того, чтобы поддерживать стабильность общества. Люди этого поколения также стремятся к индивидуальности, самореализации и к достижениям, связанным с общественными благами.

Для поколения Z важную роль играет свобода мыслей и слова, общественность в целом, открытость. Они предпочитают доверять знакомым людям, прежде чем совершить действие. Им также свойственны рискованность, практичность, экономичность и стремление к получению собственного удовольствия.

Мы видим, что идеи об идеальном обществе преобладают у поколения Z. Это реально осуществить, особенно имея большие амбиции. Но этому поколению, как и поколению Y, нужно научиться брать больше ответственности на себя и не игнорировать проблемы.

Данная работа может быть применена при работе с детьми, консультировании, приеме на работу. Работа может быть полезна для составления на будущее плана обучения и воспитания детей.

Литература

- Андаран В. В. Молодежь. Поколение Z. Продолжение / В. В. Андаран // Сайт психологов — b17. — 2019. — URL: <https://www.b17.ru/article/146153> (дата обращения: 25.05.2021).
- Афони́на Н. Теория поколений: Нейл Хоув и Ульям Штраус / Н. Афони́на // Автор 24. — 2022. — URL: https://spravochnik.ru/pedagogika/teoriya_pokoleniy_neyl_houv_i_uilyam_shtraus (дата обращения: 28.11.2022).
- Зайцева Н. А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? / Н. А. Зайцева // КиберЛенинка. — 2015. — 16 с. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakovye> (дата обращения: 28.11.2022).
- Зверева Е. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления / Е. А. Зверева, В. А. Хворова // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2020. — 10 с. — URL: <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/13bae4331a2ae62182094b99ce362340.pdf> (дата обращения: 24.05.2021).
- Исследование ценностных ориентаций М. Рокича // Психологический журнал. — 2015. — URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyhorientaciy-mrokicha.html> (дата обращения: 19.05.2021).
- Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект / А. Б. Кулакова // КиберЛенинка. — 2018. — 10 с. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 25.04.2021).
- Магун В. С. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf.
- Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // КиберЛенинка. — 2015. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 27.11.2022).
- Султанов К. В. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России / К. В. Султанов, А. А. Воскресенский // Readera. — 2015. — URL: <https://readera.org/140225655> (дата обращения: 24.05.2021).
- Ценностный опросник Шварца // HR-Portal. — 2016. — URL: <https://hr-portal.ru/tool/cennostnyy-oprosnik-shvarca> (дата обращения: 19.05.2021).
- Ценность // Википедия. — 2006. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ценность#:~:text=Цѐнность%20-%20важность%2C%20значимость%2C%20польза%2C,структуры%20объект а%20самого%20по%20себе> (дата обращения: 19.05.2021).

FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF GENERATIONS Y AND Z

I. V. MikhailovaUlyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
44kd11@gmail.com**L. I. Igsanova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
igsanovali@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of the value orientations of representatives of two generations — generations Y and Z. As a hypothesis, the authors assume that the values of representatives of different generations are different. To prove the hypothesis, in addition to general theoretical methods in the study, the method of S. Schwartz was used, the results were processed using the Mann-Whitney statistical test and Spearman's rank correlation.

The article revealed that for generation Y, the leading values are achievement, hedonism and security. It is important for them to achieve results and social approval. The leading values of generation Z are hedonism, independence, achievement. It is important for them to feel safe, need new life sensations and feel power.

For Y generation people, the values of achievement and universalism, security and conformity are interconnected. For generation Z, the values of power and achievement, independence and hedonism, independence and universalism, independence and kindness, universalism and kindness are interconnected.

The results obtained can be used in the framework of psychological counseling and family counseling, when conducting marketing research, as well as in the psychology of mass communications.

Key words: values, value orientations, generation Y, generation Z, young people.

References

1. Andara, V. V. (2019) Molodezh. Pokolinie Z. Prodolzhenie [Young people. Generation Z. Continuation]. URL: <https://www.b17.ru/article/146153> (access date: 25.05.2021).
2. Afonina, N. (2022) Teoriya pokoleniy: Neil Xouv i Uilyam Shtraus [Theory of generations: Neil Howe and William Strauss]. URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/teoriya_pokoleniy_neyl_houv_i_uilyam_shtraus (access date: 28.11.2022).
3. Zaytseva, N. A. (2015) Teoriya pokoleniy: my raznye ili odinakovye? [Theory of generations: are we different or the same?]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakovye> (access date: 28.11.2022).
4. Zvereva, E. A., Khvorova, V. A. (2020) Pokoleniya Y i Z: osobennosti mediapotrebleniya [Generations Y and Z: features of media consumption]. Vestnik of Novosibirsk State University. URL: <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/13bae4331a2ae62182094b99ce362340.pdf> (access date: 24.05.2021).
5. Issledovanie tsennostnykh orientatsiy M. Rokicha [The study of M. Rokich's value orientations]. Psychological Journal, 2015. URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyhorientaciyrokicha.html> (access date: 19.05.2021).
6. Kulakova, A. B. (2018) Pokolenie Z: teoreticheskiy aspekt [Generation Z: theoretical aspect]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt/viewer> (access date: 25.04.2021).
7. Magun, V. S., Rudnev, M. G. Bazovye tsennosti rossiyan v evropeyskom kontekste [The basic values of Russians in the European context (Article one)]. Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf.
8. Ozhiganova, E. M. (2015) Teoriya pokoleniy N. Khouva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya [Theory of generations by N. Howe and V. Strauss. Practical application possibilities]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (access date: 27.11.2022).
9. Sultanov, K. V., Voskresensky, A. A. (2015) Osobennosti i problemy pokoleniya Y v obrazovatelnom prostranstve sovremennoy Rossii [Features and problems of generation Y in the educational space of modern Russia]. URL: <https://readera.org/140225655> (access date: 24.05.2021).
10. Tsennostnyj oprosnik Shvartsa [Schwartz's Value Questionnaire]. HR-Portal [website], 2016. URL: <https://hr-portal.ru/tool/cennostnyy-oprosnik-shvarca> (access date: 19.05.2021).
11. Tsennost [Value]. Wikipedia [website]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ценность#:~:text=Value%20-%20value%2C%20value%2C%20pol%2C,structure%20objecta%20sam%20to%20sebe> (access date: 05.19.2021).

А. С. Седунова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
asedunova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОРТРЕТА СТУДЕНТА

В статье рассматриваются современные подходы к оценке и изучению психологических параметров индивидуальной образовательной траектории студента в образовательном процессе высшей школы. Предлагается группа параметров мониторинга индивидуальной образовательной траектории студента с целью апробации модели профессионального пространства выбора индивидуальной образовательной траектории вуза. Приведены результаты эмпирического исследования параметров компетентностного портрета студента в Ульяновском государственном университете. Перспективами дальнейшего исследования является развитие рефлексивно-целевого компонента образовательной деятельности за счет формирования субъектной позиции студента по отношению к своей образовательной траектории, развития компетенций, связанных с совместной групповой и исследовательской деятельностью, развития профессионального мировоззрения, получения профессиональных знаний и навыков.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория, личностно-профессиональное развитие, проектирование карьеры.

В современной образовательной практике всё чаще психологи и педагоги обращаются к оценке динамики и направлений индивидуальной траектории (или «маршрута») развития студента. Понятие «индивидуальная траектория обучения» определяется как личностно значимый вектор изучения образовательной программы, в то время как «индивидуальная траектория профессионального развития студента» есть путь саморазвития и самосовершенствования личности, в том числе и в будущей профессиональной деятельности, который реализуется посредством моделирования профессиональной среды, оказания помощи в личностном профессиональном росте, исходя из проявления индивидуальных качеств [1]. В этом плане аббревиатура ИОТ (индивидуальная образовательная траектория) всё чаще встречается в публикациях, посвященных как проблемам развития образования, так и современным технологиям личностно-профессионального сопровождения, поскольку сама модель реализации ИОТ предполагает актуализацию потенциала личности, её мотивационного поля.

Очевидные преимущества данного подхода связаны с тремя аргументами:

1) ИОТ позволяет актуализировать профессиональную мобильность, оптимизировать

«встраивание» выпускников в постоянно изменяющиеся требования рынка труда;

2) ИОТ позволяет создать мотивацию движения между образовательными дисциплинами — будучи обоснованной не только целями, но и индивидуальными предпочтениями участников обучения; ИОТ позволяет «переформатировать» сам подход к выбору содержания образования, поскольку выбор осуществляется более осознанно и самостоятельно;

3) ИОТ — механизм, калибрующий возможности специалиста от среднестатистического до уникального, когда каждый выпускник обладает собственным набором междисциплинарных знаний и технологий, готов к решению межотраслевых задач в теории и на практике. Кроме того, содержание компетенций, о которых чаще всего идет речь, касается прежде всего «надпрофессиональных» навыков. Часто используется термин “Softskills”, или «гибкие навыки», в перечень которых наряду с коммуникативными и интеллектуальными включаются толерантность к неопределенности и желание работать в команде. Пожалуй, примером может послужить «набор» компетенций, который получил название «4К-навыки»: креативность, коммуникативность, кооперативность, критичность.

Какова психологическая составляющая многочисленных программ к конструированию и развитию ИОТ? Прежде всего, это необходимость понимания роли предложенных мероприятий в формировании заявленных личностно-профессиональных качеств студента. Поскольку научное исследование индивидуальной образовательной траектории априори представляется многомерной и вероятностной моделью, необходим мониторинг её параметров, в том числе в субъективной сфере, т. е. касающейся собственно личности и профессионально-важных её характеристик. Построению модели способствуют современные способы анализа цифрового следа, позволяющего обобщить активность студента в учебной и внеучебной активности. Но этих замеров недостаточно, поскольку мы остаемся на уровне предположений о причинах и субъективно-значимых результатах этих активностей. Например, С. В. Ихсанова и В. В. Комаков ещё в 2012 году разрабатывали прогностическую модель карьерных достижений с применением регрессионного анализа к массиву предварительно полученных диагностических данных [4]. Результаты их статистического исследования показали не только научную возможность обоснования связи конкретных компетенций с достигнутым уровнем профессионального мастерства, но и механизм создания рекомендаций для каждого студента на основе карьерного мониторинга. Ещё один пример — исследование 2016 года, в котором было выделено и затем обосновано три типа образовательных траекторий: «когнитивная», «социальная» и «профессиональная» (Ж. В. Горькая, Е. М. Савицкая) [2]. Также были получены сравнительные характеристики для студентов с различным типом ИОТ. В частности, студенты, относящиеся к «социально-ориентированной» образовательной траектории, характеризуются максимальным значением индекса удовлетворенности учебным процессом. Пожалуй, из научных исследований наибольший интерес представляют те, которые опираются на современные реалии. Например, в диссертации Л. Н. Степанова (2022) опирается на прогностическую модель Л. А. Регуш и затем выстраивает собственную акмеологическую технологию прогнозирования индивидуальной профессионально-ориентированной траектории развития личности студентов [6].

Необходимо подчеркнуть, что все современные подходы носят дискуссионный характер. Прежде всего обсуждаются два ключевых вопроса:

- Какие именно качества наиболее актуальны для студентов и молодых выпускников,

чтобы они, с одной стороны, находили отклик у студентов, а с другой — соответствовали ожиданиям работодателей и потребностям рынка труда. Здесь отмечаются значительные расхождения в результатах опросов, проводимых среди работодателей, представителей университетов и студентов [3]. Поэтому чисто эмпирический подход необходим, но не достаточен. Опираясь на наработки психологии труда, методы оценки профессиональной пригодности, акмеологии необходимо опираться на методологические принципы, которые позволят обобщить и структурировать систему оценки.

— Рассматриваются подходы разных авторов к определению универсальных качеств, определяющих профессиональную успешность. Часто к ним относят softskills («мягкие навыки»). На основе анализа данных подходов обозначаются основные характеристики softskills: во-первых, softskills понимаются через личные качества, универсальные навыки, непрофессиональные и приобретенные навыки, которые влияют на эффективность деятельности человека; во-вторых, они не зависят от специфики профессиональной деятельности, т. е. softskills являются общими для разных видов профессиональной деятельности. Приводятся аргументы о соотношении термина softskills с такими отечественными понятиями, как деятельностно важные качества, профессионально важные качества, компетенции и универсальные компетенции [5], а также о вариантах классификации этих качеств.

В отличие от традиционной аттестации, психологический подход предполагает оценивать не результаты (эффективность работы в занимаемой должности), а потенциал выпускника, психологические же методы позволяют добиться высокой степени точности и детализации оценки [7].

Компетентностный подход достаточно популярен и использует понятие «надпрофессиональные компетенции», т. е. «универсальные деловые и управленческие качества индивидуума, позволяющие эффективно и/или наилучшим образом выполнять поставленные задачи и добиваться успеха» (Степашкина Е. А., Суходоев А. К., Гужеля Д. Ю., 2022). Подробно анализ профиля надпрофессиональных компетенций выпускника вуза, максимально адаптированного к потребностям современного рынка труда, рассматривается в целой серии российских проектов, таких как президентская платформа АНО «Россия — страна возможностей», создаваемых и уже работающих центров компетенций на базе целого ряда вузов России и др. Уже представлены в

публикациях и активно обсуждаются выводы на основе пилотных исследований (т. е. предварительные результаты) по перечню необходимых для изучения показателей.

Особенностью исследований по данной тематике является приоритетная ориентация на подход, отраженный в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС). Далее сопоставляются компетенции ФГОС как способности применять знания, умения, личностные качества и практический опыт для успешной деятельности в определенной области и собственно надпрофессиональные компетенции, т. е. универсальные деловые и управленческие качества индивидуума, позволяющие эффективно и/или наилучшим образом выполнять поставленные задачи и добиваться успеха.

Рассмотрим, что представляется необходимым для оценки психологических характеристик модели построения ИОТ в Ульяновском государственном университете (таблица 1):

— во-первых, это соотношение профессиональных представлений и личностных характеристик студента, его профессионально значимых качеств;

— во-вторых, конечно, это профиль «надпрофессиональных» компетенций, обуславливающих общую академическую и впоследствии профессиональную успешность.

Методически остаются не полностью решенными вопросы о достаточном и в то же время эргономичном (неизбыточном) количестве показателей, подлежащих оценке. Ответить на этот вопрос возможно только при накоплении данных, а также опираясь на объективную (результативность) и субъективную (удовлетворенность своими достижениями) оценку реальной деятельности студента.

В нашем пилотажном исследовании (рисунок 1), проведенном на базе кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета (УлГУ) (к. психол. н. А. С. Седунова, к. психол. н. И. Г. Кочетков, Р. И. Хайрудинова, Э. Р. Агаджанова, руководитель — д. пед. н. С. Н. Митин), мы поставили целью установить индикаторы для связи курсов по выбору и параметров психологического портрета. Представленный анализ результатов предполагает поиск ответов на вопросы:

- Какими видят «входящие» качества по своему курсу преподаватели?
- Существуют ли различия между студентами, четко определяющими цели обучения и образ своего профессионального будущего (вы-

соко дифференцированные по опроснику Холланда), и сомневающимися в выборе?

- Как соотносятся представления преподавателя о качествах, необходимых для успешного усвоения учебной дисциплины, и рассматриваемые профессионально-личностные характеристики студентов?

Таблица 1

Основные параметры оценки психологического портрета студента, подлежащие мониторингу

Профессионально-личностные характеристики, оцениваемые у студента	Методы оценки
1. Реалистический тип	Опросник профессиональных предпочтений (ОПП) Дж. Холланда в адаптации Е. П. Ильина
2. Исследовательский тип	
3. Артистический тип	
4. Социальный тип	
5. Предпринимательский тип	
6. Конвенционный тип	
7. Комплексное многоуровневое решение проблем	Опросник «Самооценка развития ключевых компетенций» Лаборатории компетенций Softskills и Центра карьеры ЮФУ
8. Суждение и принятие решений	
9. Критическое мышление	
10. Когнитивная гибкость	
11. Креативность	
12. Сотрудничество с другими	
13. Эмоциональный интеллект	
14. Клиентоориентированность	
15. Управление людьми	
16. Умение вести переговоры	

Особенностью пилотажа является то, что приняли участие студенты, обучающиеся по профильным курсам, а не курсам по выбору; это позволило проверить ряд характеристик модели ретроспективно (т. е. включая успеваемость по курсу как индикатор успешности обучения); преподаватели оценивали качества, необходимые для успешного усвоения курса по специально разработанной процедуре экспертной оценки; дополнительно применялся тест «Большая пятерка», чтобы оценить характеристики подгрупп (таблица 2).

В исследовании приняли участие 87 студентов факультета математики, информационных и авиационных технологий, инженерно-физического факультета высоких технологий, факультета гуманитарных наук и социальных

технологий, факультета трансферных специальностей, Института экономики и бизнеса и Института международных отношений. После отсева нерелевантных оценок были отобраны

11 анкет по учебным дисциплинам, получены профили качеств, необходимых для успешного усвоения курса по оценке экспертов-преподавателей.

Рисунок 1. Этапы апробации системы тестирования

Таблица 2

Основные параметры оценки многомерной модели индивидуальной образовательной траектории, подлежащие мониторингу

Профессионально-личностные характеристики, оцениваемые у студента	Обобщенные шкалы для экспертной оценки по учебной дисциплине
1. Реалистический тип («деятель»)	1. Ведущая профессиональная роль (максимальный балл)
2. Исследовательский тип («аналитик»)	
3. Артистический тип («творец»)	
4. Социальный тип («коммуникатор»)	
5. Предпринимательский тип («организатор»)	
6. Конвенционный тип	
7. Комплексное многоуровневое решение проблем («исполнитель»)	2. Способность к анализу проблем и принятию решений (развиты: умение применять различные стратегии анализа проблем и принятия решения)
8. Суждение и принятие решений	
9. Критическое мышление	3. Критическое мышление (развиты: критичность, гибкость мышления, адаптация к изменениям в задаче)
10. Когнитивная гибкость	
11. Креативность	4. Креативность (развиты: готовность к поиску и созданию новых идей)
12. Сотрудничество с другими	
13. Эмоциональный интеллект	
14. Клиентоориентированность	
15. Управление людьми	
16. Умение вести переговоры	5. Коллаборация (развиты: готовность к совместной деятельности, умение вести переговоры, управление эмоциями)

Какими видят «входящие» качества по своему курсу преподаватели? Есть ли соотношение с характеристиками студента и/или его успеваемостью?

Результаты не показали значимых различий по оценке личности студента у преподавателей по курсам различных профессиональных типов (оценка с помощью критерия «угловое преобразование Фишера» показала: различия по выбору профессионально-типологических характеристик у преподавателей специальностей «человек — человек» и «человек — знаковые системы» незначимы). В то же время выявлены некоторые особенности в том, каким видят студента преподаватели курса. Преобладают «исследовательский» и «конвенциональный» типы у «человек — знак» (логика, интеллект и, в частности, математические способности) (рисунок 2). Также преобладают логика и вербаль-

ный интеллект в группе «человек — человек». В целом профиль менее дифференцированный.

По сути, в основе оценок лежат характеристики «исследовательского» типа. Преобладает оценка студента как имеющего интерес к абстрактным проблемам и интеллектуальной деятельности, исследовательской работе, познанию нового.

Далее было проведено сравнение характеристик высокодифференцированных (понимают задачи и направление профессионального развития) и слабодифференцированных студентов (рисунок 3). Дифференцированности интересов личности в теории Дж. Холланда противопоставляются сложности в карьерном самоопределении. Слабодифференцированные индивиды встречают трудности в составлении списка профессий, плохо осознают, чего они хотят от своей профессиональной карьеры и т. д.

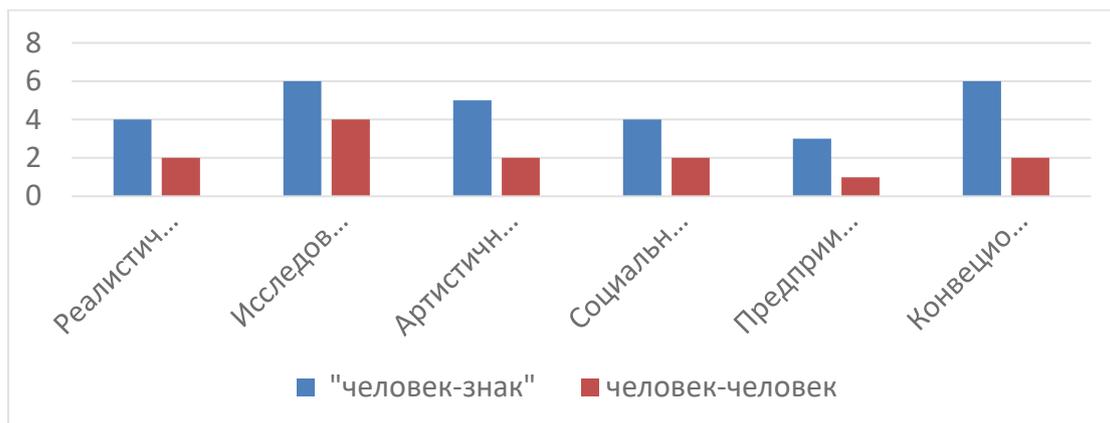

Рисунок 2. Результаты сравнительного анализа оценок преподавателями требуемых качеств студента

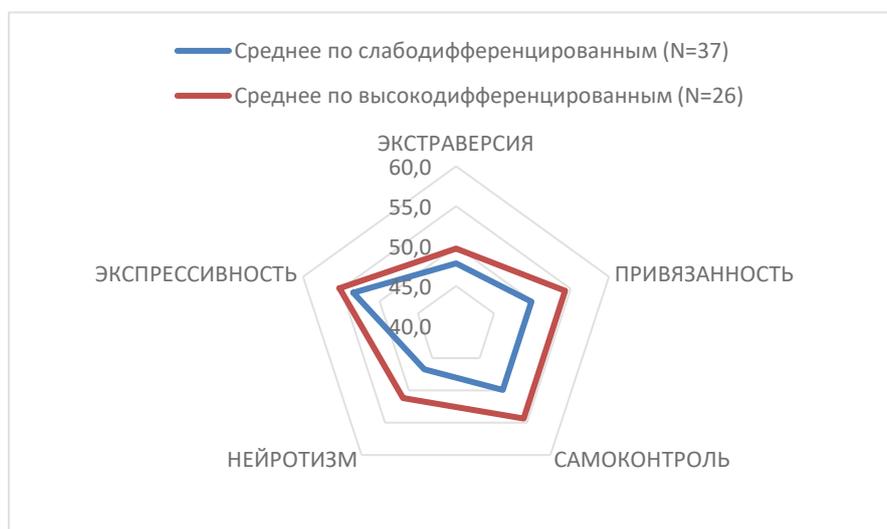

Рисунок 3. Результаты сравнительного анализа характеристик высокодифференцированных и слабодифференцированных студентов

Результаты показали значимые различия по уровню самоконтроля (критерий Манна-Уитни для независимых выборок для шкал «Большой пятёрки» и «Опросника профессиональных предпочтений») и выбору типов по опроснику Холланда. Последнее является легко объяснимым, так как высокая дифференцированность типа определяется в опроснике по более высоким баллам преобладающего типа личностно-профессиональных характеристик.

Главным содержанием этого фактора является волевая регуляция поведения. Высокодифференцированные испытуемые любят порядок и комфорт, настойчивы в деятельности и обычно не нарушают общепринятых норм поведения, обладают не только высоким самоконтролем, но и добросовестностью, сознательностью.

Сравнительный анализ оценок студентов по субтестам «Опросника профессиональных предпочтений» показал следующее:

— Судя по средним, студенты увереннее и выше оценивают свои реальные навыки, чем желаемый образ профессии (критерий Вилкоксона для зависимых выборок подтверждает это для всех шкал при сравнении оценок по субтестам «Способности» и «Карьеры», кроме «исследовательского» типа). Для «исследовательского» типа более привлекательным является образ профессии.

— Результаты показали, что студенты увереннее и выше оценивают свои реальные навыки, чем желаемые качества. Критерий Вилкоксона для зависимых выборок подтверждает это при сравнении оценок по субтестам «Способности» и «Деятельности»: значимые различия получены по типам «артистический», «социальный», «конвенциональный».

Таким образом, можно сделать следующие выводы (см. рисунок 4).

Другими словами, настройки рекомендательного сервиса должны учитывать как зоны «сверхкомпетенции» («могу» + «хочу» + «реализую»), так и зоны развития, в которых потенциал студента ещё слабо раскрыт и требует более внимательного отношения к рефлексивно-целевому компоненту деятельности. Пример портрета на рисунке 5 визуализирует эти зоны на основе соотнесения требований преподавателя и индивидуальных характеристик студента.

Развитие рефлексивно-целевого компонента образовательной деятельности возможно за счет ориентации на формирование субъектной позиции студента по отношению к своей образовательной траектории, развитие компетенций, связанных с совместной групповой и исследовательской деятельностью, развитие профессионального мировоззрения, получение профессиональных знаний и навыков.

Рисунок 4. Результаты сравнительного анализа характеристик высокодифференцированных и слабодифференцированных студентов

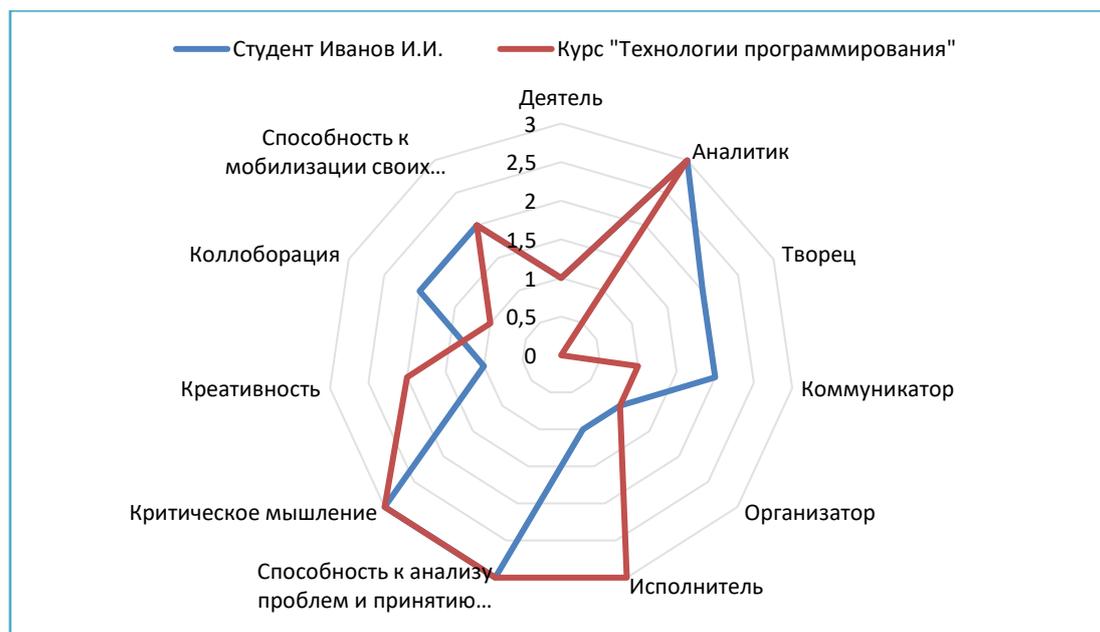

Рисунок 5. Результаты сравнительного анализа характеристик курса по экспертной оценке преподавателем и индивидуальных характеристик студента по результатам тестирования

Литература

1. Вергун Т. В. Индивидуальные образовательные траектории студентов в высшей школе: к постановке проблемы / Т. В. Вергун, О. Ю. Колосова, В. Н. Гончаров // Современные наукоемкие технологии. — 2016. — № 12-2. — С. 313—317. — URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36442> (дата обращения: 24.08.2022).
2. Горькая Ж. В. Влияние траектории образовательного маршрута на психологические особенности студентов / Ж. В. Горькая, Е. М. Савицкая // Молодой ученый. — 2016. — № 13.3(117.3). — С. 25—29. — URL: <https://moluch.ru/archive/117/32376/> (дата обращения: 25.08.2022).
3. Жуковский И. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций молодых специалистов / И. Жуковский. — URL: <https://nark.ru/articles/nsk-regionalnykh-spetsialistov/issledovanie-profilya-nadprofessionalnykh-kompeten>.
4. Ихсанова С. В. Психодиагностический принцип формирования индивидуальной образовательной траектории студента вуза / С. В. Ихсанова, В. В. Комаков // Экспериментальная психология. — 2012. — Т. 5, № 2. — С. 96—101.
5. Мамай Л. А. Особенности психологической оценки эффективности работы специалистов: обзор подхода, методов и методик / Л. А. Мамай // Молодой ученый. — 2015. — № 18(98). — С. 336—341. — URL: <https://moluch.ru/archive/98/22014>.
6. Степанова Л. Н. Прогнозирование индивидуальных профессионально-ориентированных траекторий развития личности студентов (на примере студентов гуманитарных факультетов) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Л. Н. Степанова ; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»]. — Казань, 2022. — 25 с.
7. Цымбалюк А. Э. Психологическое содержание softskills / А. Э. Цымбалюк, В. О. Виноградова // Ярославский педагогический вестник. — 2019. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-soft-skills>.

TO THE QUESTION OF DESIGNING THE COMPETENCE PORTRAIT OF A STUDENT

A. S. Sedunova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

asedunova@mail.ru

The article discusses modern approaches to the assessment and study of the psychological parameters of a student's individual educational trajectory in the educational process of higher education. The author proposes a group of parameters for monitoring the individual educational trajectory of a student in order to test the model of the professional space for choosing the IET of a university. The paper presents the results of an empirical study of the parameters of a student's competence portrait at ULSU. Prospects for further research are the development of a reflexive-target component of educational activity through the formation of a student's subjective position in relation to their educational trajectory, the development of competencies associated with joint group and research activities, the development of a professional worldview, and the acquisition of professional knowledge and skills.

Key words: individual educational trajectory, personal and professional development, career design.

References

1. Vergun, T. V., Kolosova, O. Yu., Goncharov, V. N. (2016) Individualnye obrazovatelnye traektorii studentov v vysshey shkole: k postanovke problemy [Individual educational trajectories of students in higher education: to the formulation of the problem]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, (12-2), p. 313–317. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36442> (access date: 24.08.2022).
2. Gorkaya, Zh. V., Savitskaya, E. M. (2016) Vliyaniye trektorii obrazovatel'nogo marshruta na psikhologicheskie osobennosti studentov [Influence of the trajectory of the educational route on the psychological characteristics of students]. *Molodoy uchenyj*, 13.3(117.3), p. 25–29. URL: <https://moluch.ru/archive/117/32376> (access date: 25.08.2022).
3. Zhukovsky, I. Issledovanie profilya nadprofessionalnykh kompetentsiy molodykh spetsialistov [Study of the profile of young specialists' supraprofessional competencies]. URL: <https://nark.ru/articles/nsk-regionalnykh-spetsialistov/issledovanie-profilya-nadprofessionalnykh-kompeten>.
4. Ikhsanova, S. V., Komakov V. V. (2012) Psikhodiagnosticheskiy pritsip formirovaniya individualnoy obrazovatelnoy traektorii studenta vuza [Psychodiagnostic principle of the formation of an individual educational trajectory of a university student]. *Ekspperimentalnaya psikhologiya*, vol. 5, (2), p. 96–101.
5. Mamai, L. A. (2015) Osobennosti psikhologicheskoy otsenki effektivnosti raboty spetsialistov: obzor podkhoda, metodov i metodik [Peculiarities of psychological assessment of the effectiveness of specialists' work: a review of the approach, methods and techniques]. *Molodoy uchenyj*, 18(98), p. 336–341. URL: <https://moluch.ru/archive/98/22014>.
6. Stepanova, L. N. (2022) Prognozirovaniye individualnykh professionalno-orientirovannykh traektoriy razvitiya lichnosti studentov (na primere studentov gumanitarnykh fakultetov) [Forecasting individual professionally-oriented trajectories of student personality development (on the example of students of humanitarian faculties): author's abstract ... candidate of psychological sciences: 19.00.13]. Kazan, 25 p.
7. Tsymbalyuk, A. E., Vinogradova, V. O. (2019) Psikhologicheskoe sodержanie softskills [Psychological content of soft skills]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-soft-skills>.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е. А. Еремеева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
eremeevaea68@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНСТИТУЦИЯ» И «УСТАВ»: ЭТИМОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Автор в статье предпринял попытку привлечения внимания научного сообщества к изучению понятия «устав» как одного из основных учредительных правовых актов, не нашедших своего должного всеобъемлющего исследования, в отличие от другого учредительного акта, которым является «конституция». Хотя слово «конституция» латинского происхождения, а слово «устав», как считает этимология, — старославянского, но они имеют одинаковое пояснение, означающее установление.

В статье проводится идея о том, что если конституция путем метода установления закрепляет основы организации государства, то для устава это могут быть государственные образования (например, субъекты Российской Федерации), также уставы в большинстве своем являются основными учредительными актами организаций — юридических лиц любой организационно-правовой формы или даже определенной сферы деятельности (например, в военной сфере действуют воинские уставы). Кроме того, международные уставы в настоящее время могут иметь статус международных соглашений, учредивших определенные международные организации (например, Устав ООН).

Понятие «устав» ввиду его большого видового и функционального разнообразия можно сформулировать следующим образом — это основной учредительный правовой акт, закрепляющий правовое положение государственного образования, организации, юридического лица или устанавливающий организацию определенной сферы деятельности.

Ключевые слова: конституция, государство, устав, субъект Федерации, юридическое лицо, общественное объединение, религиозная организация, воинский устав.

Следует обратить внимание научного сообщества на тот факт, что современная юридическая наука, как теоретическая, так и отраслевая, достаточно времени уделяет исследованию понятия «конституция», что невозможно утверждать в отношении такого понятия, как «устав».

Общеизвестно, что слово «конституция» имеет латинское происхождение (от лат. *constitutio* — установление, учреждение), которое было известно еще в Римской империи (Древнем Риме), в такой форме принимались императорские указы (наряду с декретами,

эдиктами), но современное понимание и по форме и по содержанию этот акт приобретает лишь в XVIII веке, с принятием Конституции США в 1787 году.

В то же время слово «устав» имеет старославянское происхождение, произошедшее от глагола «уставити», производного от «ставити» (именно такое толкование дает этимологический словарь [8, с. 215]), в современном, буквальном прочтении означающее «установить» или «установленное». Наши предки писали «уставом», что предполагало четкий геометри-

ческий рисунок букв алфавита кириллицы, которым и написаны древние славянские рукописи, т. е. буквы буквально ставили, устанавливали, они отличались прямым, четким и тщательным написанием. Как утверждает Большая советская энциклопедия, восточные и южные славяне первоначально уставом писали «книги (богослужбные, учредительные), и деловые документы (грамоты)» [5, с. 121]. Следует обратить внимание на тот факт, что уставом писались «учредительные книги», которые в настоящее время также признаются учредительными правовыми актами — это и конституции, и уставы.

Удивляет вот что: в разные временные рамки, в разных частях света народы, совершенно никаким образом не контактирующие, разработали и предложили всему миру названия основных учредительных актов, означающие их *установление*, но если в Римской империи оно получило название «конституция», то на Руси — «устав».

Можно предположить, что к настоящему времени в целом выработан единый подход к определению дефиниции конституции как основного закона государства, что нельзя сказать в отношении устава.

В современном понимании конституция — это основной закон государства, обладающий верховенством, высшей юридической силой, прямым действием, устанавливающий основы конституционного строя, систему власти, территориальное устройство, а также правовое положение человека в нем.

Существуют различные точки зрения на понимание понятия «устав» — это «основополагающий нормативный акт», «основной региональный государственно-правовой акт», «комплексный (кодифицированный) документ», «свод положений и правил», «свод правил, определяющих организацию чего-либо, исполнение, применение чего-нибудь», «нормативно-правовой акт, регулирующий ту или иную сферу государственной деятельности, организацию определенной сферы деятельности», «один из видов учредительных документов», «основополагающий документ» и т. д. и т. п.

Устав как нормативно-правовой акт или закрепляет правовое положение какого-либо государственного образования, организации, юридического лица, или устанавливает организацию определенной сферы деятельности (например, воинский устав). Осуществляет он это с помощью метода установления, т. е. закрепления, в связи с тем, что основная его функция — учредительная, которая является основной

функцией и конституций. Таким образом, и конституция, и устав — это основополагающие акты учредительного характера, что их объединяет.

В отличие от конституции, являющейся основным актом государственных образований, устав уже с момента его появления как соответствующего документального акта отличало видовое и функциональное разнообразие. Например, в Древней Руси выделяли уставы княжеские [7], монастырские [6, с. 47—54], уставные грамоты земель, среди которых наиболее известными и значительными являются Двинская уставная грамота (1397 г.), Белозерская уставная грамота (1488 г.).

Видовое разнообразие уставов как учредительных правовых актов прослеживается и в настоящее время.

Например, «уставными грамотами земель» можно признавать уставы субъектов Российской Федерации и уставы муниципальных образований, созданные и действующие на территориях соответствующих субъектов Федерации.

Уставы субъектов Российской Федерации принимаются в краях, областях, городах федерального значения, а также автономной области и автономных округах, в отличие от республик, действующих на основании конституций.

Можно предположить, что эта особенность вытекает из различного правового статуса, которым наделены субъекты Российской Федерации, хотя все они и провозглашены равноправными субъектами. Например, лишь республики в составе Российской Федерации в п. 2 ст. 5 Конституции РФ называются республиками (государствами) [1]. Думается, что именно поэтому им была предоставлена возможность принятия конституций, в отличие от других субъектов Федерации, признаваемых государствовидными образованиями в составе Российской Федерации, но не имеющих статус (государств), отсюда возможность принятия лишь уставов.

В то же время и республиканские конституции, и уставы иных образований Российской Федерации выполняют роль основного закона для соответствующего субъекта Федерации, так как:

— конституции республик, как и уставы других субъектов РФ, имеют учредительный характер, они закрепляют правовой статус соответственно республики или других субъектов Федерации;

— конституции в республиках и уставы в других субъектах возглавляют свои правовые системы в связи с наделением их таким юридическим свойством, как верховенство;

— они обладают высшей юридической силой, а значит, все принимаемые на территории субъекта Федерации нормативные акты должны им соответствовать;

— в то же время конституции республик и уставы других субъектов РФ должны соответствовать Конституции Российской Федерации.

По юридическому значению конституции республик и уставы других субъектов признаются одинаковыми нормативными актами, что вытекает из равноправия субъектов, входящих в состав Российской Федерации, поэтому свое широкое применение в научной правовой литературе нашла дефиниция «конституции (устава) субъекта Российской Федерации».

Можно сформулировать следующее определение понятия устава субъекта Российской Федерации — это основной учредительный правовой акт, обладающий верховенством, высшей юридической силой, закрепляющий правовое положение края, области, города федерального значения, автономной области, автономных округов как равноправных субъектов Федерации, входящих в состав Российской Федерации.

Каждое муниципальное образование, созданное в Российской Федерации, действует на основании своего устава, возглавляющего систему муниципальных правовых актов в соответствии с п. 1 ст. 43 Федерального закона от 06 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], в связи с тем, что он наделяется высшей юридической силой, правда, наравне с оформленными в виде правовых актов решений, принятых на местном референдуме или сходе граждан.

Таким образом, устав муниципального образования — это учредительный правовой акт, обладающий высшей юридической силой в системе муниципальных правовых актов, устанавливающий основные правила осуществления местного самоуправления на территории муниципального образования.

В Вооруженных силах Российской Федерации приняты и действуют воинские уставы — «официальные нормативно-правовые документы, определяющие основы ведения боевых действий вооруженными силами, а также повседневную деятельность и подготовку военнослужащих, жизнь, быт, несение службы в Вооруженных Силах и другие аспекты военной службы» [4]. Воинскими уставами признаются боевые уставы и общевойсковые уставы, к которым

отнесены Устав внутренней службы ВС РФ, Дисциплинарный устав ВС РФ и Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ.

Международные уставы в настоящее время выступают как международные соглашения, учредившие ту или иную международную организацию (например, Устав ООН, Устав СНГ и др.). Устав международной организации определяет её цели и задачи, структуру, характер и содержание деятельности.

В Российской Федерации организации как юридические лица в основе своей действуют на основании устава, выступающего соответствующим учредительным правовым актом, определяющим правовое положение, внутреннее устройство, деятельность, а также процедуры создания, реорганизации и прекращения его деятельности, подлежащего обязательной регистрации в соответствующем порядке.

Устав является основным учредительным актом общественных объединений и политических партий. Кроме того, религиозные организации в Российской Федерации также действуют на основании устава в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3], в этом можно проследить продолжение традиций, заложенных ещё «монастырскими уставами» в далеком прошлом.

Изучение проблем соотношения понятий «конституция» и «устав», их этимологического и правового понимания, а также современного их практического применения дает возможность сделать следующие выводы:

— Этимология как наука, изучающая происхождение слов, констатирует, что слова «конституция» в переводе с латинского и «устав» со старославянского имеют пояснение, означающее в том числе установление.

— Конституции и уставы — это основополагающие нормативно-правовые акты, основной функцией которых является учредительная функция, но если конституции устанавливают основы государства и государственных образований, входящих в их состав, то уставы закрепляют: во-первых, правовой статус субъектов Федерации, организаций, юридических лиц, а во-вторых, организацию определенной сферы деятельности.

— Отличает устав от конституции большое видовое разнообразие, что исторически прослеживается на всех этапах становления данных нормативных актов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020. — 04 июля. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.
4. Большая российская энциклопедия. — Москва : Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2017. — Т. 33. — С. 119—120.
5. Большая советская энциклопедия. — Москва : Изд-во «Советская энциклопедия», 1977. — Т. 27. — С. 121.
6. Бълхова М. И. О монастырском уставе в Древней Руси (середина XI — середина XIV века) / М. И. Бълхова // Церковь в истории России. — 2000. — № 4. — С. 47—54.
7. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / ред. Я. Н. Щапов. — Москва : Наука, 1976. — С. 240.
8. Шаповалова О. А. Этимологический словарь русского языка / О. А. Шаповалова. — Изд. 4-е. — Ростов н/Д. : Феникс, 2008. — С. 215.

**CORRELATION OF THE CONCEPTS “CONSTITUTION” AND “CHARTER”:
ETYMOLOGICAL AND LEGAL RATIONALE
AND MODERN PRACTICAL APPLICATION****E. A. Eremeeva**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

eremeevaea68@mail.ru

The author in the presented article made an attempt to draw the attention of the scientific community to the study of the concept of “charter” as one of the main constituent legal acts that did not find their proper, comprehensive study, in contrast to another constituent act, which is the “constitution”.

Although the word “constitution” is of Latin origin, and the word “charter”, according to etymology, is of Old Slavonic, they have the same explanation, meaning establishment.

The article proposes the idea that if the constitution, through the method of establishment, fixes the foundations of the organization of state formations, then the charter — the legal status of something — can be state formations (for example, the legal system of the constituent entities of the Russian Federation, except for the republics, is headed by the corresponding charters or activities of municipalities also regulated at the level of statutes), for the most part, the main constituent acts of organizations — legal entities of any organizational and legal form are statutes or even a certain area of activity (for example, military regulations are in force in the military sphere). In addition, international charters may now have the status of international agreements that have established certain international organizations (for example, the UN Charter).

The concept of “charter”, due to its large species and functional diversity, can be formulated as follows — this is the main constituent legal act that fixes the legal status of a state entity, organization, legal entity or establishes the organization of a certain field of activity.

Key words: constitution, state, charter, subject of the Federation, legal entity, public association, religious organization, military charter.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode vseobshchego rossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the national vote on July 01, 2020). Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Federalnyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. N 131-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of October 6, 2003 N 131-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”]. Collection of legislation of the Russian Federation, 2003, (40). Art. 3822.
3. Federalnyj zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. N 125-FZ “O svobode sovesti i o religioznykh obyedineniyakh” [Federal Law N 125-FZ of September 26, 1997 “On Freedom of Conscience and Religious Associations”]. Collection of Legislation of the Russian Federation, 1997, (39). Art. 4465.

4. Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Scientific publishing house "Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya", 2017, Vol. 33, p. 119—120.
5. Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Publishing house "Sovetskaya Entsiklopediya", 1977, Vol. 27, p. 121.
6. Bilkhova, M. I. (2000) O monastyrskom ustave v Drevney Rusi (seredina XI — seredinaXIV veka) [On the monastic charter in Ancient Rus (mid XI — mid XIY centuries)]. Tserkov v istorii Rossii, (4), p. 47—54.
7. Schapov, Ya. N. (1976) Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI—XV vv. [Old Russian princely statutes of the XI—XV centuries]. Moscow: Publishing house "Nauka", p. 240.
8. Shapovalova, O. A. (2008) Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language: ed. 4]. Rostov-on-Don: Feniks, p. 215.

Н. Н. Окутина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ocutina@mail.ru

К. М. Шишлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
xenya.shishlova@yandex.ru

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу такой проблемы избирательного процесса, как абсентеизм и потребности её адекватного разрешения. Авторы также обращают внимание на нерешенность вопросов информационного и цифрового обеспечения избирательного процесса на современном этапе развития. Обозначен вопрос целесообразности формирования организационно-кадрового резерва избирательных комиссий. Как способ преодоления электорального абсентеизма предлагается активнее использовать потенциал молодежных участковых избирательных комиссий. Успешный опыт их деятельности в Ульяновской области целесообразно масштабировать в других регионах России. Предлагается, что это существенным образом повлияет на сокращение уровня правового нигилизма в реализации гражданами своих избирательных прав. В статье проанализированы такие механизмы сокращения влияния электорального абсентеизма на избирательный процесс, как совершенствование системы правового просвещения молодежи, создание групп кибердружин, развитие системы цифрового обеспечения избирательных участков, а также формирование правового сознания граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, абсентеизм, цифровизация выборов, кибербезопасность, избирательная система.

Одно из многочисленных «болезненных» проблем избирательного процесса, существующих в современных реалиях, дестабилизирующих нормальное закономерное развитие избирательной системы в целом и переход выборов на путь цифровизации в частности, является политический абсентеизм.

Право голосования, закрепленное на законодательном уровне нормой ст. 32 Конституции Российской Федерации [4], является одним из способов участия в управлении делами государства и заключается в возможности избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.

Вопросам обеспечения прав и свобод граждан в рамках совершенствования избирательного процесса посвящены исследования С. А. Авакьяна [1], Е. И. Колюшина [5], М. И. Криштала [6], В. И. Подгорного [7] и других правоведов.

Выборы — это неотъемлемая составляющая механизма функционирования современной

отечественной государственной системы, так как именно посредством выборной деятельности граждане формируют органы власти, соответствующие их требованиям и ожиданиям.

Однако не все граждане, обладающие конституционным правом голоса, выражают свою позицию в рамках избирательного процесса, руководствуясь заведомо негативными суждениями и относясь с предубеждением к выборной деятельности. Вышеизложенное характеризует такое политическое явление как электоральный абсентеизм. Он представляет собой неучастие граждан, обладающих соответствующим правом, в процессе голосования на выборах, т. е. фактическое уклонение граждан от своих избирательных прав.

В некоторой степени абсентеизм можно рассматривать с позиции ограничения свободы личности в обществе. Это обусловливается тем фактом, что происходит существенное сужение политических прав граждан государства, формирование аполитичного сознания. Совокуп-

ность указанных явлений способна сформировать пассивную, управляемую личность, столь необходимую недобросовестным политическим элитам.

Говоря об электоральном абсентеизме, следует отметить его многоаспектный, сложный характер. Связывается это в первую очередь с тем, что само по себе рассматриваемое явление — это своего рода проекция негативных процессов в разных сферах жизни общества. То есть назвать какую-то одну причину нежелания целой социальной группы «уклонистов от выборов» с уверенностью о ее исключительности не представляется возможным. Причины, по которым возникает абсентеизм, зачастую разнообразны и дифференжны. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, это аполитичность гражданина. Абсентеизм является прямым следствием безразличного отношения к политике. Сама по себе аполитичность не возникает у личности моментально. Это результат многолетнего «разочарования» в каких-либо процессах, к примеру, в бюрократических процедурах, которые отнимают слишком много времени и энергии, или же просто желание остаться невовлеченным в политическую сторону жизни.

Во-вторых, отсутствие достаточных представлений о выборных процессах, как следствие, ошибочные суждения на этот счет. К примеру, п. «б» ч. 2 ст. 70 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9] обуславливает возможность признания выборов несостоявшимися в том случае, если голосование проводилось по одному кандидату, за которого проголосовало менее половины избирателей, явившихся на избирательные участки. Соответственно, применимо к данному положению, заведомо ложная мантра по типу «смысла моего участия в голосовании нет, моя явка ничего не изменит», образовавшаяся в сознании множества граждан, может повлечь за собой в данном случае такое юридическое последствие, как признание выборов несостоявшимися в связи с низкой избирательной явкой.

В-третьих, среди причин современного абсентеизма следует назвать низкую правовую культуру граждан, отсутствие должного правосознания, а также непривлекательность (непрестижность) избирательного процесса для молодежи. Последняя, являясь категорией граждан, наиболее восприимчивой ко всем явлениям общественной жизни, зачастую находит поддерж-

ку именно в оппозиционных силах. Получая негативные представления о роли и значении выборов в политической жизни в неконтролируемых объемах, молодые люди становятся жертвами своего рода информационных атак, в их представлении формируются ложные истины и обманчивые идеалы, что в последующем неминуемо ведет к деформации правосознания.

В-четвертых, совокупность личностных объективных причин. К таковым следует отнести погодные условия, состояние здоровья и прочее.

Вышеуказанные обстоятельства представляются преодолимыми посредством реализации ряда мероприятий. Необходимыми первоочередными мерами, призванными повысить уровень избирательной активности граждан, являются мероприятия по формированию правосознания, направленные в первую очередь на повышение уровня правовой культуры учащейся молодежи. Целесообразно рассмотреть возможность проведения для школьников классных часов, посвященных разъяснению хода избирательного процесса, мастер-классов, например, по демонстрации работы избирательных комиссий, ГАС «Выборы», по процедурам дистанционного электронного голосования и работы наблюдателей на выборах. Это позволит учащимся общеобразовательных организаций познакомиться с процессом изнутри, а также в интерактивном формате дополнить и закрепить ранее полученные школьниками теоретические знания.

Среди эффективных механизмов по преодолению электорального абсентеизма в настоящее время представляется необходимым обеспечить активное внедрение электронного голосования наряду с модернизацией системы информационной безопасности граждан и защиты их персональных данных. Отметим, что в настоящее время в юридической литературе переход избирательного процесса на «цифровые рельсы» определяется как неизбежный.

В частности, С. А. Авакьян подчёркивает, что «существующая система создания избирательных участков, комиссий и проведения голосования в аэропортах, больницах, санаториях и т. д. себя не оправдывает» [1, с. 24]. По мнению В. И. Подгорного и Е. С. Лысенко, «цифровые избирательные технологии сделают голосование доступным из любой точки страны и мира, при этом обеспечив безопасность информационно-коммуникативных процессов» [7, с. 33].

Нормой ст. 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в рефе-

рендуме граждан Российской Федерации» определена возможность применения дистанционного электронного голосования, т. е. «без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения» [9].

Указанное нововведение обусловлено реализацией федерального проекта «Информационная инфраструктура», в рамках которого предполагается подключить к сети Интернет социально значимые объекты, а населению пользоваться современными цифровыми услугами. Достижение указанных целей связано с необходимостью создания условий для подключения к сети Интернет социально значимых объектов и безопасного использования ими сервисов. В свою очередь поставленная задача решается посредством подключения избирательных комиссий к Единой сети передачи данных (ЕСПД), обеспечивающей безопасный доступ к государственным и муниципальным информационным системам.

В рамках практической реализации это предполагает не только оснащение образовательных организаций внутренней ИТ-инфраструктурой для обеспечения безопасного доступа к сети Интернет по технологии Wi-Fi, но и формирование кибердружин — добровольных групп волонтеров, обеспечивающих безопасность информационного пространства в рамках формирования цифровой среды.

Задача обеспечения информационной безопасности становится в последнее время наиболее актуальной, что обусловлено ростом утечек информации и компьютерных атак. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2021 году было совершено 517 тысяч преступлений с использованием Интернета и современных коммуникационных устройств [8]. Соответственно, каждое четвертое преступление — это киберпреступление (в 2017 году таковым являлось лишь каждое двадцатое).

Формирование механизма использования защищенного доступа к государственным и муниципальным информационным системам призвано гарантировать базовую безопасность образовательного процесса. Представляется, что поступательное внедрение электронного голосования будет способствовать не только снижению абсентеизма в случаях неявки гражданина по объективным причинам, но и экономии бюджетных средств при проведении выборов.

Действительно, голосование с помощью электронных платформ с использованием Единого Портала Государственных Услуг позволило

бы «значительно упростить избирательную процедуру и увеличить процент проголосовавших» [3, с. 56]. Однако, несмотря на практическую значимость и нарастающую необходимость внедрения электронных платформ в избирательный процесс, дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) — явление достаточно противоречивое, так как эксперты не могут прийти к однозначным выводам. Связано это в первую очередь с тем, что институт ДЭГ в современной России только зарождается и используется только в некоторых пилотных регионах. Это можно объяснить наличием у ДЭГ ряда специфических недостатков. В частности, это недоверие избирателей системе из-за возможности фальсификации результатов выбора.

Ряд правоведов, высказывая свою позицию относительно электронного голосования, отмечают отсутствие реальных гарантий механического вмешательства со стороны избирательных комиссий в процедуру голосования. Например, как отмечает Е. И. Колюшин, законодательные новеллы «создают иллюзию адекватного учета волеизъявления избирателя» [5, с. 112]. Связано это мнение в первую очередь с отсутствием представления о цифровых процессах и распределенных базах данных. ЦИК РФ совместно с разработчиками системы ДЭГ, развеивая мифы, обращали внимание на то, что в технологии заложен распределенный доступ к информации с применением блокчейна и использованием нескольких электронных ключей.

Кроме того, отсутствуют гарантии достоверной идентификации избирателя. В соответствии с ч. 4–5 ст. 64 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» каждый избиратель, участник референдума голосует лично, голосование за других избирателей, участников референдума не допускается. Бюллетени выдаются избирателям, участникам референдума, включенным в список избирателей, участников референдума, по предъявлении паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина. Данное положение федерального законодательства становится трудно реализуемым в связи с отсутствием возможности удостоверить личность голосующего на онлайн-платформе, что не повышает степень доверия граждан, а в какой-то мере подрывает ее.

Также «минусом» электронных платформ для голосования следует считать недостаточную оснащенность избирателей техническими средствами и низкий уровень необходимых знаний.

В 2022 году в России насчитывалось более 130 млн интернет-пользователей (примерно 89 % общей численности населения), однако более чем в 25 тыс. населенных пунктов услуги связи по-прежнему остаются недоступными.

Одной из целей национального проекта России «Цифровая экономика», реализуемого в 2019—2024 гг., является создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объёмов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств. Это означает, что государство заинтересовано в доступности для всех граждан цифровой инфраструктуры. Отсутствие сети Интернет будет значительным препятствием для становления института ДЭГ.

Возможной мерой по преодолению негативных последствий электорального абсентеизма в России может стать механизм поощрения участия граждан в избирательном процессе. Например, сокращение рабочего дня (дней) на период голосования, выдача избирательными комиссиями канцелярских принадлежностей. Для молодежи весьма привлекательным будет выдача сертификатов от партнеров на онлайн-сервисы и медийные ресурсы по прослушиванию аудио-контента, просмотру элементов кинематографа и т. д.

Подобные мероприятия ранее были успешно апробированы, например, в рамках дистанционного электронного голосования на муниципальных выборах в ряде субъектов Российской Федерации в 2022 году. К тому же главным образом они направлены на привлечение к избирательному процессу молодежи и экономически активной части граждан, т. е. лиц в возрасте от 35 до 50 лет.

Как отмечает А. В. Аверин, подобные формы «минимального материального стимулирования избирателей, явившихся на выборы» способны «выступать средством реализации позитивной юридической ответственности» [2, с. 37]. При этом следует подчеркнуть, что подобные механизмы «стимулирования избирателей» в зарубежной правоприменительной практике не отмечаются.

Ключевым направлением деятельности по преодолению электорального абсентеизма и повышению уровня правовой культуры следует считать всестороннее информационное обеспечение всех этапов избирательного процесса, в том числе освещение выявленных фактов нарушения законодательства. Это обусловлено тем, что на характер избирательных правоотноше-

ний существенное влияние оказывает правовая и социальная активность их субъектов, которая является выражением свободной воли и гражданской позиции избирателей.

Характеризуя уровень правовой культуры общества, следует учитывать факторы, способствующие развитию данного явления в молодёжной среде. Правовая культура подвержена качественным трансформациям, обусловливаемым процессами изменений в правотворческой деятельности и фундаментальных основ развития общества.

Нивелировать влияние электорального абсентеизма призвана деятельность молодежных организаций, участвующих в политической жизни общества. Ярким примером может служить опыт молодёжных избирательных комиссий. Фактически они являются резервом для дальнейшего формирования избирательных комиссий всех уровней. Ульяновская область имеет успешную многолетнюю практику деятельности молодёжных участковых избирательных комиссий (УИК). Масштабирование регионального опыта призвано стимулировать в молодёжной среде разработку инновационных идей и проектов по развитию демократических институтов.

Наряду с молодёжными УИКаами представляется интересным опыт работы молодежных избирательных комиссий, действующих как на муниципальном уровне, так и в субъектах Российской Федерации. В частности, в Ульяновской области с 2010 года региональная Молодёжная избирательная комиссия является постоянно действующим совещательным и консультативным органом, призванным содействовать повышению уровня правовой культуры молодых и будущих избирателей, изучать электоральную активность молодежи и участников выборов, вести координационную работу молодежных избирательных комиссий в регионе и содействовать избирательным комиссиям в подготовке кадрового резерва. Целесообразно активизировать деятельность региональных и муниципальных избирательных молодёжных комиссий, создав группы по правовому просвещению.

Таким образом, вопрос преодоления электорального абсентеизма является многогранным и требует решения комплекса задач. В их числе развитие правотворчества, повышение уровня правосознания участников избирательного процесса, практическое совершенствование массового перехода «на рельсы цифровизации», грамотная информационная политика органов публичной власти и совершенствование механизмов правового просвещения молодёжи.

Литература

1. Авакьян С. А. Обеспечение прав и свобод граждан в контексте совершенствования избирательного законодательства / С. А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2020. — № 2. — С. 18—32.
2. Аверин А. В. Зарубежный опыт установления юридической ответственности за неучастие в голосовании: позитивный и негативный аспекты / А. В. Аверин, И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Избирательное законодательство и практика. — 2020. — № 1. — С. 34—37.
3. Босова Е. Н. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления / Е. Н. Босова, Д. А. Реут // Law Enforcement Review. — 2019. — № 3. — С. 53—62.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Колюшин Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов / Е. И. Колюшкин // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 9. — С. 103—113.
6. Кришталь М. И. Электоральный абсентеизм молодежи Калининградской области и его социально-политические основания / М. И. Кришталь, Д. С. Глебов // Власть. — 2022. — Т. 30, № 5. — С. 162—171.
7. Подгорный В. И. К вопросу о совершенствовании избирательного процесса в Российской Федерации / В. И. Подгорный, Е. С. Лысенко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 1(87). — С. 31—39.
8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт прокуратуры Российской Федерации. — 2021. — URL: <https://procrf.ru/news/2435758-generalnyiy-prokuror-rf-igor.html> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.

**ELECTORAL ABSENTEEISM AS A PROBLEM OF THE ELECTORAL PROCESS
IN RUSSIA AND WAYS TO OVERCOME IT****N. N. Okutina**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ocutina@mail.ru**K. M. Shishlova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
xenia.shishlova@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of such problem of the electoral process as absenteeism and the need for its adequate resolution. The authors draw attention to the unresolved issues of information and digital support of the electoral process at the present stage of development as well. The question is indicated about the expediency of forming an organizational and personnel reserve of election commissions. As a way to overcome electoral absenteeism, it is proposed to use the potential of youth precinct election commissions more actively. The experience of their activities in the Ulyanovsk region needs to be scaled up in other regions of Russia, because it should be recognized as successful. This will significantly affect the reduction of the level of legal nihilism in the exercise of citizens' electoral rights.

The article analyzes such mechanisms of reducing the influence of electoral absenteeism on the electoral process as improving the system of legal education of young people, creating groups of cyber friends, developing a system of digital support of polling stations, as well as the formation of legal consciousness of citizens of the Russian Federation.

Key words: electoral process, elections, absenteeism, digitalization of elections, cybersecurity, electoral system.

References

1. Avakyan, S. A. (2020) Obespechenie prav i svobod grazhdan v kontekste sovershenstvovaniya izbiratel'nogo zakonodatel'stva [Enforcement of rights and freedom in the context of improving the election legislation]. Vestnik of Moscow University, ser. 11, Pravo, (2), p. 18—22.

2. Averin, A. V., Pogodina, I. V., Avdeev, D. A. (2020) Zarubezhnyy opyt ustanovleniya yuridicheskoy otvetstvennosti za neuchastie v golosovanii: pozitivnyy i negativnyy aspekty [International practices of making liability for abstention from voting: positive and negative aspects]. *Izбирatelnoe zakonodatelstvo i praktika*, (1), p. 34—37.
3. Bosova, E. N., Reut D. A. (2019) Distantcionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatelnogo oformleniya [Distance electronic voting: search for legal process documentation]. *Law Enforcement review*, (3), p. 53—62.
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obscherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020 [Constitution of the Russian Federation (adopted by national vote on 12.12.1993 with ammendments, approved as part of national vote on 01.07.2020]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (access date: 10.01.2022).
5. Kolyushin, E. I. (2019) Pravovye problemy elektronizatsii (tsifrovizatsii vyborov) [Law issues of digitalization of elections]. *Vestnik of University named after O. E. Kutafin*, (9), p. 103—113.
6. Krishtal, M. I., Glebov, D. S. (2022) Elektoralnyy absentizm molodezhi Kaliningradskoy oblasti i ego sotsialno-politicheskie osnovaniya [Electoral absetism of the youth of the Kaliningrad region and its social and political background]. *Vlast*, vol. 30, (5), p. 162—171.
7. Podgorny, V. I., Lysenko, E. S. (2020) K voprosu o sovershenstvovanii izbiratel'nogo protsessa v Rossiyskoy Federatsii [Improving the election process in the Russian Federation]. *Vestnik of Ufa Law Institute of Interior Ministry of Russia*, 1(87), p. 31—39.
8. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2021 [Crime rate in Russia in January — December 2021]. URL: <https://procrf.ru/news/2435758-generalnyiy-prokuror-rf-igor.html> (access date: 10.01.2023).
9. Federalnyy zakon ot 12.06.2002 N 67-FZ "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendum grazhdan Rossiyskoy Federatsii" [Federal law of 12.06.2002 N 67-FZ "On the main guaranties of election rights and the right to participate in the plebiscite of the citizens of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2020, (24), art. 2253.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Д. Н. Ефремова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dasa-efremova@mail.ru

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЕЕ

Музей как ретранслятор культурного наследия стремится быть актуальным для современного общества. Многочисленные задачи по сохранению и экспонированию музейных коллекций решаются посредством новых технологий. Многообразие выбора позволяет учитывать и технические запросы музея, и познавательно-развлекательные задачи, которые дают возможность музеям быть интересными для нового поколения. Степень культурного развития личности зависит от ее способности воспринимать знания и ценности. Музей является одной из форм непосредственной передачи и того, и другого, а значит, в известной степени формирует культуру общества в целом.

Доступная форма получения знаний — задача современных разработчиков техники, а задача музея — применение технологий для налаживания непрерывного контакта между учреждением и посетителями. Сайты, странички в социальных сетях, реклама и рассылки — лишь часть дистанционного воздействия на посетителя. В самом музее современные технологии способствуют сохранению культурного наследия, научной работе с экспонатами, делают доступными для тактильного, зрительного и слухового восприятия как предметы экспонирования, так и информацию о них. Социологические исследования подтверждают актуальность применения технологических возможностей в рамках музейной деятельности.

Ключевые слова: музей, социология, культура, современные технологии, методы работы музея.

Современное общество стремится к пост-индустриальному развитию, используя для этого информационные технологии. Интернет, социальные сети, гаджеты — привычная часть жизни, без которых уже сложно представить современное общество.

Пользователями становятся люди любых возрастов, с любыми интересами, физическими и ментальными возможностями. Ограничениями могут выступать лишь ценовая доступность и наличие. Применение цифровых технологий в рамках современной культуры способствует

привлечению массовой аудитории к деятельности музыкантов, художников, дизайнеров, обогащению духовного начала массовой, молодежной и даже детской аудиторий [1].

Музей как часть современной системы стремится к тому, чтобы оставаться актуальным для посетителей, поэтому привлекает на службу различные гаджеты и девайсы. Сохранность фондов, доступность коллекций в электронном виде, в формах распечатанных 3D-моделей и с помощью инструментов дополненной реальности обеспечивается благодаря современным

технологиям. Технология «3D-мэппинг» позволяет музеям самим становиться арт-объектами, дополняя виртуальными элементами визуальный облик музейных зданий.

Оборудование специальных фондовых хранилищ, перевод документов в электронный вид, создание 3D-копий упрощают процесс работы с информацией и обеспечивают сохранность подлинников. С другой стороны, они делают наследие более доступным для простых посетителей. Дополнение музейных коллекций электронными киосками, интерактивными экранами и проекциями привлекает тех, кто хочет по-новому взглянуть на историю.

Исследователи и разработчики направляют силы для создания «умных» музеев с помощью искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Понимание необходимости внедрения новшеств происходит на государственном уровне по всему миру. Например, в Китае согласно директиве, выпущенной НСНА и восемью другими ведомствами страны в 2021 году, необходимо приложить усилия для интеграции музеев с такими отраслями, как образование, наука и техника, туризм и торговля. Такая интеграция превращает музеи из простого места общественной культуры и просвещения в комплексы общественных услуг, удовлетворяя потребности молодого поколения, желающего получить разнообразный культурный опыт [5].

В сфере российской культуры также реализуется и национальный Федеральный проект — «Цифровая культура», основной целью которого является создание виртуальных концертных залов не менее чем в 500 городах Российской Федерации, обеспечение широкого внедрения цифровых технологий в культурное пространство страны [1].

Первым сообщением между музеем и посетителями можно считать акцию Бруклинского музея. В выставках 2008—2009 гг. посетителям было предложено выбрать с помощью СМС понравившийся экспонат и получить от музея рекомендации похожих музейных артефактов. Этот пример показывает изначальную задачу внедрения музейных технологий — взаимодействие между посетителями и музеем.

В дальнейшем использование современных технологий становится повсеместным. Практически у каждого учреждения культуры есть собственный сайт и странички в социальных сетях. Их развитию способствовала пандемия — нахождение посетителей в замкнутых пространствах из-за повышенных карантинных мер потребовало от музеев поиска новых способов взаимодействия.

В этот период активно создается медиаконтент: онлайн-экскурсии, научно-популярные публикации, 3D-туры по экспозициям и выставкам и т. д.

Интенсивность взаимодействия с посетителями определяет привлекательность музея как учреждения культуры. И если старшее поколение уже сформировало привычку к посещению учреждений культуры, то вопрос о формировании практики взаимодействия с музеями у молодого поколения приходится решать в настоящий момент. Именно молодежь особо выделяется среди различных категорий посетителей музея, притом не только своими возрастными характеристиками и спецификой психологического строя, но и той социальной ролью, которую они призваны сыграть в развитии общества. Это позволяет видеть в них аудиторию, объективно обладающую пробуждающимися потребностями в расширении своих знаний и представлений об окружающем мире, углублении своей культуры.

Согласно результатам исследований, осуществленных в последние годы, отношение молодежной аудитории к музею представляет собой неоднозначную и противоречивую картину. Активность данной целевой группы в освоении культурного потенциала, сконцентрированного в музеях, признается недостаточной, но вместе с тем положительная установка по отношению к музею в целом, потребность в нем, интерес к конкретным музеям присущи определенной части студенчества [4, 6].

В ноябре 2022 года в рамках исследования темы «Социальные функции современных исторических музеев на примере Квартиры-музея семьи Ульяновых» состоялся письменный опрос посетителей данного музея. 93 респондента из 134 анкетированных оказались из группы до 25 лет, из них 34,4 % посещали музей в том же месяце (таблица 1). На втором месте в этой группе — 24,7 % более полугодом назад посещали музей. Третьей по численности группой — 17,2 % стали те, кто не смог вспомнить, когда последний раз был в музее. Показательно, что молодые люди, посещающие музей в промежутке до полугодом, составляют большую часть, по сравнению с теми, кто ходит реже, без учета «непомнящих» — 46,2 % против 36,5 %.

В 2014 году вопрос отношения молодежи к музеям в г. Ульяновске исследовался на кафедре «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета. Анализ результатов опроса показал, что 30 % респондентов считают, что посещают музей достаточно часто. А у 20 % молодежи желания ходить в музеи и вовсе

нет. В то же время 25 % опрошенных ответили, что при возможности посещали бы музеи чаще. В ходе анализа автор отметил, что 30 % женщин с удовольствием посещали бы музей чаще, если бы была возможность. И 25 % мужчин не желают посещать данные учреждения. Автор считает, что это связано с тем, что женщины более восприимчивы к искусству, эстетике и культуре. Они более чувственны и эмоциональны, нежели представители мужского пола [4, 7].

Подобные опросы интересуют не только жителей Ульяновска. Еще в 2009 году для выявления отношения к музеям в г. Саратове был проведен анкетный опрос 165 человек от 12 до 57 лет. Исследование 14-летней давности показало, что «большинство опрошенных посещают музей два-три раза в год (87 %), при этом 46,1 % респондентов предпочитают бывать в музее с друзьями или семьей, 35 % — с одноклассниками, самостоятельно – 1,1 %» [3].

Авторы исследования предполагают, что такие результаты должны влиять на PR-технологии в музее: музейные PR-программы или отдельные рекламные акции должны быть направлены на различные категории посетите-

лей, учитывая их интересы и желания при выборе тех или иных форм музейно-образовательной деятельности.

Сам факт выбора жителями и гостями города музея как места проведения досуга — это показатель привлекательности учреждения. Его определяют множество факторов: фонды, экспозиция, тематика, доступность, ценовая политика музея, географическое расположение, ориентированность на разные категории посетителей, рекламная политика музея и др. В современном мире большое значение имеет и техническая оснащенность музея. Современные технологии дополняют и совершенствуют музейную деятельность: с одной стороны, благодаря новым способам хранения и экспонирования коллекций, а с другой — благодаря привнесению познавательно-развлекательной подачи, ориентированной на разные категории посетителей.

В анкетном опросе (таблица 2), проведенном в ноябре 2022 года в Квартире-музее семьи Ульяновых, 35,4 % респондентов предположили, что привлечь посетителей в исторический музей может оснащение музеев техническими новшествами (экраны, проекторы, 3D-маппинг).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как давно до сегодняшнего дня Вы последний раз были в музее?»**

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины	До 25 лет	25 и старше
В этом месяце	32,1	20,5 %	41,2 %	34,4 %	25,9 %
Более месяца назад	13,4	23,1 %	8,2 %	11,8 %	18,5 %
Более полугода назад	26,9	25,6 %	25,9 %	24,7 %	37,0 %
Более года назад	12,7	15,4 %	11,8 %	11,8 %	14,8 %
Не помню	14,9	15,4 %	12,9 %	17,2 %	3,7 %
Кол-во ответивших на вопрос	134	39	85	93	27

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, что может привлечь сегодня больше посетителей в исторический музей?»**

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
Более частые смены экспозиций	24,6 %	21,1 %	26,2 %
Оснащение музеев техническими новшествами (экраны, проекторы, 3d-маппинг)	35,4 %	47,4 %	31,0 %
Экспозиции на актуальные общественные темы	23,8 %	18,4 %	27,4 %
Продвижение музеев в сети Интернет	26,9 %	36,8 %	23,8 %
Новые форматы проведения экскурсий	26,2 %	26,3 %	23,8 %
Новые исторические открытия	19,2 %	15,8 %	21,4 %
Реализация интересных образовательных программ	21,5 %	28,9 %	16,7 %
Новинки искусства и культурной жизни	30,8 %	28,9 %	3,3 %
Использование игровых форматов работы с посетителями	23,1 %	21,1 %	25,0 %
Кол-во ответивших на вопрос	130	38	84

Разнообразие технологических новинок позволяет создавать целые электронные выставки. Яркий пример — проект «Россия — моя история». К 2017 году, по данным Википедии [9], в Российской Федерации действует 15 мультимедийных исторических парков. В составе каждого — кинозалы, электронные киоски, интерактивные столы, панорамы и декорации, 3D-программы с реконструкцией исторических событий и др. Насыщенный электроникой исторический парк является не только местом проведения досуга, но и фактическим учебным пособием для проведения внешкольных занятий по истории и краеведению [2].

Мнение специалистов о таких выставках неоднозначное, поскольку на них отсутствует важнейший музейный элемент — подлинники. Электронные версии экспонатов не должны полностью подменять музейные артефакты, поскольку утрачивается важнейшая функция музея — демонстрация культурного наследия. С другой стороны, технологии позволяют вместить больше данных для изучения посетителями, использовать дополненную реальность, которую уже нельзя восстановить или переместить в музей, а также сделать сложный контент развлекательным и доступным для младшего поколения [12].

Современная эпоха компьютерных технологий и Интернета позволяет не только преобразовать пространство музея, но и интенсивно использовать его рекламный потенциал. Характерный пример для Ульяновска — появление огромного электронного баннера напротив остановки

«гостиница «Венец». Экран расположен в центре города, в месте с большой проходимостью и на пересечении транспортных (трамвайных и маршрутных) путей. Замена привычных печатных баннеров позволила добавить большой объем информации — рекламу Дома-музея В. И. Ленина и мероприятий, проводимых филармонией, входящей в структуру Ленинского мемориала. На экране зрители сразу видят часть мемориальной экспозиции, а также справочную информацию. Потенциально посетителями музея могут стать все, кто находится на остановке либо проезжает мимо в общественном и частном транспорте. Конечно, что касается содержания рекламы, стоит отметить ее ограниченность [8, 10].

С помощью социальных сетей и собственных сайтов музеи могут освещать предстоящие или прошедшие события, информировать о работе музейных клубов и лекториев, формировать благоприятный имидж. Современные технологии также позволяют осуществлять продажу билетов. Например, современная программа «Пушкинская карта» дает возможность посетителям заблаговременно приобретать билеты на экскурсии и музейные мероприятия [11].

Подводя итог, можно сказать, что современные технологии стали неотъемлемой частью повседневности. Они доказывают свою пользу как для функционирования музея, так и для привлечения посетителей в учреждения культуры. Разнообразие современных технологий позволяет выводить и использовать новые подходы в научной, фондовой и просветительской деятельности музеев.

Литература

1. Будагян Р. Р. Тенденции применения цифровых технологий в пространстве современного музея / Р. Р. Будагян // Сфера культуры. — 2021. — № 1(3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-prostranstve-sovremennogo-muzeya> (дата обращения: 08.02.2023).
2. Будко А. А. Образ музея в XXI веке / А. А. Будко // Труды СПбГИК. — 2015. — № 212. — С. 11—18.
3. Грачева Е. С. Музейная деятельность в контексте PR-технологий: социокультурные тенденции / Е. С. Грачева // Вестник ПАГС. — 2009. — № 3.
4. Лунькова К. А. Отношение учащейся молодежи города Ульяновска к музеям и их услугам / К. А. Лунькова // Культура. Духовность. Общество. — 2014. — № 10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniye-uchascheyshyaya-molodezhi-goroda-ulyanovska-k-muzeyam-i-ih-uslugam> (дата обращения: 08.02.2023).
5. Музеи в Китае идут в ногу с молодым поколением, предлагая свежий опыт // Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао» («Жэньминь жибао» онлайн) — URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0209/c31516-10205639.html> (дата обращения: 08.02.2023).
6. Маркова А. С. Проблема привлечения посетителя в музей / А. С. Маркова, Д. П. Балаева, Л. С. Тимофеева // Казанский вестник молодых учёных. — 2019. — № 2(10). — С. 43—47. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privlecheniya-posetatelya-v-muzei> (дата обращения: 03.12.2022).
7. Парахонская Г. А. Краеведческий музей в социокультурном пространстве провинциального города / Г. А. Парахонская // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2020. — № 15-2. — С. 761—762.

8. Прокудина Д. А. Современный музей как ресурс для развития туристской отрасли региона / Д. А. Прокудина // Вестник РМАТ. — 2016. — № 4. — С. 121—125.
9. Россия — моя история // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 08.02.2023).
10. Пулькина В. А. Музей как предмет публичного дискурса в продвижении имиджа города / В. А. Пулькина // Медиаскоп. — 2013. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-predmet-publichnogo-diskursa-v-prodvizhenii-imidzha-goroda> (дата обращения: 04.12.2022).
11. Черкаева О. Е. Современный музейный ландшафт и новые тенденции музейной деятельности / О. Е. Черкаева // Вестник СПбГИК. — 2019. — № 4(41). — С. 131—136.
12. Шоломова Т. В. От кризиса до расцвета: современный музей в оценках специалистов / Т. В. Шоломова // Идеи и идеалы. — 2021. — № 3-2. — С. 131—136.

MODERN TECHNOLOGIES IN THE MUSEUM

D. N. Efremova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

The museum, as a relay of cultural heritage, strives to be relevant to modern society. Numerous tasks for the preservation and display of museum collections are solved through new technologies. The variety of choices makes it possible to take into account both the technical requirements of the museum and educational and entertainment tasks that allow museums to be interesting for a new generation. The degree of cultural development of a person depends on his ability to acquire knowledge and values. The museum is one of the forms of direct transmission of both, and therefore, to a certain extent, forms the culture of society as a whole.

An accessible form of obtaining knowledge is the task of modern technology developers, and the task of the museum is the use of technology to establish continuous contact between the institution and visitors. Websites, pages on social networks, advertising and mailing lists are only part of the remote impact on the visitor. In the museum itself, modern technologies contribute to the preservation of cultural heritage, scientific work with exhibits, make rarities available for tactile, visual and auditory perception, both exhibit items and information about them. Sociological research confirms the relevance of using technological capabilities in the framework of museum activities.

Key words: museum, sociology, culture, society, modern technologies, museum methods.

References

1. Budagyan, R. R. (2021) Tendentsii primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy v prostranstve sovremennogo muzeya [Trends in implementation of digital technologies in the modern museum]. *Sfera kul'tury*, 1(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-prostranstve-sovremennogo-muzeya> (access date: 08.02.2023).
2. Budko, A. A. (2015) *Obraz muzeya v XXI veke* [Image of a museum in the XX century]. *Tudy SPBGIK*, (212), p. 11—18.
3. Gracheva, E. S. (2009) *Muzeynaya deyatel'nost' v kontekste PR-tehnologiy: sotsiokulturnye tendentsii* [Museum activity in the context of PR-technologies: social and cultural tendencies]. *Vestnik PAGES*, (3).
4. Lunkova, K. A. (2014) *Otnoshenie uchashcheyshya molodezhi goroda Ulyanovska k muzeyam i ikh uslugam* [Attitude young students of Ulyanovsk toward museums and their service]. *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo*, (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-uchashcheyshya-molodezhi-goroda-ulyanovska-k-muzeyam-i-ih-uslugam> (access date: 08.02.2023).
5. *Muzei v Kitae idut v nogu s molodym pokoleniem, predlagaya svezhiy opyt* [Chinese museums keep pace with the younger generation offering latest experience]. Web-sites of the newspaper "Zhenmin Zhilbao". URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0209/c31516-10205639.html> (access date: 08.02.2023).
6. Markova, A. S., Balaeva, D. P., Timofeeva, L. S. (2019) *Problema privlecheniya posetitelya v muzey* [Problem of attention getting to museums]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh*, 2(10), p. 43—47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privlecheniya-posetitelya-v-muzey> (access date: 03.12.2022).
7. Parakhonskaya, G. A. (2020) *Kraevedcheskiy muzey v sotsiokulturnom prostranstve provintsial'nogo goroda* [Local museum in socio-cultural space of a town]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, (15-2), p. 761—762.

8. Prokudina, D. A. (2016) Sovremennyy muzey kak resurs dlya razvitiya turistskoy otrasli regiona [Modern museum as a resource for developing tourism in the region]. Vestnik RMAТ, (4), p. 121—125.
9. Rossiya — moy istoriya [Russia is my history]. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (access date: 08.02.2023).
10. Pulkina, V. A. (2013) Muzey kak predmet publichnogo diskursa v prodvizhenii imidzha goroda [Museum as a subject of public discourse in promoting the city image]. Mediaskop, (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-predmet-publichnogo-diskursa-v-prodvizhenii-imidzha-goroda> (access date: 04.12.2022).
11. Cherkaeva, O. E. (2019) Sovremennyy muzeynyy landschaft i novye tendentsii muzeynoy deyatel'nosti [Modern museum landscape and new tendencies of museum activity]. Vestnik SPbGIK, 4(41), p. 131—136.
12. Sholomova, T. V. (2021) Ot krizisa do rastsveta: sovremennyy muzey v otsenkakh spetsialistov [From crisis to prosperity: modern museum in specialist' assessment]. Idei i dealy, (3-2), p. 131—136.

А. Г. Краева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kraevalex@list.ru

К ВОПРОСУ О КРИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ КАК БАЗОВОМ МЕХАНИЗМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Статья представляет собой попытку рассмотреть компетентностный подход в образовании в аспекте проблемы необходимости формирования критического мышления у студентов современных российских вузов. В работе содержится обоснование ключевой роли рефлексивных способностей в процессах мотивации, генерации и ассимиляции новаций в условиях формирования общества знания. В практическом плане основные направления формирования критического мышления личности и обусловленных этим рефлексивных процессов связаны с разработкой новых технологий систем управления субъектами деятельности, со сменой доминанты «агрегации знаний» в образовании на доминанту развития рефлексивных способностей, способных обеспечить реализацию робастных стратегий меж- и трансдисциплинарной интеграции и кооперации различных областей научного знания и образовательных систем.

Ключевые слова: критическое мышление, компетентностный подход, рефлексия, знание, эпистемология, науковедение, общество знания, интеллектуальный потенциал.

Система современного университетского образования в России отмечена всё большим нарастанием витка так называемого «компетентностного подхода», основополагающей характеристикой которого большая часть отечественных исследователей в области педагогики и психологии предлагает считать его практико-ориентированность в сочетании с индивидуальными психологическими и социально-коммуникативными свойствами личности и её мотивацией, часто в противовес и «вопреки» фундаментальному теоретическому знанию: «Описываемые в методических пособиях "Знания — Умения — Навыки" (ЗУН) утратили прежнюю актуальность из-за того, что на протяжении многих десятилетий больший акцент делался именно на "Знания", что говорит о неверном понимании и реализации этой концепции (причину также следует искать в неготовности преподающих комплексно подходить к реализации данной концепции); стало удобным считать, что в процессе овладения "Знаниями" одновременно происходит разностороннее развитие личности и формируются "Умения" и "Навыки"» [1]. Более того, повсеместно — начиная с профессиональных научно-исследовательских работ, заканчивая массмедиа — всё более ощутима тенденция уничижительного отношения к феномену, соб-

ственно, *знания*, что привело к значительному сокращению объёма фундаментальных (как естественно-научных, так и особенно социально-гуманитарных) дисциплин в образовательной практике современных российских вузов.

Высокая степень погрешности таких суждений становится очевидной, если иметь в виду существующую в науковедении и философии науки дифференциацию понятий теоретического и практического знания, которое собственно и должно, согласно существующим описаниям компетентностного подхода, выполнять роль качественной характеристики практической ориентированности компетенций.

Причина указанного разграничения теоретического и практического знания кроется в различии форм функционирования знания. Так, «практическое знание вплетено в деятельность и общение, слито с ними, направлено на их ситуационное обслуживание и обладает слабой рефлексивностью. Оно не вырабатывает смыслы, которыми обладают предметы и способы деятельности, но транслирует их в данную практику из других контекстов опыта» [8]. Теоретическое же знание, и только оно, напротив, ориентировано на «выработку смыслов и на внесение их в реальность... оно содержит, скорее, схему специфической деятельности (дис-

курса, исследования) и общения (диспута, диалога), обретающие форму понятий, законов, теорий в ходе их рефлексивной разработки». И теоретическое, и практическое знание могут содержать в себе дескриптивные и нормативные компоненты, однако только теоретическое знание предписывает законы самой природе» [4].

При этом само понятие «компетентностный подход» в отечественной научно-исследовательской литературе так и не получило однозначного определения. Стоит отметить весьма поверхностный уровень отечественных работ, посвященных данной тематике. Из всего существующего пласта материалов по ней можно выделить лишь совокупность неких акторов, которые чаще всего упоминаются отечественными учеными и методологами. К ним относится максимальный уровень «обобщенности» информации (крайне редко — «знания»), коммуникативность как свойство личности, позволяющее заполучить определенную должность (при этом замкнутость, свойственная, согласно исследованиям по истории науки, большинству ученых и изобретателей, отмечается как весьма негативное качество, мешающее карьерному росту), а также принцип индивидуализации, позволяющий якобы учитывать социально-психологические свойства личности студента, его когнитивные возможности, а также индивидуальный интерес к определенной области будущей профессиональной деятельности [2, 3, 7].

При этом жёсткой критике, например, подвергается так называемое традиционное советское высшее образование, одной из основополагающих установок которого было дать максимально полную, фундаментальную картину изучаемых дисциплин, исключая те, преподавание которых было невозможным в связи с существованием феномена идеологизированной науки. Стоит заметить, что именно благодаря ставке на серьезную фундаментальную научно-теоретическую подготовку, уровень образования в СССР был достаточно высоким. Однако в трудах современных педагогов-методологов весьма часто можно встретить саркастические упреки, как, например, «...стоит сделать замечание на тему объема научных открытий и в целом знаний, о которых рассказывается в учебных пособиях. Количество достижений в гуманитарных, естественно-научных, математических областях сегодня, по сравнению с, например, 70—80-ми годами, является значительным. Составители учебников как для общеобразовательных, так и для профессиональных учебных заведений стремятся *оптимизировать* достижения науки

для изучения на разных образовательных уровнях... Общее мировое знание настолько расширилось, что не хватит жизни, чтобы быть максимально эрудированным во многих областях. Это оказывается свойственным минимальному количеству людей, остальным — такое не под силу. А нужно ли так много знать?» [1].

Сама идея «компетентности» возникла в середине прошлого столетия в Западной Европе и США в работах А. С. Трейса, Р. Уайта, Д. Макклелланда и других уже со второй половины XX века, которые неоднократно поднимали тему компетентности в образовании, что некоторые отечественные науковеды связывают с запуском в 1957 году спутника Земли СССР, что стало якобы импульсом для формирования компетентностного подхода в американском и западноевропейском образовании. При этом стоит заметить, что удельный вес именно знаниевой компоненты фундаментальной подготовки обучающихся относительно рассматриваемого подхода в образовании в трудах западноевропейских ученых весьма внушительны в сравнении с вышеназванными акторами в концепциях компетентностного подхода в отечественной научно-методологической литературе.

В связи с подобными разночтениями и в ситуации отсутствия однозначной категориально-понятийной трактовки феноменов компетентностного подхода и, собственно, компетенции, с позиции эпистемолога хотелось бы акцентировать следующие моменты.

Важность модернизации современного российского общества определяется тем обстоятельством, что высокий уровень качества жизни людей, составляющий так называемый «золотой миллиард» человечества, обусловлен пятым технологическим укладом, фундамент которого базируется на достижениях когнитивных, социальных и информационных технологий, микроэлектроники, биотехнологии, а также создании новых разновидностей материалов и эффективном использовании энергии. При этом качество жизни неуклонно продолжает расти, что позволяет в полной мере констатировать вполне четкие контуры шестого технологического уклада, главной отличительной чертой которого является нацеленность на развитие и применение так называемых «высоких технологий», которые генерируются исключительно качеством наукоёмкости, т. е. высокой долей затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Всё ускоряющиеся темпы развития науки, техники и технологий позволяют эпистемологам нащупывать контуры седьмо-

го технологического уклада, основу которого составит сложная система коррелятивных взаимосвязей «живых», органических и искусственных систем. Важно отметить, что указанные векторы научного и социально-общественного прогресса теснейшим образом связаны с переходом в середине 90-х годов XX века развитого мирового сообщества от информационного общества на ступень «общества знания», в котором основополагающей ценностью является именно знание, а не информации, которая потеряла свою ценность за счёт её обилия и низкого качества, а также учитывая необходимость овладения инструментарием критического мышления, рефлексии для её оценки, что подразумевает большой удельный вес фундаментальной научно-теоретической подготовки обучающихся в области философии, а также целого ряда гуманитарных дисциплин социально-культурной направленности.

Указанные тенденции напрямую связаны с необходимостью осознания отечественными учеными и, в частности, педагогами-методологами ключевого значения фундаментальных основ критического мышления, или рефлексивных процессов, которые, собственно, и обеспечивают «переход» от информационного потока к качественному знанию в ходе образовательного процесса.

Исследование природы и механизмов рефлексивных процессов является стратегически важным как для развития науки в целом, так и для решения насущных вопросов отечественного образования в фокусе компетентного подхода. Последние десятилетия отмечены катастрофической ситуацией в системе преподавания гуманитарных дисциплин в университетах. Формирование негативного образа фундаментального теоретического знания, переоценка значения практических умений и навыков, оторванных от базовой научно-теоретической подготовки, но главное — формирование череды поколений, характеризующейся клиповым типом мышления, которому свойственна фрагментарность, нарушение целостности и неспособность к вдумчивому восприятию содержания сложной структурированной системы изучаемого материала, изменили качество когнитивных способностей студенческой аудитории. Если ранее преподаватель вуза транслировал знание в образовательной среде студентов классического университета, которые были подготовлены к восприятию сложной системы рационально выстроенного научно-теоретического материала, то современный студент не готов к восприятию

такого знания, особенно в форме лекций (монолога).

Поэтому в дидактике высшей школы как никогда остро в качестве особой проблемы поставлена цель формирования у студентов рефлексивных способностей, т. е. критического стиля мышления: в современном обществе как никогда популярна идея совершенствования и тренировки человеческого тела и поддержания его в форме, однако ничтожно малый процент представителей современного российского общества понимает, что мышление также требует внутренней дисциплины, целеустремленности, большого количества сил и времени для изучения фундаментальных наук, иностранных языков и занятий художественным творчеством, т. е. серьёзных интеллектуальных и физических усилий, тренировки. К сожалению, вокруг можно наблюдать тенденции «ленивого», «небрежного» мышления, слишком зависимого от сиюминутных эмоций, настроений, от субъективных психологических особенностей, а также господства подавляющей тенденции массовой бездумности в обществе целом, об отсутствии в нём качества осознанности.

Критическое мышление — это способ мышления, «направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку корреляции между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей автора и читателя, сторонника и оппонента» [6]. Таким образом, основополагающими характеристиками формирования критического мышления на любом этапе образования, включая вуз, являются методы актуализации знаний, формирование у студентов качества любознательности и интереса к изучаемой теме; овладение ими логикой осмысления новой информации, а также методам критического чтения. В процессе обучения необходимо сподвигать студентов к размышлению, проблематизации и, как здесь не упомянуть Р. Декарта, — сомнению как фактору формирования личного отношения к изучаемой проблеме, умению формулировать проблему и находить пути ее решения, ответы на правильно поставленные вопросы. Кроме того, студенты должны научиться методам анализа и обобщения, оценки изучаемого материала, его структурированию. Смысл критических механизмов мышления или рефлексии как особого когнитивной процедуры состоит в детализации и конкретизации человеком своих знаний, в выяснении того, как вырабатываются знания и соот-

ветствует ли изучаемый им материал статусу знания вообще.

Справедливости ради, а также в защиту необходимости включения феномена качественного фундаментального теоретического знания как базового актора в компетентностный подход к обучению, стоит отметить, что все вышеперечисленные дефиниции, определяющие сущность критического мышления, являются способами получения именно его — знания, поскольку оно и является «способом трансформации знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им новой формы, нового смысла и значения» [4]. Именно его необходимое присутствие в как можно большем объеме обусловлено также и тем, что знание любого рода может быть качественно охарактеризовано как элемент культурно-исторического комплекса (науки, искусства, техники и технологий, религии), поэтому исчерпывающая типология знания с точки зрения эпистемологии являет собой своеобразную реконструкцию истории культуры.

Рефлексивная регуляция мышления, степень ее актуального присутствия в организации мыслительных процессов — важнейший фактор их оптимизации, необходимый для освоения нового когнитивно-образовательного пространства, осознанного включения себя в иную систему ценностей. За последние два десятка лет информационное пространство, связанное сетью телекоммуникаций, стало не столько гигантской библиотекой, сколько деятельностной средой: не с помощью Интернет, а в нем самом осуществляется сегодня деятельность многих людей. Поэтому эту среду необходимо прежде всего образовывать. Разработанные в рамках проекта образовательные программы будут *эффективны в структурах онлайн, дистанционного, открытого образования* и нацелены на повышение уровня методологической оснащенности виртуальной образовательной среды, актуальных для системы Lifelong education. Они будут нацелены на формирование у субъектов этой среды способности эффективно конструировать и функционально организовывать образовательные ресурсы. Это не представляется возможным без владения умением критического мышления, где рефлексия является одним из неотъемлемых механизмов, вырабатывающих умение задавать вопросы, критически оценивать возможные альтернативы и осуществлять необходимую селекцию из казалось бы равноправных альтернатив.

Важным для научно-теоретического мышления инженеров-изобретателей как будущих участников инновационного процесса является знание об эпистемологическом контексте поисковых открытий и рефлексивных процедурах, направленных на мотивацию к выходу за пределы концептуальной системы, на осознание системного образа научной деятельности, на формирование внутренней потребности понимания роли и статуса того или иного концептуального образования во все возрастающей информационной насыщенности науки, на осознание необходимости методологического переоснащения дисциплин. Поэтому весьма актуальным представляется их знакомство с основами эвристики, которые способствуют не только устранению психологического барьера перед началом исследовательски-изобретательской деятельности, но и овладению методами эффективного изобретательства.

Экономистам и госслужащим, которые организуют инновационный процесс, а также бизнесменам необходимо иметь определенные представления об овладении методологических основах организации рефлексивно-активных сред инновационного развития. Для бизнесменов и управленцев, которые занимаются оценкой перспективности новации и осуществляют её продвижение, необходимо представлять историю и содержание государственной инновационной политики; особенности инновационных процессов в современном мире; представлять социальные детерминанты инновационной деятельности; осмыслить современные концепции инновационного управления.

Не вызывает сомнения тот факт, что центробежным вектором формирования критического мышления является философия, а также целый ряд гуманитарных дисциплин, система фундаментального знания в конкретных науках. Именно глубокое, а не поверхностное, на манер «туристического ознакомления из автомобиля» изучение философии, эпистемологии и методологии научно-исследовательской деятельности в рамках «отпущенного» на неё часового лимита, коренной пересмотр методики преподавания данных дисциплин в соответствии с целью формирования критического мышления у студентов способны справиться с насущной, требующей незамедлительного решения задачей формирования мировоззренческого тезауруса личности современного российского студента именно как представителя общества знания, у которого уже вряд ли возникнет вопрос «Зачем мне филосо-

фия и логика?», поскольку ответ на него, в случае выполнения преподавателями философии и философии науки этой нелегкой задачи, будет очевиден — философия структурирует мышление и учит мыслить.

Специфика сложившейся сегодня интеллектуальной ситуации в российском обществе такова, что знания о рефлексивных процессах и четко оформленная критическая, а значит рефлексивно-аналитическая позиция необходима в силу тенденций общественных изменений, предполагающих участие социума в принятии решений, связанных со стратегическим управлением инновационным процессом, и в целом понимания его смысла. В обществе знания промышленные и государственные структуры должны способствовать когерентному характеру взаимодействия общественности и научно-образовательных учреждений.

Такая структура отношений обеспечивается прежде всего формированием и функционированием рефлексивных технологий. На смену однонаправленным связям приходит комплекс связей, свидетельствующий об исчезновении иерархии отношений и отображающий область

публичных обсуждений. Выработка типологии рефлексивных уровней инфраструктуры проектирования эффективного инновационного потенциала в условиях формирующегося общества знания, обоснование высокого статуса когнитивных новаций, направленных на осуществление системного инжиниринга знаний, создание когнитивных технологий, нацеленных на практическую ориентацию рефлексивных компонентов социального организма, выявление и анализ в исследовании каналов коммуникации, приоритетных для эффективного инновационного процесса, — всё это позволит определить параметры экспертных систем, функцией которых является повышение качества и перспективности нововведений.

В теоретическом аспекте эти исследования необходимы для создания новых подходов к междисциплинарной интеграции знания, которая может эффективно осуществляться лишь при построении новых способов и средств моделирования и методологической поддержки разного рода субъектов инновационной деятельности и соответствующих социальных образований.

Литература

1. Амеликина М. С. Компетентностный подход: новый виток развития отечественного образования / М. С. Амеликина // Управление образованием: теория и практика. — 2019. — № 2(34). — С. 47—59.
2. Востриков В. А. Основы теории и технологии компетентностного подхода в элитной школе. Авторская модель : монография / В. А. Востриков. — Томск, 2006. — С. 3—12.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. — 2003. — № 5. — С. 34—42.
4. Касавин И. Т. Знание / И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : Канон+, 2009. — С. 246—247.
5. Компетентностный подход в педагогическом образовании : коллективная монография / под. ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпицыной. — СПб., 2005. — С. 2—25.
6. Сорина Г. В. Критическое мышление и метод экспертных групп / Г. В. Сорина // Эпистемология и философия науки. — 2005. — Т. III, № 1. — С. 194—209.
7. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология обучения / А. В. Хуторской. — М., 2003. — С. 3—15.
8. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании / В. С. Швырев. — М., 1978. — С. 58.

CRITICAL THINKING AS THE BASIC MECHANISM OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF SOCIETY IN CONDITIONS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION

A. G. Kraeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kraevalex@list.ru

The article is an attempt to consider the competence-based approach in education in terms of the problem of the need to form critical thinking among students of modern Russian universities. The paper also substantiates the key role of reflexive abilities in the processes of motivation, generation and assimilation of innovations in the condi-

tions of the formation of a knowledge society. In practical terms, the main directions of the formation of critical thinking of the individual and related reflexive processes are associated with the development of new technologies for management systems for subjects of activity, with the change of the dominant of “knowledge aggregation” in education to the dominant of the development of reflexive abilities that can ensure the implementation of robust strategies for inter- and transdisciplinary integration and cooperation of various fields of scientific knowledge and educational systems.

Key words: critical thinking, competence-based approach, reflection, knowledge, epistemology, science of science, knowledge society, intellectual potential.

References

1. Amelkina, M. S. (2019) Kompetentnostnyj podkhod: novyj vitok razvitiya otechestvennogo obrazovaniya [Competence approach: new branch of the development of domestic education]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, 2(34), p. 47–59.
2. Vostrikov, V. A. (2006) *Osnovy teorii i tekhnologii kompetentnostnogo podkhoda v elitnoy shkole* [Fundamentals of theory and methodology of competence approach in elite school. Author’s model. Monograph]. Tomsk, p. 3–12.
3. Zimnyaya, I. A. (2003) Klyuchevye kompetentsii — novaya paradigma rezultata obrazovaniya [Key competencies]. *Vysshee obrazovanie segodnya*, (5), p. 34–42.
4. Kasavin, I. T. (2009) *Znanie* [Knowledge]. *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki*. Moscow: Kanon+, p. 246–247.
5. Kozyrev, V. A., Radionova, N. F., Tryapitsyna, A. P. (2005) *Kompetentnostnyj podkhod v pedagogicheskom obrazovanii* [Competence approach in education: collective monograph]. St. Petersburg, p. 2–25.
6. Sorina, G. V. (2005) *Kriticheskoe myshlenie i metod ekspertnykh grupp* [Critical thinking and the method of expert groups]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 3, (1), p. 194–209.
7. Khutorskoy, A. V. (2003) *Didakticheskaya evristika. Teoriya i tekhnologiya obucheniya* [Didactic euristics. Theory and methodology of education]. Moscow, p. 3–15.
8. Shvyrev, V. S. (1978) *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii* [Theoretical and empiric in science knowledge]. Moscow, p. 58.

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕТОДОМ МИФОЛОГИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА

Статья посвящена изучению проблемы конструирования городской идентичности с помощью мифологизации на материале анализа городской идентичности города Ульяновска. Теоретической базой исследования выступили парадигмы социального конструктивизма и социального мифотворчества. В статье отмечается, что в Ульяновске есть ресурсы для формирования городской идентичности, которая представляет собой проблему, в частности, некоторые эксперты говорят об отсутствии таковой. Неоднократные попытки ребрендинга города со стороны городских властей и деятелей культуры Ульяновска не привели к ощутимым результатам.

Прикладная часть исследования в статье посвящена поиску ответа на вопрос: позволяет ли мифологизация как универсальный и наиболее психологически и культурно органичный способ конструирования городской идентичности выявить общие сущностные компоненты актуальной городской идентичности Ульяновска? Для исследования поставленной проблемы автором был выбран метод фокус-группы с выборкой, ограниченной студентами и молодыми специалистами. Измерение городской идентичности, конструируемой способом мифологизации, было осуществлено посредством выявления наличия общих (сходных) представлений у жителей города по параметрам пространства города, времени города, противопоставления «мы — они», мифологем и ритуальной практики.

В статье сделаны выводы о том, что мифологизация является наиболее наглядным способом конструирования городской идентичности; мифологизация «сверху» тогда эффективна как способ конструирования городской идентичности, когда этот процесс коррелирует с уже сложившимися мифологемами в массовом сознании; городская идентичность Ульяновска существует, но у молодых ульяновцев в целом выражена очень слабо, при этом у молодых ульяновцев, получающих или получивших образование в сфере культуры, городская идентичность более оформлена, осознана и подвержена влиянию со стороны акторов конструирования.

Ключевые слова: урбанистика, постсоветский город, социология города, городская идентичность, городское пространство, Ульяновск, мифологизация, мифологема, брендинг города.

Городская идентичность выступает важным символическим ресурсом любого города, она способна улучшить микроклимат и создать условия для реализации творческого потенциала горожан, предотвратить отток активного и сознательного населения. Анализ мифологического восприятия городского пространства актуализируется острой потребностью в изучении и решении характерных для постсоветских городов России проблем, связанных с размыванием территориальной идентичности и потерей уникальности городского пространства, что необходимо для развития города.

Город — это концентрированная модель общества, отражающая тенденции его развития и противоречия [2]. Современный обостренный научный интерес к исследованиям территориальных идентичностей обусловлен особенностями современных социокультурных процессов урбанизации, информатизации и глобализации.

Городская идентичность имеет ряд особенностей:

- во-первых, является коллективной идентичностью;
- во-вторых, городская идентичность является социокультурным конструктом [6];

— в-третьих, городская идентичность является результатом идентификации человека с городской общностью [7].

При определении понятия городской идентичности в отечественной научно-исследовательской практике делаются акценты на социально-психологическую либо социокультурную природу данного феномена, которые представляют собой его разные грани. Городское пространство многослойно и порождает «нелинейные» смыслы, которые могут участвовать в формировании многих идентичностей — словных, профессиональных, территориальных, субкультурных и т. д., что подразумевает целый набор культурных идентичностей как целостных и одновременно подвижных образований в социальном контексте [8].

Процесс формирования городской идентичности представляет весьма сложный, многоплановый и изменчивый конструкт, включающий как объективные (социальные, культурно-исторические, политические, географические, биологические, религиозные), так и субъективные (память, фантазии, отношения, ассоциации, символы, биографические ситуации и т. п.) факторы. Отсюда следует вывод, что феномен городской идентичности адекватно можно исследовать в свете парадигмы социального конструктивизма [3, 5, 9, 11], провозглашающего в качестве своего идейного основания принципиальную множественность альтернативной, культурно-исторически локальной, контекстуальной и ситуативной социальной истины.

Миф является одним из универсальных способов понимания и интерпретации окружающего мира. Мифотворчество — свойство человеческого сознания вообще. Миф формируется в исходных формах в подсознании и сознании человека, он близок к его биологической природе. Сущность мифа бессознательна, непосредственна и не поддается рефлексии и научному анализу.

Применительно к проблеме конструирования городской идентичности миф рассматривается как вторичная семиотическая система. Современные локальные (в частности городские) мифы часто воспринимаются и конструируются вполне сознательно с целью использования в прикладных областях человеческой деятельности (например, в брендинге территорий). Мифы как плоды исторического прошлого территории действуют на уровне подсознания, влияя тем самым на ассоциации и представления. Механизм мифологизации среды основан на том, что событие или предмет превращаются в знак, значение которого интерпретируется подсозна-

тельно и ассоциативно связывается с конкретными особенностями региона. Представление о той или иной территории складывается как из фактов, известных аудитории и транслируемых главным образом с помощью СМИ, так и из глубоко внедренных в массовое сознание ассоциаций-мифов, возникающих в сознании жителей при упоминании этой территории [1].

Метод мифологизации городской среды в урбанистической практике способствует формированию запоминающейся информации, что в свою очередь обеспечивает поддержание генетической памяти населения, его эмоциональной связи с городской средой и чувства сопричастности городу и в итоге работает на позитивную городскую идентичность.

Ульяновск — город с интересной, насыщенной событиями историей и множеством выдающихся имен своих уроженцев. В Ульяновске есть ресурсы для формирования городской идентичности, однако это представляет собой серьезную проблему, в частности, некоторые эксперты говорят об отсутствии таковой.

Возможными причинами остроты проблемы городской идентичности Ульяновска являются следующие:

— региональное руководство в 1990-е годы вело политику мягкого вхождения населения в рынок через искусственную консервацию региона в так называемом «красном секторе»;

— противоречие между симбирской и ульяновской составляющими как следствие «разрыва эпох»;

— национальное многообразие;

— разрыв поколений;

— стареющее население;

— низкий уровень качества жизни населения [4].

Городские власти и деятели культуры неоднократно пытались проводить ребрендинг Ульяновска, однако попытки конструирования городской идентичности «сверху» не приводили к определенному результату и угасали на этапе проектирования.

Урбанист С. Мурунов отмечает, что в конструировании городской идентичности необходимо исходить из трех важнейших моментов:

— пространственная идентичность (значимые объекты, памятники);

— социальная идентичность (значимые люди-горожане);

— культурная идентичность (особенности менталитета жителей) [10].

Три данных момента могут быть успешно реализованы с помощью мифологизации, по-

сколько мифология «работает» на подсознательном уровне, задействует архетипическое мышление и воспринимается эмоционально, непосредственно. При этом важно, что в этом процессе необходимо исходить из уже имеющих мифов в сознании жителей, органично внедряя новые смыслы.

Отсюда проблема данного исследования была представлена в следующей формулировке: позволяет ли мифологизация как универсальный и наиболее психологически и культурно органичный способ конструирования городской идентичности выявить общие сущностные компоненты актуальной городской идентичности Ульяновска?

В контексте данной проблемы мы задались целью выявить и проанализировать мифологические составляющие городской идентичности Ульяновска.

Гипотеза исследования строилась на следующих предположениях:

1. Городская идентичность Ульяновска определима и ее возможно описать.

2. Мифологизация «сверху» тогда эффективна как способ конструирования городской идентичности, когда этот процесс коррелирует с уже сложившимися мифологемами в массовом сознании.

3. Городская идентичность молодых ульяновцев, получающих или получивших образование в сфере культуры, более оформлена, осознана и подвержена влияниям со стороны акторов конструирования (СМИ, деятелей культуры, ученых-краеведов, политических лидеров), чем городская идентичность молодежи с иными профессиональными ориентациями.

Для доказательства или опровержения гипотез был выбран метод фокус-группы. С помощью группового интервью возможно выявить сходные мифологические представления, может сработать общая эмоциональная «зараженность» групп, так как миф есть прежде всего массовое переживание. Данный метод не позволит глубоко изучить проблему, но выявит пробелы в идентичности и покажет направление, в котором следует начать работу по конструированию городской идентичности Ульяновска.

Выборка была ограничена жителями города до 32 лет (студенты и молодые специалисты), которые представляют наиболее актуальный человеческий капитал города, а поскольку городская идентичность — категория, изменчивая во времени, в рамках данного исследования важно было выявить ее актуальное состояние.

Был сделан фокус-групповой срез групп студентов разного возраста: младшие и старшие курсы очного и вечернего отделений творческих специальностей и гуманитариев, а также сборная группа с различных специальностей, возрастные магистранты-заочники, имеющие опыт работы в учреждениях культуры. В студенческих группах, как правило, имеется доля приезжих, что позволит провести сравнительный анализ по третьей гипотезе. Относительная однородность по возрасту и профессиональным ориентациям внутри групп позволит сравнить мнения и представления об образе города как внутри групп, так и между ними. Всего в дискуссиях приняло участие 65 человек. Около трети участников групповых дискуссий были приезжими (рисунок 1).

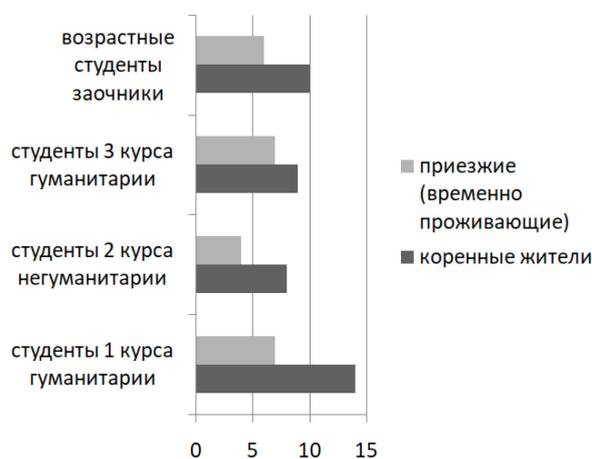

Рисунок 1. Соотношение коренных жителей Ульяновска и приезжих среди участников фокус-групп

Измерение городской идентичности, конструируемой способом мифологизации, было осуществлено посредством выявления наличия общих (сходных) представлений у жителей города по следующим параметрам:

1) мифологическое структурирование пространства города (выделение центра и периферийных пространств — «нехороших» и мистических мест, неофициальная (народная) топонимика, имя и неформальные прозвища города);

2) время города (легенда об основании города; значимые исторические события и их маркеры; ритм жизни города);

3) противопоставление «мы — они» (герои своего города, как исторические, так и современные; образ типичного ульяновца; отношение к приезжим);

4) мифологемы (сюжетные схемы, формируемые как «сверху», так и «снизу»);

5) ритуальная практика (городские массовые праздники, памятные даты, уникальные традиции празднования).

В ходе исследования был выявлен крайне низкий уровень городского самосознания опрошенных: только 7 человек из 65 указали на важность принадлежности, приверженности именно к Ульяновску (см. рисунок 2). Эти данные подтверждают наличие серьезной проблемы с городской идентичностью ульяновцев.

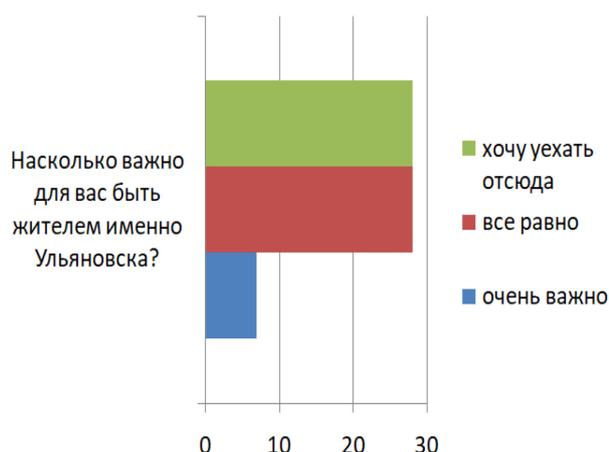

Рисунок 2. Городское самосознание ульяновцев

Однако более глубокое изучение вопроса позволило сделать вывод, что полное равнодушие к городу проявили лишь единицы. Так, на вопросы «бывали ли ситуации, когда вы гордились своим городом?» и «...испытывали досаду на него?» подавляющее большинство респондентов ответили развернуто и эмоционально. Гордятся, как правило, когда туристы приезжают и восхищаются красотой города (гуляя при этом по туристическому центру), когда проводят различные мероприятия с участием гостей города, гордятся также ульяновскими вузами, многонациональностью города, музеями; тем, что приезжают из столиц снимать у нас фильмы «с мостом»; спортивными победами ульяновцев; «неубиваемыми» вездеходами «уазиками» (иронично); героями Матросовым и Разумовским; народными хореографическими ансамблями, которые очень красиво смотрятся в красочных костюмах; волжской природой в окрестностях города и набережной; историческими личностями, связанными с городом.

Немногим больше было выделено поводов для досады, чем для гордости. Во всех группах было замечено, что если гордятся городом только изредка и по случаю, то досадают на Ульяновск постоянно, ежедневно. Среди пово-

дов для досады наиболее популярными ответами были: местные «гопники», которых у нас очень много, поскольку Ульяновск словно «застрял в 90-х»; «дебилы всякие» типа скандально известных Шурыгиной и студентов-летчиков, которые несут на всю страну дурную славу о городе, заслоняя положительные черты; отвратительная система общественного транспорта (не добраться в отдаленные районы города в позднее время, пробки и переполненные маршрутки в часы пик); множество недостроенных объектов и разрушающихся памятников архитектуры; обилие бомжей, алкоголиков и просто маргинальных «неадекватов»; серость осенне-зимнего сезона; мусор и грязь на улицах и во дворах (мало урн и люди сами мусорят — менталитет такой); «пьяное быдло» на концертах; угрюмые неприветливые люди; привычка дорожных служб класть асфальт в дождь и снег, отчего дороги разбитые постоянно.

Все эти высказывания говорят о том, что респонденты искренне гордятся достоинствами и их серьезно задевают за живое недостатки города (были и такие, кто указывал на общероссийский характер указанных недостатков). А это означает наличие зачатков городского самосознания, что является шагом к идентичности.

Первая гипотеза о том, что городская идентичность Ульяновска определима и ее возможно описать, доказана частично. Образ города весьма противоречив, нестабилен и серьезно разнится у разных категорий жителей. Но можно выделить его некоторые общие идентифицирующие черты, работающие как мифологемы.

Ульяновск — это «город Ленина» и «город семи ветров». В городе имеется единый исторический центр, где располагаются ключевые символы — гостиница «Венец», обелиск Вечной Славы, Ленинский мемориал, дом Гончарова и мосты через Волгу. При этом отмечается определенная многоцентровость: в районах, находящихся за водными границами, соединяемыми мостами, есть свои центры и чувство отдельности от центральной части (Засвияжье и Заволжье — как разные миры). В Ульяновске имеется уникальное мистическое место — Винновская роща со своими тайнами и историей. Ульяновск — город, не изживший в себе 90-е, живучей приметой которых являются прозвища районов по названию группировок, «державших» данный район («Сапля», «Пески», «Север»), и популярный типаж «гопника обыкновенного». Город в молодежной среде имеет неформальное, немного пренебрежительное прозвище «Ульск».

Существуют два города в одном — Ульяновск и Симбирск (последний скрыт внутри первого). Симбирск — это богатый историей, населенный дворянами, благородный, респектабельный, знавший много исторических личностей. В Ульяновском мифе все собой заслонил Ленин: в нем сплошные пережитки советского прошлого, прикрытые рекламными щитами, город известен на всю страну «уазиками», Авиастаром и то скандальными местечковыми (Шурыгина, студенты-летчики), то нелепо-трагическими событиями (взрыв арсенала на Верхней Террасе, трагедия 1982 года с теплоходом под мостом). Миф Ульяновска и миф Симбирска противостоят друг другу даже в сознании жителей.

Симбирско-ульяновский легендарный образ пока разработан слабо, поэтому о нем знают в основном краеведы и культурологи, остальные — весьма фрагментарно и смутно. Большинство респондентов считают, что это город, где родились Ленин, Гончаров, Карамзин и другие известные личности, которые благополучно уехали из него в свое время. Выдающихся уроженцев-современников респонденты вообще затрудняются назвать (кроме Никаса Сафронова и Юлика-блогера). Ритм жизни в городе размеренный, заторможенный, немного «обломовский», но при этом «дерганный, нервный», так как размеренный ритм города не соответствует стремительному и вездесущему движению современности.

Более глубокую мифологическую характеристику дает восприятие города как Ульяновска или Симбирска. На вопрос «Какое имя города вам ближе, комфортнее — Ульяновск или Симбирск?» ответы оказались весьма противоречивыми даже на уровне отдельных респондентов. Редко кто высказывался однозначно в пользу того либо другого имени. Большинство колебались с выбором, отмечая разные характеристики «Ульяновска» и «Симбирска», в равной степени значимые для респондентов. Так, отмечали, что привычнее и роднее Ульяновск, хотя и с негативным оттенком (типа «У, грёбаный Ульяновск!»), но Симбирск звучит эстетичнее, приятнее слуху, атмосфернее, «ближе к корням» («едешь мимо старинных красивых зданий в центре и с нежностью думаешь — Симбирск!»). Симбирск воспринимается респондентами как богатый историей, населенный дворянами, благородный, с нормальной репутацией, связанный с историческими личностями, но при этом малоизвестный в России. Ульяновск ассоциируется с внеисторической новизной (минимум исторической ценности), рекламными щитами на фаса-

дах, «он не достоин Симбирском называться из-за низкосортного менталитета людей и уровня жизни», ассоциируется с 90-ми, из истории — только Ленин, но как «Ульяновск» город больше известен (к сожалению, часто негативно).

Примечательно, что к «Ульяновску» больше тяготеют респонденты старшего поколения, к «Симбирску» — молодежь. Кто-то даже заметил, что до 17 лет нравилось имя «Симбирск», а потом — «Ульяновск». «Хотелось бы Симбирск, но, увы, Ульяновск», «Симбирск словно скрыт внутри Ульяновска» — эти две цитаты отражают суть противоречия двух разнонаправленных образов города.

Мифологизированный образ среднестатистического стереотипного ульяновца в обобщенном описании респондентами представляется следующим: человек среднего возраста с мешками под глазами, всю жизнь проработавший на заводе за маленькую зарплату, у него семья, дети и вечная ипотека, по пятницам он пьет пиво из вездесущих пивных ларьков, обычно не улыбкающийся, раздраженный, озабоченный, уставший, «задолбанный», понуро смотрящий себе под ноги, но отнюдь не злой. В транспорте он выглядит так, будто едет на работу. К приезду относится с удивлением: «Зачем ты приехал в Ульяновск?! У нас же нечего смотреть! Что ты тут делаешь?» К этому образу примешивается еще более мифологизированный тип вандала-гопника, который неизменно носит спортивные штаны-треники, «грызет семки на кортанах», курит, много пьет пива, от нечего делать свирепо и бездумно портит городское имущество и периодически участвует в разборках между районами, ибо более некуда ему применить свою невостребованную «силушку богатырскую».

Вторая гипотеза о том, что мифологизация «сверху» тогда эффективна как способ конструирования городской идентичности, когда этот процесс коррелирует с уже сложившимися мифологемами в массовом сознании, вполне подтвердилась. Об этом говорит отношение к официальным мифологемам: те, что оказались согласованными с народными представлениями, воспринимались органично (как «родина Ленина», «родина буквы Ё», «авиационная столица», «город трудовой доблести»), другие же, о которых почти ничего не известно широкой общественности и которые никак не привязаны к уже имеющейся о городе информации, принимаются с оговорками, скептически либо не принимаются вообще (как «родина Колобка» или «культурная столица»).

Третья гипотеза о том, что городская идентичность молодых ульяновцев, получающих или получивших образование в сфере культуры, более оформлена, осознана и подвержена влияниям со стороны акторов конструирования, чем городская идентичность молодежи с иными профессиональными ориентациями — также подтвердилась.

В этом контексте целесообразно привести более подробно некоторые выделенные общие наблюдения за ходом дискуссии в разных группах.

Старшее поколение сознательно стремится найти позитивное в городе, сглаживая углы тезисом о том, что в других городах России идентичная ситуация, но при этом старшие в целом столь же скептически по отношению к Ульяновску. В то время как молодежь больше подчеркивает (порой гипертрофирует) негативные стороны жизни в этом городе и либо намеревается в дальнейшем его покинуть в поисках лучшего места, либо вынуждена оставаться здесь.

Студенты негуманитарных специальностей оказались на редкость немногословными и интроверсированными в высказываниях. Респонденты творческих специальностей были, напротив, более эмоциональны и использовали образы. Возрастные студенты-заочники, работающие в сфере культуры, продемонстрировали наиболее стереотипно положительное отношение к городу, будучи сами акторами конструирования городской идентичности через проведение раз-

личных мероприятий и реализацию городских проектов. Студенты-культурологи при общем характерном для молодежи пессимистичном восприятии своего города выдавали чуть более глубокое знание об истории, выдающихся личностях и легендах города в силу специфики получаемого образования, в отличие от своих сверстников, как гуманитариев, так и негуманитариев.

Что любопытно, приезжие выдавали порой более глубокое понимание города Ульяновска, чем его коренные жители. В частности, студент из Осетии назвал Ульяновск «городом стартов», то есть талантливых людей здесь рождается много, но все они, как правило, встав на ноги и осознав свой талант, покидают этот город и делают карьеру и добиваются славы в другом месте. Возможно, что-то есть в Ульяновске, что не дает начинаниям быть доведенными до конца.

Таким образом, мифологизация является наиболее наглядным способом конструирования городской идентичности. Что касается городской идентичности Ульяновска, то ее можно охарактеризовать еще одной неформальной мифологемой: проблема Ульяновска в том, что в нем живут ульяновцы, и, наоборот, проблема ульяновцев в том, что они родились и живут в Ульяновске. В перспективе исследования остается конкретное решение проблемы нахождения «лица» города, который бы воспринимался жителями позитивно, через разрешение существующих противоречий.

Литература

1. Арзили А. Ю. Мифологизация городской среды. Киевский национальный университет строительства и архитектуры (г. Киев, Украина) / А. Ю. Арзили. — URL: https://eprints.kname.edu.ua/47978/1/ilovepdf_com-225-226.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
2. Вахштайн В. С. Социология города / В. С. Вахштайн. — URL: <https://postnauka.ru/faq/59648> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Головнёва Е. В. Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) / Е. В. Головнёва // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 3(52). — С. 43—52.
4. Данилова А. Н. К вопросу о формировании региональной идентичности (на примере Ульяновской области) / А. Н. Данилова. // Интернет-конференция, 30 июня 2021. — URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18656> (дата обращения: 20.06.2022).
5. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Дж. Джерджен. — Минск : БГУ, 2003.
6. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 54—59.
7. Микляева А. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска / А. В. Микаляева, П. В. Румянцева. — СПб. : Речь, 2011. — 160 с.
8. Николаева Ж. В. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства / Ж. В. Николаева, А. А. Троицкая // Журнал фронтальных исследований. — 2020. — № 1. — С. 11—28.
9. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация / А. М. Улановский // Вопросы психологии. — 2009. — № 2. — С. 35—45.

10. Ульяновск постсоветский: ключи к идентичности // Ульяновск сегодня. — 2017. — 8 сентября. — URL: https://1ul.ru/city_online/obshchestvo/news/ulyanovsk_postsovetskiy_klyuchi_k_identichnosti (дата обращения: 26.06.2022).
11. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. — München : Verlag München, 2000.

PROBLEM OF CONSTRUCTING URBAN IDENTITY BY THE METHOD OF MYTHOLOGIZATION THROUGH THE EXAMPLE OF THE CITY OF ULYANOVSK

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

avalmart@list.ru

The article is devoted to the study of the problem of constructing urban identity with the help of mythologization based on the analysis of the urban identity of the city of Ulyanovsk. The theoretical basis of the research was the paradigms of social constructivism and social myth-making.

The article notes that there are resources in Ulyanovsk for the formation of an urban identity, which is a problem, in particular, some experts say there is no such thing. Repeated attempts to rebrand the city by the city authorities and cultural figures of Ulyanovsk have not led to substantial results.

The applied part of the research in the article is devoted to the search for an answer to the question: does mythologization, as the universal and most psychologically and culturally organic way of constructing urban identity, reveal common essential components of the actual urban identity of Ulyanovsk? To study the problem posed, the author chooses the method of a focus group with a sample limited to students and young specialists. The measurement of urban identity, constructed by the method of mythologization, was carried out by identifying the presence of common (similar) ideas among the residents of the city in terms of the parameters of the city's space, city time, the opposition of "we — they"; mythologem and ritual practice.

The article concludes that mythologization is the most visual way of constructing urban identity; that mythologization "from above" is then effective as a way of constructing urban identity when this process correlates with already established mythologems in the mass consciousness; that the urban identity of Ulyanovsk exists, but among young residents of Ulyanovsk as a whole is very poorly expressed, while among young residents of Ulyanovsk who receive or have received education in the field of culture, the urban identity is more formalized, conscious and influenced by the actors of construction.

Key words: urbanism, post-Soviet city, sociology of the city, urban identity, urban space, Ulyanovsk, mythologization, mythologeme, branding of the city.

References

1. Arzili, A. Yu. Mifologizatsiya gorodskoy sredy. Kievskiy natsionalnyj universitet stroitelstva i arkhitektury [Mythologization of the urban environment. Kyiv National University of Construction and Architecture]. Kiev, Ukraine. URL: https://eprints.kname.edu.ua/47978/1/ilovepdf_com-225-226.pdf (access date: 15.05.2022).
2. Vakhstein, V. S. Sotsiologiya goroda [Sociology of the city]. URL: <https://postnauka.ru/faq/59648> (access date: 15.05.2022).
3. Golovneva, E. V. (2016) Mifologizatsiya kak sposob konstruirovaniya gorodskoy identichnosti (Yekaterinburg na internet-forumakh) [Mythologization as a way of constructing urban identity (Yekaterinburg on Internet forums)]. Ural Historical Bulletin, 3(52), p. 43—52.
4. Danilova, A. N. (2021) K voprosu o formirovani regionalnoy identichnosti (na primere Ulyanovskoy oblasti) [On the question of the formation of regional identity (on the example of the Ulyanovsk region)]. Internet Conference, June 30, 2021. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18656> (access date: 20.06.2022).
5. Jerjen, K. J. (2003) Sotsialnyj konstruksionizm: znanie i praktika [Social constructionism: knowledge and practice]. Minsk: BSU.
6. Dyaghileva, N. S. (2013) Teoreticheskie aspekty gorodskoy identichnosti [Theoretical aspects of urban identity]. Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. Yekaterinburg: UrFU, p. 54—59.
7. Miklyaeva, A. V., Rumyantseva P. V. (2011) Gorodskaya identichnost zhitelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska [Urban identity of a resident of a modern metropolis: a resource of personal well-being or a zone of increased risk]. St. Petersburg: Rech, 160 p.

8. Nikolaeva, Zh. V., Troitskaya, A. A. (2020) Diskurs ob identichnosti kak sposob osmysleniya gorodskogo prostanstva [Discourse on identity as a way of understanding urban space]. Zhurnal frontirnykh issledovaniy, (1), p. 11—28.
9. Ulanovsky, A. M. (2009) Konstruktivizm, radikalnyj konstruktivizm, sotsialnyj konstruktivizm: mir kak interpretatsiya [Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as an interpretation]. Voprosy psikhologii, (2), p. 35—45.
10. Ulyanovsk postsovetskiy: klyuchi k identichnosti [Ulyanovsk post-Soviet: keys to identity]. Ulyanovsk today. September 8, 2017. URL: https://1ul.ru/city_online/obshchestvo/news/ulyanovsk_postsovetskiy_klyuchi_k_identichnosti (access date: 26.06.2022).
11. Tsokolov, S. (2000) Diskurs radikalnogo konstruktivizma. Traditsii skeptitsizma v sovremennoy filosofii i teorii poznaniya [The discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge]. München: Verlag München.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. В. Андреева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
yulia.andre@gmail.com

Д. В. Рогова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dv.rogova@yandex.ru

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В статье анализируются прикладные аспекты развития отечественной научной коммуникации. Опираясь на статистические данные, дополненные материалами тематической подборки онлайн и офлайн изданий, таких как ТАСС, Ведомости и Окна роста, рассматривается проблема популяризации научных знаний для широкого круга общественности.

Ставится вопрос об актуальных и востребованных форматах представления научной информации, факторах возникновения смысловых разрывов на пути от исследователя к конечному потребителю информации. Особое внимание уделяется популяризации научных идей в сфере общественных и гуманитарных наук.

Отмечаются особенности научной популяризации для общественных и гуманитарных наук, касающиеся как подбора форматов, так и специфики разработки контента. Делается вывод о перспективности проведения организационно-событийных и медийных мероприятий для развития внешней научной коммуникации, ориентированной на широкий круг общественности.

Ключевые слова: научная коммуникация, популяризация научных знаний, популяризация общественных и гуманитарных наук, организационно-событийные и медийные формы популяризации науки.

Научная коммуникация — довольно широкое понятие. Она предполагает распространение научной информации с помощью различных каналов, средств, форм и институтов коммуникации. Под ней понимаются процессы и механизмы продвижения научных идей и нового знания как внутри самого научного сообщества, так и за его пределами. Внутренняя научная коммуникация в качестве основных субъектов академического взаимодействия, обсуждения, обмена и экспертизы новых научных идей рассматривает самих учёных. Внешняя научная

коммуникация характеризуется взаимодействием научного сообщества с самыми разными группами общественности, это трансляция научных идей для широкой аудитории. Также нередкими являются смешанные форматы, такие как, например, проводимая ежегодно Грушинская социологическая конференция. Её основная традиционная миссия — не просто отвечать на вызовы времени, а определять новые тренды, формировать образ будущего общества и придавать импульс дальнейшим процессам в нём. Для этого в рамках классического научного

мероприятия проводятся специальные практические секции для всех заинтересованных представителей государственных и общественных институций, а также бизнес-сообщества. На них обсуждаются механизмы перехода от результатов исследований и полученных данных к конкретным отраслевым решениям, способствующим социальным изменениям.

Вместе с тем вопрос об актуальных и востребованных форматах представления научной информации, факторах возникновения смысловых разрывов на пути от исследователя к конечному потребителю информации по-прежнему остаётся открытым. В решении этого вопроса исследователям видится основное прикладное значение научной коммуникации.

В основу статьи легли статистические данные ВЦИОМ, касающиеся проблемы распространения научного знания для широкой общественности, а также тематическая подборка публикаций в онлайн- и офлайн-изданиях, таких как ТАСС, Ведомости и Окна Роста.

Согласно результатам опроса, проведённого ВЦИОМ в 2022 году, более трети россиян (35 %) не знает базовых научных фактов [12]. Например, относительно 1998 года в 2020-м количество уверенных в отсутствии генов у не генно-модифицированных продуктов увеличилось на 28 %, с 22 до 50 % [2]. В этом видится пробел популяризации научных достижений.

Под популяризацией науки обычно понимается процесс трансляции, распространения, продвижения научных знаний в доступной форме для широкого круга людей. И. Н. Ильина, заместитель директора Архива РАН по научной работе, определяет популяризацию как «процесс распространения научных знаний в современной и доступной для широкого круга людей форме», в более узком смысле — как «стимуляцию интереса к истории науки и стремление сделать научную информацию широко известной» [4].

В интервью изданию «Окна роста» НИУ ВШЭ А. Нефёдова, старший научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, говорит, что сегодня всё чаще используется термин «научная коммуникация», чем «популяризация науки» [7]. Связано появление нового термина с изменением процесса популяризации науки. Здесь цепочка передачи данных выглядит следующим образом: у общества или государства возникает запрос на просвещение населения в той или иной сфере — общество или государство выступает заказчиком и спонсором для исследований — «источ-

ник» знания (ученые и их исследования) с помощью «передатчиков» (средств массовой информации, научных журналистов и иных научных коммуникаторов-«популяризаторов») доносят знания до «реципиентов» (населения) — и общество на основе полученных данных формирует новый запрос для «источника». Вместе с тем упускается из виду, что не всегда сам реципиент способен сформулировать актуальный «запрос для источника» в силу отсутствия соответствующих компетенций. Потому нам видится, что отказ от термина «популяризация» все же является преждевременным.

На основе вышеизложенного можно выделить следующие задачи популяризации науки:

1. Изменение формы и языка научной работы в подходящий для неподготовленного или малоподготовленного человека.

2. Упрощение или отказ от сложных и специфических терминов для предания тексту большей динамичности и занимательности.

3. Борьба с лженаукой и лженаучными фактами.

Для более точного понимания задач популяризации науки необходимо рассмотреть их подробнее. Язык, используемый в научной работе, является тем входным порогом, который неподготовленный читатель или слушатель чаще всего оказывается не способным преодолеть. Научные тексты изобилуют длинными и сложными для восприятия речевыми конструкциями, они «сухи» и из-за этого вызывают расфокусировку внимания, проще говоря — скуку. Человек, который устаёт на работе и обремененный ведением быта, в большинстве своем отказывается от чтения или прослушивания серьезной научной лекции в пользу развлекательного и частично или полностью лишённого смысловой нагрузки контента. Ещё одним коммуникационным барьером оказываются мало-распространённые среди населения термины. При чтении и без того трудного для восприятия текста неподготовленному человеку понадобится периодически обращаться к значению незнакомых слов в словарях, что создает дополнительные неудобства и, как следствие, угасание интереса. Также при одновременном дополнительном изучении терминов и усвоении основной информации происходит перенасыщение, полученные знания не задерживаются в памяти надолго — налицо барьер усвоения.

Лженаучные факты и суждения крайне распространены именно среди той части населения, которая не имеет достаточного багажа знаний в той или иной сфере, но и образован-

ный человек далеко не всегда может понять, что научно доказано, а что нет. Грань между наукой и лженаукой иногда оказывается слишком тонкой, так как некоторые теории и гипотезы (например, теорию струн) нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Также существуют прецеденты, когда последующие исследования опровергли некогда растиражированный факт, но информация об этом не получила распространения среди массовой аудитории. Яркий пример подобного — связь прививок с аутизмом, возникшая после публикации исследования Э. Уэйкфилда 28 февраля 1998 года в журнале *The Lancet*. Впоследствии было проведено и опубликовано множество исследований, исключающих взаимосвязь прививок и развития расстройств аутистического спектра, однако движение так называемых антипрививочников продолжает апеллировать к работе Э. Уэйкфилда. В случае гуманитарно-социальных наук особенно часто циркулируют лженаучные факты об истории, из которых самый растиражированный в популярной культуре миф, что в Средневековье продолжительность жизни составляла всего тридцать лет. Причина его возникновения — непонимание разницы между средней продолжительностью жизни в целом, которая действительно была не высока из-за младенческой и детской смертности, и средней продолжительностью жизни в частности, когда в расчет берутся исключительно взрослые люди, пережившие детство. Таким образом, невысокий уровень осведомленности, которая бы строилась на доказательной научной базе, отмеченный выше в исследованиях социологов, можно объяснить целым комплексом причин социально-экономического, культурного, социально-психологического и информационно-коммуникационного плана.

Появление научного популяризаторства имеет давнюю историю. Первые попытки через занимательную форму заинтересовать широкую общественность имели место еще в Древнем Риме: Лукреций Кар в первом веке до нашей эры написал трактат «О природе вещей». В XVII веке подобные произведения писали Иоганн Кеплер («О шестиугольных снежинках») и Галилео Галилей («Диалоги о двух главных системах мира»), в XVIII — Михаил Ломоносов («О пользе стекла»), а в XIX — Майкл Фарадей («История свечи»), Жюль Верн («Завоевание Земли наукой и промышленностью»), «История великих путешественников и великих путешествий») и Климент Тимирязев («Жизнь растений»). Конечно, вышеперечисленные работы нельзя в полной мере считать именно попытка-

ми популяризации научного знания, так как они не отвечали такому важному критерию, как направленность на широкий круг потребителей информации — из-за социальных и технических ограничений прошлого доступ к данным работам имели только представители высоких слоев. В 1919 году в Москве был создан отдел Госиздата для публикации исключительно научно-популярной литературы. Для взрослого населения начали выходить такие серии, как «Книжная полка рабочего», «Популярная техническая серия», «Наука для всех», «Начатки науки», для читателей младшего возраста — «Библиотека путешествий», «Среди природы», «Биографическая библиотека», «Опыты и наблюдения природы». Курс на популяризацию науки среди всех слоев населения был связан с социально-политическими изменениями. В 1980-е годы журнал «Наука и жизнь» был суммарно издан тиражом более трех миллионов копий.

Факт активного просвещения населения в период СССР подтверждается цитатой профессора И. Ефремова: «И еще очень важное — популярная книга широкого профиля должна показать все “стыки”, соприкосновения той или другой науки со смежными дисциплинами, объяснить то взаимопроникновение наук, которое развивается все сильнее в наше время и служит надежной гарантией того, что дальнейшая специализация разных отраслей знания не приведет к схоластическому омертвлению и бесплодию научной мысли. <...> Если для широкой пропаганды науки полезна и важна научная фантастика, то сама фантастика невозможна без серьезной популяризации науки. Таким образом, мы пришли к тому же, с чего начали, — к отсутствию хороших популярных книг по важнейшим отраслям науки. <...> Нужно, чтобы руководство Академии наук, а за ней и ряд других научных учреждений и организаций поняли, что популяризация науки — это не побочное дело, а прямой долг ученых. Распространять научные знания в широких массах нашего народа, внедрять любовь к науке, вооружать молодежь самыми важными достижениями науки — дело поистине великой важности!» (Ефремов, 1953).

Помимо литературы в XX веке благодаря техническому развитию появились новые способы повышения интереса к науке у населения. Стали появляться радио- и телепередачи. С изменением предпочтений массовой аудитории менялись и каналы коммуникации, с помощью которых доносилась информация. Невероятно популярными в Советском Союзе телепередачами, популяризовавшими науку, были следующие:

- «Клуб кинопутешествий», ведущий Ю. А. Сенкевич;
- «В мире животных», ведущие Н. Н. Дроздов, В. М. Песков;
- «Очевидное — невероятное», ведущий С. П. Капица.

Влияние «В мире животных» и всенародная любовь к данной программе оказалась так велики, что имидж Н. Н. Дроздова до сих пор остается положительно устойчивым, а сам ведущий продолжает вызывать интерес у аудитории вопреки неоднозначным рекламным кампаниям и тому, что новые выпуски телепередачи перестали выходить еще в 2018 году.

В настоящий момент в России утвержден федеральный проект «Популяризация науки и технологий», направленный на развитие научно-просветительской деятельности. Он планируется к реализации с 2023 по 2025 год как самостоятельный, не входящий в национальные проекты России. Ранее в рамках «Популяризации науки и технологий» 2021 год был объявлен годом науки и техники, а десятилетие с 2022 по 2031 год — десятилетием науки и технологий [10].

При анализе проблемы популяризации научных знаний стоит иметь в виду две её стороны: анализировать нужно как со стороны «источника», так и со стороны «реципиентов». Выше уже были упомянуты отдельные аспекты, с которыми связывают трудности восприятия новой информации у реципиента: сложные формулировки, громоздкие конструкции предложений, обилие незнакомых терминов и др.

Относительно ученых, т.е. «источника» популяризации, ситуация иная: во-первых, мнение о том, что деятельность популяризаторов науки является несерьезной и даже вредной в самих академических кругах поменялось совсем не так давно, и, во-вторых, научными журналистами отмечается опасность этой деятельности, заключающаяся в «снижении критичности». Так, С. В. Сидоров в своей статье пишет, что из-за научно-популярного контента «читатель или зритель привыкает верить фактам из научно-популярного источника и не овладевает способностью их критического восприятия», а также это приводит к «искажению научных фактов — становится практически неизбежным, причём результат искажения выглядит вполне «научно-образно», подменяя собой истину», это ведет к «открытию двери в научпоп приверженцам всевозможных псевдонаучных теорий, «исследователям» НЛО и прочих паранормальных явлений» [13]. Схожего мнения придерживается и

научный журналист Даниил Кузнецов, основываясь на опубликованном в *The Journal of Experimental Social Psychology* исследовании, в котором на четырех экспериментах с общей выборкой в почти 2000 испытуемых показано: чем выше у людей доверие к науке, тем чаще они готовы поверить в лженаучные концепции и распространять их среди своего окружения [16]. В своей статье 2021 года для «Ведомостей» он критикует популяризацию науки и называет результаты исследования не парадоксом, а закономерным и логическим исходом, так как у массовой аудитории пропадает способность к критическому мышлению [8].

Нельзя не отметить отношения к популяризации науки со стороны самих ученых. Проведенный в 2007-м А. В. Юревичем, членом-корреспондентом Российской академии наук, опрос показал, что из 29 % ученых, которым была известна концепция популяризации науки, больше половины высказали свое негативное к ней отношение [14]. Среди определений, прозвучавших для данного феномена, были следующие: «примитивизации науки для толпы», «превращения науки в зрелище в худшем смысле этого слова», «профанация науки», «вульгаризированное извращенное толкование научных достижений», «доведение науки до уровня комиксов» и др. Спустя 12 лет, в 2019 году, А. Р. Хохлов, вице-президент РАН, выдвинул предложение о создании Комиссии по популяризации науки. В интервью изданию «Чердак» он говорит, что популяризация науки — это обязанность учёного [15]. И сегодня — уделять внимание распространению результатов проведенного научного исследования — становится важной характеристикой научно-исследовательской деятельности.

Отдельно остановимся на проблеме распространения научного знания в сфере общественных и гуманитарных наук. Социологические опросы показывают, что наибольший интерес населения вызывают научные достижения в сфере военной техники, медицины и освоения космоса. Последний опрос, касающийся гуманитарной сферы, на знание исторических фактов ВЦИОМ проводил в 2017 году. Согласно полученным данным, процент справившихся удовлетворительно — 42 % опрошенных. Но проблема популяризации достижений в области общественных и гуманитарных наук сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Гуманитарные науки — дисциплины, изучающие человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и обще-

ственной деятельности. По объекту, предмету и методологии изучения часто отождествляются с общественными науками, противопоставляются при этом естественным, точным наукам на основании критериев и метода. Гуманитарные науки «ругают» за «неконкретность», и даже если отмечается точность в описании, скажем, исторического события, то дополнительно подчёркивается важность многогранности его описания и даже его безграничность, чтобы каждый человек находил в нём нечто своё, получая при этом определённое эстетическое удовлетворение. Социальные, иначе общественные науки, изучают разные стороны человеческой жизни, в ближайшем родстве социальные науки находятся с науками гуманитарными.

В системе школьного образования к гуманитарным предметам относятся обществознание, русский и иностранный языки, литература и история. Но, понятно, что этих дисциплин гораздо больше. Помимо вышеназванных (обществознание включает в себя части политологии, экономики, социологии, правоведения, частично социальной психологии и частично философии), к социально-гуманитарным однозначно относят культурологию, педагогику, этнографию. Но, например, антропологию скорее нельзя отнести к строго гуманитарной сфере. С одной стороны, она даёт ценные знания о прошлом человечества, его историко-культурном контексте, однако её методология частично основана на достижениях в сфере биологии и химии, частично — на проведении математических расчётов. Также к социально-гуманитарным наукам нередко относят географию, в частности, такие её ветви, как экономическая география и история географии. То есть многие естественные науки так или иначе пересекаются с социально-гуманитарными вследствие междисциплинарного теоретико-методологического аппарата. И здесь могут возникнуть свои трудности для научной популяризации, касающиеся как подбора форматов, так и разработки контента. Однако в любом случае основная проблема, с которой в этой связи сталкивается популяризатор, — как убедить зрителя или читателя, что ему нужна информация из той или иной области знания, как «заставить» его задержаться?

Проще всего с науками, чья практико-ориентированность очевидна, например, с правовыми. Достаточно сказать, что новые знания уберегут человека от штрафа и иных неприятностей в области нарушения закона или помогут защитить себя. Похожие методы убеждения гипотетически сработают также с экономикой и

политологией — в них акцент на пользе также вполне способен повысить коммуникативную эффективность. История может стать наукой для потенциально развлекательного контента. Её «уникальное преимущество» — в возможности необычной демонстрации исторических фактов. Парадоксальное историческое событие вполне может стать основой для яркого названия видеоролика, статьи, подкаста и проч., и тем самым привлечь внимание широкой общественности. Например, желание узнать, что скрывается за заголовком «Как украденное ведро привело к кровопролитной войне», очевидно, будет гораздо выше, чем заголовок «Конфликт между гвельфами и гибеллинами в Италии XIV века». Рядовой зритель с очень малой вероятностью знает, кто такие гвельфы и гибеллины, и эти слова воспримутся скорее как посторонний шум, в то время как ситуация с ведром абсурдная и относительно комичная.

Сложнее ситуация обстоит с культурологическими, филологическими и искусствоведческими науками. Культурологические и искусствоведческие науки в представлении широкой общественности порой, к сожалению, имеют репутацию «недонаук», изучение которых не несет в себе никакой необходимости. Согласно данным исследования Центра социального проектирования «Платформа», который проводил свою работу в партнерстве с ArtLife, 36 % россиян заявляют, что интересуются искусством, а 43 % полагают, что современное искусство непонятно [6]. Литературоведение — гуманитарная основа в школьной системе образования, вместе с тем, школьники подчас сложно воспринимают классические произведения, относятся к ним, как к чему-то скучному, малоинтересному и не стоящему внимания. Такое восприятие зачастую закрепляется. И в этом случае речь идёт уже не о привлечении аудитории к новому, которое потенциально можно подать как нечто полезное или интересное, а о корректровке изначально скептического отношения. А, как известно, исправить негатив на позитив — отдельная и значительно более сложная коммуникационная задача.

Сегодня благодаря техническому развитию появляются новые способы популяризации науки в общественно-гуманитарной сфере: научный театр, интерактивные научные музеи, научные кафе, научные фестивали, научные платформы, каналы в социальных сетях, онлайн-интервью ученых, подкасты и т. д. Исследователи отмечают, что наиболее перспективными формами популяризаторства являются организационно-

событийные и медийные мероприятия [3]. К первой форме относится все то, что заставляет человека заниматься чем-либо совместно: мастер-классы, демонстрации, публичные эксперименты. Медийная же форма включает в себя все то, что связано с получением контента из медиа. Именно медийная форма развивается на данный момент быстрее всего, она же отмечается, как наиболее перспективная. Тем более, что отдельный «вклад» в распространение интерактивных онлайн-музеев и онлайн-экскурсий внесла пандемия — находящиеся дома люди нуждались в

смене обстановки и новых, не бытовых знаниях и сегодня исследователи показывают, что многие форматы проведения такого «диванного» досуга стали культурной нормой [1]. Сегодня за счет развития Интернета и распространённости специальных технических средств стать популяризатором науки может не только человек, обладающий ученой степенью. Популяризировать науку может начать каждый, кто считает, что обладает достаточными для этого знаниями. Это, в свою очередь, ставит новые проблемы, связанные с надёжностью источника.

Литература

1. Андреева Ю. В. Коммуникативные особенности межпоколенного взаимодействия в семьях рабочих / Ю. В. Андреева // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. — Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2022. — С. 520—524. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49837763>.
2. Базовые (не) знания: научная грамотность населения в России и в мире // Экспертиза. — 2022. — 3 октября. — URL: <https://wciom.ru/expertise/bazovye-neznaniya-nauchnaya-gramotnost-naseleniya-v-rossii-i-v-mire>.
3. Дивеева Н. В. Рекреативная функция популяризации науки и формы ее реализации / Н. В. Дивеева // Известия вузов. Серия: Общественные науки. — 2014. — № 2(180). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreativnaya-funktsiya-populyarizatsii-nauki-i-formy-ee-realizatsii> (дата обращения: 09.03.2023).
4. Ильина И. Н. Популяризация российской науки и культуры (Наука и СМИ) / И. Н. Ильина // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. — М., 2013. — № 15. — С. 307.
5. История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // Аналитический обзор. — 2017. — 14 сентября. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud>.
6. Исследование // Новости. ТАСС. — 2020. — 22 сентября. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/9517523>.
7. Как науку делают популярной : интервью // Окна роста. НИУ ВШЭ. — 2020. — 13 мая. — URL: <https://okna.hse.ru/news/364415684.html>.
8. Кузнецов Д. Доверчивые умы. Почему популяризация науки способствует псевдонаучным убеждениям / Д. Кузнецов // Ведомости. — 2021. — 1 сентября. — URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/leisuretime/articles/doverchivye-umi-pochemu-populyarizatsiya-nauki-sposobstvuet-pseudonauchnim-ubezhdeniyam>.
9. Литературная газета. — 1953. — 24 марта. — С. 3.
10. Новый федеральный проект по популяризации науки и технологий поддержало экспертное сообщество // Новости. — 2022. — 5 октября. — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59406>.
11. Наука и жизнь. Мониторинг. — 2022. — 8 февраля. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-zhizn-monitoring>.
12. Почему необходимо просвещение... // Аналитический обзор ВЦИОМ. — 2022. — 2 августа. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-orasprostranennykh-zabluzhdeniyakh>.
13. Сидоров С. В. Чем опасна популяризация науки / С. В. Сидоров // Сидоров С. В. Сайт педагога-исследователя. — URL: http://si-sv.com/publ/popularizatsiya_nauki/27-1-0-726 (дата обращения: 10.03.2023).
14. Юревич А. Объяснение на уровне комикса / А. Юревич // Независимая газета. — 2007. — URL: https://www.ng.ru/science/2007-01-10/13_comics.html.
15. Я считаю, что популяризация науки — это обязанность учёного : интервью // ТАСС. — 2019. — 27 марта. — URL: <https://nauka.tass.ru/lyudi-i-veschi/6816056>.
16. Thomas C. O'Brien, Ryan Palmer, Dolores Albarracín. Misplaced trust: When trust in science fosters belief in pseudoscience and the benefits of critical evaluation // Journal of Experimental Social Psychology. 2021. Volume 96. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104184>, <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103121000871?via%3Dihub>.

**APPLIED ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF DOMESTIC SCIENTIFIC COMMUNICATION****Yu. V. Andreeva**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
yulia.andre@gmail.com**D. V. Rogova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
dv.rogova@yandex.ru

The article analyzes the applied aspects of the development of domestic scientific communication. Based on statistical data, supplemented by materials from a thematic selection of online and offline publications TASS, Vedomosti and Okna Growth, the problem of popularizing scientific knowledge for a wide range of the public is considered.

The authors reveal the actual and popular formats for presenting scientific information, the factors that cause semantic gaps on the way from the researcher to the final consumer of information. Particular attention is paid to the popularization of scientific ideas in the field of social sciences and the humanities.

The paper study the features of scientific popularization for the social sciences and humanities, concerning both the selection of formats and the specifics of content development. The conclusion is made about the prospects of holding organizational, event and media events for the development of external scientific communication oriented to a wide range of the public.

Key words: scientific communication, popularization of scientific knowledge, popularization of social sciences and humanities, organizational-event and media forms of science popularization.

References

1. Andreeva, Yu. V., Saraliev, Z. N. (2022) Kommunikativnye osobennosti mezhpokolennogo vzaimodeystviya v semyah rabochikh [Communication peculiarities of inter-generational cooperation in workers' families]. Kommunikativnye praktiki sovremennoy molodezhi: perspektivy i vyzovy. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, p. 520—524. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49837763>.
2. Bazovye (ne) znaniya: nauchnaya gramotnost naseleniya v Rossii i v mire [Basic (lack of) knowledge: scientific literacy of Russian citizens and in the world]. Ekspertiza, 03.10.2022. URL: <https://shhciom.ru/ehpertize/bazovye-neznaniya-nauchnaya-gramotnost-naseleniya-v-rossii-i-v-mire>.
3. Diveeva, N. V. (2014) Rekreativnaya funktsiya populyarizatsii nauki i formy ee realizatsii [Recreational function of popularization of science and forms of its realization]. Izvestiya vuzov. Ser.: Obshchestvennye nauki, 2(180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreativnaya-funktsiya-populyarizatsii-nauki-i-formy-ee-realizatsii> (access date: 09.03.2023).
4. Ilyina, I. N. (2013) Populyarizatsiya rossiyskoy nauki i kultury (Nauka i SMI) [Popularization of Russian science and culture]. Dokumentalnoe nasledie Rossii: teoriya i praktika sokhraneniya i ispolzovaniya nauchnykh fondov, (15), p. 307.
5. Istoriya strany: stavim "otlichno", v ume derzhim "neud" [History of the country: mark five, keep in mind unsatisfactory]. Analiticheskiy obzor, 14.09.2017. URL: <https://shhciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud>.
6. Issledovanie [Research]. Novosti, TASS, 22.09.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9517523>.
7. Kak nauku delayut populyarnoy: intervyyu [How theu popularize science: interview]. Okna rosta, NIU VSHE, 13.05.2020. URL: <https://okna.hse.ru/neshhs/364415684.html>.
8. Kuznetsov, D. (2021) Doverchivye umy. Pochemu populyarizatsiya nauki sposobstvuet psevdonauchnym ubezhdeniyam [Trustful minds. Why does popularization of science promote pseudoscientific principles]. Vedomosti, 01.09.2021. URL: [https://shhshshshh.vedomosti.ru/gorod/leisuretime/articles/doverchivie-umi-pochemu-populyarizatsiya-nauki-sposobstvuet-psevdonauchnim-ubezhdeniyam](https://shhshshhsh.vedomosti.ru/gorod/leisuretime/articles/doverchivie-umi-pochemu-populyarizatsiya-nauki-sposobstvuet-psevdonauchnim-ubezhdeniyam).
9. Literaturnaya gazeta [Literature paper]. 1953, 24 March, p. 3.
10. Novyj federalnyj proekt po populyarizatsii nauki i tehnologii podderzhalo ekspertnoe soobshchestvo [New federal law on popularization of science and technology was supported by expert community]. Novosti, 05.10.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/neshhs/novosti-ministerstva/59406>.
11. Nauka i zhizn [Science and life]. Monitoring, 08.02.2022. URL: <https://shhciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-zhizn-monitoring>.
12. Pochemu neobkhodimo prosveshchenie [Why is enlightenment necessary?]. Analyst review VCIOM, 02.08.2022. URL: <https://shhciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-organizatsionnykh-zabluzhdeniyakh>.

13. Sidorov, S. V. Chem opasna populyarizatsiya nauki [What is the danger of popularization of science?]. Sajt pedagoga-issledovatelya. URL: http://si-sv.com/publ/populjarizacija_nauki/27-1-0-726 (access date: 10.03.2023).
14. Yurevich, A. (2007) Obyasnenie na urovne komiksa [Explanation at the comica level]. Nezavisimaya gazeta. URL: https://shhshhshh.ng.ru/science/2007-01-10/13_comics.html.
15. Ya schitayu, chto populyarizatsiya nauki — eto obyazannost uchenogo: intervyyu [I think that popularization of science is the rwsponsibility of a scientist: interview]. TASS, 27.03.2019. URL: <https://nauka.tass.ru/ljudi-iveschi/6816056>.
16. Thomas C. O'Brien, Rjan Palmer, Dolores Albarracin, Misplaced trust: Shhhen trust in science fosters belief in pseudoscience and the benefits of critical evaluation, Journal of Ehperimental Social Psychology, Volume 96, 2021, <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104184>, <https://shhshhshh.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103121000871?via%3Dihub>.

Э. В. Егорова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Eleonor_63@mail.ru

А. В. Михеева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
nastyamv2003@icloud.com

ДИСКУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 (COVID-19). Пандемия привела к экстраординарным шагам правительств всех стран мира. Прекратилось международное транспортное сообщение, закрылись социальные объекты, произошло разобщение не только социальных, но и родственных связей. Это стало шокирующим событием для общества. В связи с этим резко ускорилась языковая динамика словообразования. Проблемы эпидемии породили новые речевые метафоры, лексические и словообразовательные новшества. В условиях разрыва социальных связей объединяющую общество роль взяли на себя Интернет, социальные сети, СМИ. В них развернулся не только активный дискурс на тему коронавируса, они стали ареной активного языкового творчества и адаптации общества к новым реалиям в социолингвистическом отношении. Резко возросшая активность потребителей интернет-контента и бесконтрольное распространение информации в медиaprостранстве привели к появлению невероятного количества фейков. В ходе коммуникации в медиадискурсе потребитель контента не только постигает информацию, но и конструирует ее, что приводит к массовому появлению новых лексико-семантических групп. Основой коммуникативности в период пандемии становится сетевой дискурс.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, новообразование, социальные сети, лексема, СМИ.

Основным событием 2020—2021 гг. стала пандемия COVID-19. Она продолжает оказывать колоссальное влияние на социальные аспекты жизни не только отдельного человека, но и общества в целом во всех странах мира и в 2022 году. Вероятно, это влияние сохранится еще не один год. В условиях принудительной изоляции и самоизоляции представления людей (знания, мнения) о пандемии, включающие широкий круг вопросов (от теории его происхождения, эффективных мер защиты до сроков окончания и долгосрочных последствий), стали триггером оживленного интернет-дискурса. В свою очередь интернет-дискурс стал активно формировать мнение людей в этой области.

Уровень и характер комментариев об эпидемии в СМИ и социальных сетях в значительной степени определяют реакцию людей на угрозу коронавирусного заболевания. В кризисной ситуации социальные сети осуществляют коммуникацию «люди → люди»: во время

вспышек коронавируса социальные сети выступали в роли каналов информации из первых рук. С их помощью общество могло получать информацию о течении пандемии и обмениваться ею с окружающими в режиме реального времени. Если традиционные, официальные СМИ не предоставляли актуальной и своевременной информации, то социальные сети служили основным источником информации [5].

Зеленин А. и Т. Буцева на основе анализа базы данных Integrum подсчитали количество вновь образованных словообразований, заимствований, семантических неологизмов, слов-композигов и разбили их на группы по частоте встречаемости. Чаще всего встречаются лексеммы, связанные с темой «коронавирусный больной», — *ковидоноситель, ковид-пациент, супер-спредер*. Авторы отмечают, что для этих лексем характерен переход в другие части речи (субстантивация) в газетно-медийных изданиях (*ковид-позитивный, самоизолированный*). На вто-

ром месте группа лексем, характеризующая дисциплинированных людей, соблюдающих требования врачей и властей (*самоизолятор, сидидомец, масочник*). Затем идут новообразования, обозначающие нарушителей правил карантина (*ковид-нарушитель, ковид-диссидент, погулянец*). Появление отдельной группы лексем вызвали паникеры, скупающие продукты питания, гигиенические и медицинские средства (*ковидалармист, ковид-паникер*). Далее идут люди, испытавшие на себе последствия карантина (*covid-безработный, удаленщик, застрянец*). Люди, выполняющие общественно полезную нагрузку в период карантина, вызвали появление таких лексем, как *ковироучер, covid-волонтер*.

Желание журналистов и медиаблогеров лексически заострить внимание на медицинских специалистах, в силу обстоятельств занимающихся лечением только коронавируса, привело к появлению таких лексем, как *карантиновед, ковидолог*. Активизировавшиеся в период пандемии нарушители закона вызвали появление небольшой группы лексем (*covid-мошенники, ковид-аферисты*). Очень редко встречаются лексем, обозначающие детей, зачатых в период нахождения родителей дома во время жесткой изоляции (*ковидбумер, ковиниал*).

Авторы делают вывод о том, что быстрая социолингвистическая реакция общества на пандемию SARS-CoV-2 обусловлена прежде всего массмедийными коммуникациями. В этом важную роль играет появление так называемой «твиттинговой» (устно-письменной) речи. В ней происходит слияние новых терминов, появившихся в средствах массовой информации, с непосредственными, спонтанными словесными реакциями участников блогов, социальных сетей, мессенджеров [3].

Анализируя различные массмедиа, в плане освещения течения коронавируса можно отметить изменение отношения к нему медиапотребителей. В конце 2019 года тема COVID-19 вышла на первое место в мире. Она освещалась мировыми СМИ в режиме «нон-стоп». Официальные источники давали скудную информацию, что привело к тому, что все медийное пространство заняли «фейкометы». Поэтому первую реакцию общественности на появление нового вируса можно определить как испуг и смятение. В итоге, пришлось бороться с двумя эпидемиями: COVID-19 и массовый психоз [6].

В большинстве медийных статей, сообщений (телевидение, радио, газеты, Интернет) появились новые лексико-семантические группы в

дискурсе о новой пандемии, основным компонентом которых стала лексема с семантикой «коронавирус». А. Кошкарова и Е. Скребнев, анализируя появление и изменение новых лексических единиц, определили динамику реакции людей на данную проблему. Использование СМИ лексем, которые характеризуют это явление как неизученное, отдаленное (новый коронавирус), за достаточно короткое время показывает, что люди стали воспринимать его как нечто обыденное, текущее и будущее мировое явление. Появляются лексем «коронавирусная эпоха», «посткоронавирусное будущее». Затем респонденты медийного пространства начинают формировать новое направление контента, имеющего юмористический, иногда саркастический характер (мемы, шутки, анекдоты о коронавирусе). Вектор отношения населения к коронавирусу постепенно меняется. Если сначала встречались только угрожающие лексем (*коронавирус добрался, угрожает, бушует*), то со временем лексем становятся нейтральными (*коронавирус затронул, коронавиральная обстановка стабилизируется, улучшается*). На фоне принятых правительством противоэпидемиологических мероприятий и примирения людей с новыми реалиями, в контенте дискурса СМИ появляются новые, положительные лексем (*коронавирус ускорил, стимулировал; определил цели, задачи, способы*) [4].

По мере затухания первой волны эпидемии отношение людей к вирусу становится более спокойным. Этому способствовало появление большого количества эвфемизмов в средствах массовой информации. Эвфемизмы призваны завуалировать неприятные, негативные слова. Так, например, *дистресс-синдром* означает угрожающее жизни состояние, а несущее прямой негатив слово *смерть* заменяют *летальным исходом*. Под нарушением репродуктивной функции подразумевают бесплодие [9].

По такой же «схеме» в России протекали пять волн коронавируса. Все началось с Уханьского штамма, затем были альфа, бета, гамма, дельта, на смену им пришел омикрон. Последний дал две новых разновидности — «кентавр» и «цербер» [8]. Мало кто знает, но в России насчитывается 139 штаммов SARS-CoV-2 [2]. Данный факт указывает на то, что потребители медиаресурсов либо мало интересуются дискурсом СМИ по этой теме, либо их успокаивают заявления официальных лиц. Например, А. Попова, глава Роспотребнадзора, заявила: «На прошлой неделе мы выявили два новых для России геноварианта — это BQ.1 и BQ.1.1 («цер-

бер». — РБК». Попова не исключила роста заболеваемости COVID-19 к концу осени, однако, по ее словам, «никаких мер ограничительных на сегодняшний день вводить не планируется» [1].

Коллектив авторов Петербургского института лингвистических исследований РАН создал словарь русского языка коронавирусной эпохи. Поиск неологизмов осуществлялся в средствах массовой информации, интернет-ресурсах, неологической базе института и крупнейшем медиабанке России «Интегрум». По итогам работы, словарь составил три тысячи пятьсот слов, ставшими инновациями времени пандемии коронавируса 2020—2021 гг. [7].

В заключение можно обозначить некоторые ключевые, на наш взгляд, моменты исследования. С 2020 года в дискурсе массовой информации ведущее место занимает тема пандемии коронавируса. В процессе проверки достоверности информации (верификация) включается потребитель медиаконтента. Любой человек — медиа. Резко воз-

росшая активность потребителей интернет-контента и бесконтрольное распространение информации в медиакосмосе привели к появлению невероятного количества фейков. В медиадискурсе в ходе коммуникации лингвистических объектов происходит их увеличение и трансформация, т. е. потребитель контента не только постигает информацию, но и конструирует ее, что приводит к массовому появлению новых лексико-семантических групп. Основой коммуникативности в период пандемии становится сетевой дискурс. В интернет-дискурсе можно четко выделить стадийность в отношении людей к коронавирусу. Начальная стадия — появление страха, потом стадия принятия неизбежного, затем у большинства населения сформировалось спокойное отношение к коронавирусу. По мере затухания пандемии интерес потребителей медиаресурсов к этой теме снижается. Это проявляется и в снижении количества новых словообразований, семантических неологизмов и лексем.

Литература

1. В России выявили штамм коронавируса «цербер». — URL: <https://www.rbc.ru/society/26/10/2022/6358f7959a79471a6f06c94d> (дата обращения: 28.10.2022).
2. В России — 139 штаммов коронавируса. Какие из них самые опасные? — URL: <https://www.pravmir.ru/v-rossii-139-shtamov-koronavirusa-kakie-iz-nih-samyie-opasnye> (дата обращения: 27.10.2022).
3. Зеленин А. В. От сидидомцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса) / А. В. Зеленин, Т. Н. Буцева // Русский язык в школе. — 2020. — Т. 81, № 6. — С. 97—106. — URL: <https://www.riash.ru/jour/article/viewFile/1433/1102> (дата обращения: 26.10.2022).
4. Кокшарова А. И. Изучение изменения дискурса о пандемии коронавируса на материале российского онлайн-журнала «Нож» / А. И. Кокшарова, Е. С. Скребнев // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии : материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 25 ноября 2020 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — С. 116—119. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/99050/1/978-5-7996-3246-5_030.pdf (дата обращения: 26.10.2022).
5. Кубрак Т. А. Информационная политика массовой информации в кризисных ситуациях / Т. А. Кубрак, В. В. Латынов // Психологическая газета. — URL: <https://psy.su/feed/8377> (дата обращения: 26.10.2022).
6. Пестова М. Е. Пандемия нового десятилетия: освещение темы коронавируса в СМИ / М. Е. Пестова, Е. А. Сафонов // Медиа среда. — 2020. — № 1. — С. 166—172. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-novogo-desyatiletija-osveschenie-temy-koronavirusa-v-smi> (дата обращения: 27.10.2022).
7. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая, Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.). — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с. — URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/78276278/_pdf.
8. Шаров Ф. Шесть явных симптомов «короны» штамма «кентавр» в сентябре 2022 года: как распознать, что всё-таки заразился ковидом, без теста / Ф. Шаров. — URL: <https://voennye-sanatorii.ru/news/simptomu-kovida-sentyabr.html> (дата обращения: 27.10.2022).
9. Белова М. С. Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных статей о коронавирусе) : выпускная квалификационная работа по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), Направленность программы бакалавриата «Английский язык. Иностраный язык» / М. С. Белова. — Челябинск, 2021. — URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/9609/Белова%20М.С.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 27.10.2022).

DISCOURSE OF SOCIAL PROBLEMS DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC**E. V. Egorova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Eleanor_63@mail.ru**A. V. Mikheeva**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
nastyamv2003@icloud.com

On March 11, 2020, the World Health Organization declared the coronavirus infection SARS-CoV-2 (COVID-19) a pandemic. The pandemic has led to the government's extraordinary steps around the world. International transport links were stopped, social facilities were closed, not only social, but also family ties were disconnected. This was a shocking event for society. In this regard, the language dynamics of word formation has sharply developed. The problems of the epidemic have given rise to new speech metaphors, lexical and word-building innovations. In the context of the rupture of social ties, the unifying role of society was taken over by the Internet, social networks, and the media. They not only unfolded an active discourse on the topic of coronavirus but also became the arena of active linguistic creativity and adaptation of society to new realities in sociolinguistic terms.

Key words: coronavirus, pandemic, neologism, social networks, lexical item, media.

References

1. V Rossii vyjavili shtamm koronavirusa "tserber". [A new strain of coronavirus was detected in Russia]. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/10/2022/6358f7959a79471a6f06c94d> (access date: 28.10.2022).
2. V Rossii — 139 shtammov koronavirusa. Kakie iz nih samye opasnye? [There are 139 strains of coronavirus in Russia. Which ones are the most dangerous?]. URL: <https://www.pravmir.ru/v-rossii-139-shtammov-koronavirusa-kakie-iz-nih-samye-opasnye> (access date: 27.10.2022).
3. Zelenin, A. V., Butseva, T. N. (2020) Ot sididomtsev do koronapofigistov (Naimenovaniya lits v period pandemii koronavirusa) [From the homestayors to corona blase people]. *Russkiy yazyk v shkole*, vol. 81, (6), p. 97—106. URL: <https://www.riash.ru/jour/article/viewFile/1433/1102> (access date: 26.10.2022).
4. Koksharova, A. I., Skrebnev, E. S. (2020) Izuchenie izmeneniya diskursa o pandemii koronavirusa na materiale rossiyskogo onlayn-zhurnala "Nozh" [Study of changing the discourse about coronavirus pandemic based on material of online magazine "Nozh"]. *Mir i pandemii: transformatsii, kommunikatsii, strategii: proceedings of All-Russian scientific and practical conference of scholars of Oxford Russian Fund (Yekaterinburg, 25 November, 2020)*. Yekaterinburg: Izdvo Ural. un-ta, p. 116—119. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/99050/1/978-5-7996-3246-5_030.pdf (access date: 26.10.2022).
5. Kubrak, T. A., Latynov, V. V. Informatsionnaya politika massmedia v krizisnykh situatsiyakh [Information policy of mass media in crisis situations]. *Psikhologicheskaya gazeta*. URL: <https://psy.su/feed/8377/> (access date: 26.10.2022).
6. Pestova, M. E., Safonov, E. A. (2002) Pandemiya novogo desyatiletia: osveshchenie temy koronavirusa v SMI [Pandemic of a new decade: coverage of the subject of coronavirus in mass media]. *Mediasreda*, (1), p. 166—172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-novogo-desyatiletia-osveshchenie-temy-koronavirusa-v-smi> (access date: 27.10.2022).
7. Slovar russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi [Russian language dictionary of coronavirus era]. Kh. Valter, E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Kozulina, V. M. Mokienco, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva, Yu. S. Ridetskaya E. S. Gromenko, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva. St. Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 550 p. URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/78276278/_pdf.
8. Sharov, F. (2022) Shest yavnykh simptomov "korony" shtamma "kentavr" v sentyabre 2022 goda: kak raspoznat, chto vse-taki zarazilsya kovidom, bez testa [Six symptoms of "corona" strain "centaur" on September 2022]. URL: <https://voennye-sanatorii.ru/news/simptom-y-kovida-sentyabr.html> (access date: 27.10.2022).
9. Belova, M. S. (2021) Evfemizmy v publitsisticheskoy diskurse (na materiale angloyazychnykh i russkoyazychnykh statey o koronavirusy) [Euphemisms in publicistic discourse (based on English and Russian articles on coronavirus)]. Graduation work, specialty 44.03.05. Pedagogical education. Profile "English language. Foreign language". Chelyabinsk. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/9609/Belova%20M.S.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (access date: 27.10.2022).

Н. А. Крашенинникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kna.73@mail.ru

ФЕНОМЕН МОЛОДЕЖИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одним из наиболее важных периодов в жизни человека является молодость. Это процесс становления личности, поиска собственной идентичности, формирования убеждений и ценностей. Молодежь является важной составляющей любого общества, от которой зависит его будущее. Однако в социологии отсутствует единое определение термина «молодежь». Более того, не существует и общепризнанных временных границ, которые бы ограничивали данное понятие. Исследования проблем молодежи показывают, что наиболее важными вопросами для современной молодежи являются материальное положение/доход, карьера, семья, стабильность, свобода и др. Согласно опросам, экономические, социальные и образовательные вопросы более важны для молодежи, чем проблемы политики. Социологи пытаются найти причины невысокой политической активности молодежи. Существует мнение, что многие молодые люди стремятся принять участие в общественной и политической жизни, но не обладают информацией о том, где и как они могут проявить себя. Очевидно, что сознательность молодых людей будет повышаться, если она будет вовлечена в процесс принятия решений, касающихся их самих. Несмотря на то, что образовательные учреждения пытаются вовлечь молодежь в разного рода активности, главным фактором, влияющим на социально-политическую активность, является их собственный интерес.

Ключевые слова: молодежь, социально-политическая активность, личность, политика, общество.

Жизнь человека состоит из разных периодов: младенчество, детство, юность, взрослость и старость. Молодость — один из наиболее значительных периодов в жизни человека, поскольку это процесс становления личности, от которого, в свою очередь, будет зависеть будущее общества. Молодость — это период перемен и поисков. Молодежь пытается найти свое эго, определиться как личность и идентифицировать свое место в обществе. Зачастую молодежь может быть непоследовательна в своих действиях, вступать в противоречия и конфликты с семьей и окружением. Достаточно часто молодые люди рассматриваются семьей и социальным окружением как проблемные.

Несмотря на очевидную важность молодежи в жизни любого общества, в социологии не существует единого определения данного термина. Словари и ученые предлагают множество определений понятий «молодежь» и «молодость». Все они дают характеристику молодежи и имеют достаточно важное значение. Так, в соответствии с определением ЮНЕСКО молодос-

тью принято называть период жизни человека, в течение которого он развивает свои способности и социальные навыки, необходимые для того, чтобы подготовить себя к финансовой независимости и ответственности, что является неотъемлемой частью взрослой жизни.

Начиная со второй половины XX века отечественные социологи стали выделять молодежь в отдельную категорию. Следовательно, были предприняты попытки дать определение этому понятию. Так, советский и российский социолог В. Т. Лисовский пишет, что молодёжь — это «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [3, с. 48]. Советский и российский социолог И. С. Кон предлагает свое определение молодежи: «Молодёжь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик,

особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [1, с. 85].

Суртаева В. Я. определяет молодежь как социальную возрастную группу молодых людей в возрасте до 30 лет. «С одной стороны, они несут в себе результаты влияния различных факторов, в целом представляют собой сформированные личности, а с другой стороны, их ценности остаются гибкими, подверженными различным влияниям. Жизненный опыт этой группы не богат, представления о морально-этических ценностях часто окончательно не определены» [7, с. 152].

Социологические словари также не дают единого определения термину «молодежь». В «Кратком социологическом словаре» молодежь определяется как «большая социальная группа, обладающая специфическими социально-демографическими характеристиками, ценностными ориентациями, мотивацией деятельности, направленностью социальной мобильности, особенностями включения в различные социально-стратификационные слои, конструированием жизненных планов, что определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое положение и духовный мир находятся в состоянии становления» [2]. В «Социологической энциклопедии» молодежь трактуется как «понятие современного социогуманитарного знания, используемое для обозначения совокупности индивидов, обладающих социопсихическими качествами, способствующими перманентной активной переоценке ими любых существующих в обществе ценностей (как правило, в контексте не их осмысления, а их разрушения либо конструктивного / неконструктивного преодоления)». Исходя из такого определения, молодежь является не столько возрастной, сколько особой социально-психологической и творческой категорией людей [6].

Ряд исследователей пытаются ограничить понятие «молодежь» возрастными рамками. Однако не существует общепризнанных возрастных границ для данной группы. Для статистических целей Организация Объединенных Наций,

без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет. Тем не менее в зависимости от устоев общества возрастные рамки молодежи варьируются от страны к стране. В соответствии с Постановлением «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации» к категории молодежи в России относятся граждане от 14 до 30 лет, однако 11 ноября 2020 года Государственная Дума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет (с 14 до 35 лет). В большинстве стран Евросоюза молодежным считается возраст от 14 до 30 лет, но есть исключения: в Каталонии век молодежи короче: с 16 до 29 лет, а в Валенсии, наоборот, дольше — с 12 до 30 лет [4]. В США к категории молодежи относятся граждане в возрасте от 14 до 29 лет. В Англии и Нидерландах молодежь не выделяют в отдельную группу, молодые люди объединяются в группу с детьми от рождения до 25 лет. В Германии, наоборот, очень четко разграничиваются возрастные рамки: ребенок — до 14 лет, подросток — 14—18 лет, молодой совершеннолетний человек — 18—22 года, молодой человек — до 27 лет.

Однако существуют и другие подходы, делающие акцент на том, что молодежь можно рассматривать как особый период жизни с уникальными психологическими, социальными, экономическими и политическими характеристиками, не ограничиваясь при этом возрастными рамками.

Молодежь хочет немедленного устранения неравенства и установления справедливости в обществе, независимо от существующих жизненных реалий. Их желание достичь своей цели настолько сильно, что они верят в простые решения. Также социологи обращают внимание на то, что молодые люди критически относятся ко всем моральным, религиозным, традиционным и политическим принципам, которых придерживаются их родители. Другими словами, мнение родителей постепенно обесценивается в глазах молодежи, а их авторитет неосознанно разрушается.

Молодежь, иногда не замечая этого, выступает той силой, которая способствует разрушению авторитета старшего поколения и, как следствие, падению авторитета значимых общественных фигур. Молодые люди, сталкиваясь с моральными и политическими ценностями общества, выдвигают собственные абстрактные принципы, которые, как они считают, были уничтожены старшими поколениями. Если принци-

пы, которых придерживается молодежь, не направить в нужное русло, они могут привести к социальному отчуждению и к формированию «отрицательной идентичности» [12]. Такое отчуждение может стать результатом раскола между «собственными» и общественными ценностями, что может обернуться социальным взрывом.

Существуют различные способы участия молодежи в политической деятельности. В демократических обществах политическая активность не ограничивается участием в выборах или голосованием. Социально ответственная молодежь будет стремиться понять политические процессы, совершенствовать навыки использования информационных технологий, принимать участие в деятельности СМИ, а также в добровольческой деятельности.

Участие молодежи в жизни любого современного общества играет важную роль. Можно наблюдать два противоположных феномена: социальная изоляция молодежи и вовлеченность молодежи в общественные процессы. Очевидно, что политика социальной интеграции не может быть успешной, если в ней не задействована молодежь [11, с. 17]. Социальная интеграция подразумевает участие в общественной жизни лиц, участие которых может быть затруднено такими причинами, как бедность, отсутствие образования, религия, язык и раса. Кроме того, молодежь также считается одной из малопривлекательных групп, испытывающих сложности социальной интеграции.

Исследования проблем молодежи показывают, что наиболее важными вопросами для современной молодежи являются материальное положение/доход, карьера, семья, стабильность, свобода и др. Опросы констатируют, что экономические, социальные и образовательные вопросы более важны для молодежи, чем проблемы политики [5].

Социологи пытаются найти причины невысокой политической активности молодежи. Существует мнение, что многие молодые люди стремятся принять участие в общественной и политической жизни, но не обладают информацией о том, где и как они могут проявить себя. Очевидно, что сознательность молодежи будет повышаться, если она будет вовлечена в процесс принятия решений, касающихся их самих. Участие молодых людей в общественно-политической жизни страны даст им богатый опыт, позволит реализовать политические права и стать более демократичными. Однако для повышения сознательности молодежи необходимо

повысить и сознательность старшего поколения [10, с. 21—30].

В первую очередь необходимо обеспечить молодежи доступ к информации, которая позволит им повысить свою политическую и социальную активность. Более того, молодые люди должны на практике приобрести навыки принятия решений и умение брать на себя ответственность за совершенные поступки. Именно это может помочь им стать активными и влиятельными гражданами [8, с. 85]. В 1977 году компания Straddling (США) провела исследование под названием «Политическая осведомленность выпускников школ», которое показало, что у большинства молодых людей отсутствует достоверная информация о местных, национальных и международных проблемах [13, с. 182].

Несомненно, что современные условия и возможности доступа к информации значительно отличаются от того, что было несколько десятилетий назад. В настоящее время доступ молодежи к различного рода информации практически безграничный. Например, школа по праву может считаться местом, где молодых людей готовят к жизни и дают теоретические знания о правах человека, демократии и участии каждого гражданина в общественно-политической жизни страны.

Одновременно исследование показывает, что хотя воспитание гражданственности, проводимое в школах и других учебных заведениях, повышает уровень знаний о возможности участия в общественно-политической жизни страны, молодежь не проявляет к этому интереса и не стремится к такому участию [18, с. 337].

Тем не менее образовательные учреждения остаются наиболее подходящим местом для получения знаний о возможности участия в общественно-политической жизни страны. Школа или вуз могут стать площадкой проявления активностей и укрепления мировоззрения [14, с. 37].

Социологи исследовали влияние образовательных учреждений на социальную активность учащихся. С одной стороны, было обнаружено, что активное участие молодежи в общественно-политической жизни общества — это следствие индивидуальных интересов; с другой стороны, предоставление молодежи политической информации и возможности участвовать в различных мероприятиях побуждает ее играть более активную роль в политике [19, с. 149]. При этом главным фактором, влияющим на социально-политическую активность, является их собственный интерес. Уровни интереса модели ак-

тивности могут различаться в зависимости от пола, уровня образования и места жительства молодежи [15, с. 428—434]. Чтобы повысить интерес молодых людей к общественно-политической жизни и участию в политических процессах, необходимо привлекать политиков к работе с молодежью и предоставлять молодым людям реальную возможность участия в политической жизни региона [17]. Интерес и знание — два важных фактора, влияющих на активность индивида. Именно недостаток информации и политическая апатия определяют активность молодежи и считаются основными показателями низкого уровня участия молодых людей в выборах [16, с. 266].

Современные технологии позволяют передавать и доставлять информацию множеством различных способов. Среди этих способов СМИ являются наиболее важными. Молодежь считается основным потребителем информации, производимой СМИ. Чтобы информация воспринималась молодыми людьми более позитивно, предлагается вовлекать их в работу средств массовой информации. Это согласуется с идеей ЮНЕСКО о том, что молодежь должна быть активным участником средств массовой информации, а не пассивным их клиентом [9]. На данный момент вовлеченность в работу СМИ признана самым эффективным средством повышения активности и информированности молодежи.

Литература

1. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — Москва : Политиздат, 1987. — 366 с.
2. Краткий социологический словарь. — URL: <https://rus-soc-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 07.11.2022).
3. Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки / В. Т. Лисовский. — Москва : Мысль, 1990. — 216 с.
4. Поколения X, Y, Z. Молодежь и молодежная политика в Европе. — URL: <https://www.solidarnost.org/articles/rokoleniya-x-y-z.htm> (дата обращения: 06.11.2022).
5. Проблемы подростков и проблемы молодежи: почему важна поддержка со стороны? — URL: <https://inpramed.ru/blog/detail/problemu-podrostkov-i-problemy-molodezhi-pochemu-vazhna-podderzhka-so-storony> (дата обращения: 06.11.2022).
6. Социологическая энциклопедия. — URL: <https://rus-social-enc.slovaronline.com/638-молодежь> (дата обращения: 07.11.2022).
7. Суртаев В. Я. Молодежь и культура / В. Я. Суртаев. — СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та культуры и искусств, 1999. — 224 с.
8. Arches J., Fleming J. Young people and social action: youth participation in The United Kingdom and United States. *New Directions for Youth Development*. — 2006. — P. 81—90.
9. Asthana S. (2006). Innovative practices of youth participation in media. UNESCO. — 2006. — 74 p.
10. Checkoway B., Schuster K. R. Youth participation in community evaluation research // *American Journal of Evaluation*. — 2003. — Vol. 24 (1). — P. 21—33.
11. Edwards K. Social inclusion and youth participation: a new deal for Australia's young people? // *Youth Studies Australia*. — 2008. — Vol. 27 (2). — P. 11—17.
12. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. W. W. Norton; 1st edition. — 1968. — 336 p.
13. Farthing R. The politics of youthful antipolitics: representing the 'issue' of youth participation in politics // *Journal of Youth Studies*. — 2010. — Vol. 13 (2). — P. 181—195.
14. Fournier B., Reuchamps M. Youth political interest, political participation, and civic education in French-speaking Belgium. *Civic Education and Political Participation Workshop, Université de Montréal*. — 2008. — P. 1—47.
15. Gaiser W., De Rijke J., Spanning R. Youth and political participation, empirical results for Germany within a European context // *Nordic Journal of Youth Research*. — 2010. — Vol. 18(4). — P. 427—450.
16. Gauthier M. The inadequacy of concepts: the rise of youth interest in civic participation in Quebec // *Journal of Youth Studies*. — 2003. — Vol. 6 (3). — P. 265—276.
17. Molloy D., White C., Hosfield N. Understanding youth participation in local government a qualitative study final report. *National Centre for Social Research*. — 2002. — 78 p.
18. Print M. Citizenship education and youth participation in democracy // *British Journal of Educational Studies*. — 2007. — Vol. 55 (3). — P. 325—345.
19. Quintelier E. The effect of schools on political participation: a multilevel logistic analysis // *Research Papers in Education*. — 2010. — Vol. 25 (2). — P. 137—154.

YOUTH PHENOMENON: DEFINITION AND MAIN CHARACTERISTICS**N. A. Krasheninnikova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kna.73@mail.ru

Youth is one of the most important periods in the life of any person. This is the time, when young people are searching for their own identity, forming beliefs and values. Youth is an important component of any society. Everyone agrees that the future of every country depends on the youth. However, in sociology there is no single definition of the term 'youth'. Moreover, there are no generally recognized time limits that would frame this concept. Studies of youth problems show that the most important issues for today's youth are financial status / income, career, family, stability, freedom, etc. Opinion polls prove that economic, social and educational issues are more important for young people than political ones. Sociologists are trying to find the reasons for the low political activity of young people. There is an opinion that many young people aspire to take part in public and political life, but do not have information about where and how they can do it. It is obvious that the consciousness of young people will be raised if they are involved in the decision-making process concerning themselves. Despite the fact that educational institutions are trying to involve young people in various activities, the main factor influencing social and political activity is the interest of a person.

Key words: youth, social and political activity, personality, politics, society.

References

1. Kon, I. S. (1987) *V poiskakh sebya: lichnost i ee samosoznanie* [In search of yourself: Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat, 366 p.
2. *Kratkiy sotsiologicheskii slovar* [Brief sociological dictionary]. URL: <https://rus-soc-dict.slovaronline.com> (access date: 07.11.2022).
3. Lisovskiy, V. T. (1990) *Sovetskoe studenchestvo. Sotsiologicheskie ocherki* [Soviet students. Sociological essays]. Moscow: Mysl, 216 p.
4. Pokoleniya X, Y, Z. *Molodezh i molodezhnaya politika v Evrope* [Generations X, Y, Z. Youth and youth policy in Europe]. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/pokoleniya-x-y-z.htm> (access date: 06.11.2022).
5. *Problemy podrostkov i problemy molodezhi: pochemu vazhna podderzhka so storony?* [Problems of adolescents and youth: why is outside support important?]. URL: <https://inpramed.ru/blog/detail/problemy-podrostkov-i-problemy-molodezhi-pochemu-vazhna-podderzhka-so-storony> (access date: 06.11.2022).
6. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological encyclopedia]. URL: <https://rus-social-enc.slovaronline.com/638-molodezh/> (access date: 07.11.2022).
7. Surtaev, V. Ya. (1999) *Molodezh i kultura* [Youth and culture]. St. Petersburg, 224 p.
8. Arches, J., Fleming, J. (2006). Young people and social action: youth participation in The United Kingdom and United States. *New Directions for Youth Development*, p. 81–90.
9. Asthana, S. (2006). Innovative practices of youth participation in media. UNESCO, 2006. 74 p.
10. Checkoway, B., Schuster, K. R. (2003). Youth participation in community evaluation research. *American Journal of Evaluation*, 24 (1), p. 21–33.
11. Edwards, K (2008). Social inclusion and youth participation: a new deal for Australia's young people? *Youth Studies Australia*, 27 (2), p. 11–17.
12. Erikson, E. *Identity: Youth and Crisis*. W.W. Norton, 1st edition, 1968, 336 p.
13. Farthing, R. (2010). The politics of youthful antipolitics: representing the 'issue' of youth participation in politics. *Journal of Youth Studies*, 13 (2), p. 181–195.
14. Fournier, B., Reuchamps, M. (2008). Youth political interest, political participation, and civic education in French-speaking Belgium. *Civic Education and Political Participation Workshop, Université de Montréal*, p. 1–47.
15. Gaiser, W., De Rijke, J., Spannring, R. (2010). Youth and political participation, empirical results for Germany with in a European context. *Nordic Journal of Youth Research*, 18(4), p. 427–450.
16. Gauthier, M. (2003). The inadequacy of concepts: the rise of youth interest in civic participation in Quebec. *Journal of Youth Studies*, 6 (3), p. 265–276.
17. Molloy, D., White, C., Hosfield, N. (2002). *Understanding youth participation in local government a qualitative study final report*. National Centre for Social Research, 78 p.
18. Print, M. (2007). Citizenship education and youth participation in democracy. *British Journal of Educational Studies*, 55 (3), p. 325–345.
19. Quintelier, E. (2010). The effect of schools on political participation: a multilevel logistic analysis, *Research Papers in Education*, 25(2), p. 137–154.

А. В. Федулова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kafregion@mail.ru

И. В. Талина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
talapril@yandex.ru

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

Статья посвящена энергетическому фактору, который играет весомую роль в мировой политике, не уступая по значимости военному или политическому. Энергетический рынок сегодня превращается в механизм, с помощью которого страна может оказывать воздействие на мировые политические процессы, что делает энергетическую политику одним из главных средств и методов реализации национальных интересов. Многие национальные экономики опираются исключительно на энергетический сектор, поэтому прогнозы развития государства связывают только с этим сектором. Развитие мирового энергетического рынка в первую очередь зависит от внутренних процессов в стране и мире, от поведения его основных участников.

Россия сегодня играет весомую роль на глобальном энергетическом рынке как крупнейший экспортер энергоресурсов. Главными задачами энергетической дипломатии нашей страны выступают протекция отечественных интересов в рамках мирового сообщества по энергетике, гарантия стабильности в целях эффективного международного сотрудничества для развития своей экономики, сохранение её геополитического влияния.

Ключевые слова: энергетический фактор, энергетические ресурсы, возобновляемые источники энергии, энергетическая политика, механизмы энергетической дипломатии, мировая энергетическая система, энергетическая безопасность.

С конца XX века, когда энергетические ресурсы стали двигателем глобального прогресса в экономике, все более весомым становится новое направление политики государств — энергетическое. Энергетический рынок превращается в механизм, с помощью которого страна может оказывать воздействие на мировые политические процессы, что делает энергетическую политику одним из главных средств и методов реализации национальных интересов. Борьба за энергетические ресурсы как базу благополучия государства становится составляющей международных отношений.

Сегодня энергетический фактор играет весомую роль в мировой политике, не уступая по значимости военному или политическому. В условиях глобализации происходит динамичное становление институтов мировой энергетической политики и механизмов энергетической дипломатии, глобальный характер приобретает вопрос гарантирования энергетической без-

опасности. К сожалению, в последнее время превалирует тенденция к решению энергетических вопросов с опорой на политику, а не на экономическое сотрудничество. В текущих условиях, вследствие влияния пандемии COVID-19 и осложнения мировой геополитической ситуации, связанного с началом СВО на Украине, глобальная энергетическая система находится в состоянии неопределенности.

При этом все громче звучат доводы о необходимости глобального переустройства энергетического сектора, стремления к реализации «зеленой экономики», низкоуглеродного энергетического перехода и т. д. Проблема обеспечения энергетической безопасности в контексте устойчивого развития и заботы об экологии остро стоит перед мировой экономикой. Давление на сектор традиционной экономики продолжает усиливаться, «зеленый тренд» набирает обороты, возобновляемые источники энергии (ВИЭ) получают все более значительную финансовую,

нормативно-правовую и политическую поддержку, что несет в себе очевидные угрозы государствам, которые зависят от экспорта ископаемого топлива и не адаптируются к переходу на ВИЭ. Реализация «зеленого тренда» ведет к глобальным изменениям на геополитической арене. Эксперты Международного агентства по возобновляемой энергетике (IRENA) полагают, что «энергетическая трансформация изменит отношения между государствами и будет способствовать фундаментальным структурным изменениям в экономике и обществе» [9].

Таким образом, можно констатировать, что сегодня мировая энергетика переживает период необратимой трансформации. Энергетический переход становится составляющей политической повестки многих стран. Все это в условиях обостряющейся глобальной конкуренции в мировой энергетике несет очевидную угрозу для России, чья экономическая мощь базируется на экспорте энергоресурсов (в России генерация ВИЭ на сегодняшний день незначительна — порядка 0,2 %) [11, р.]. Неудивительно, что «энергетическая дипломатия», под которой понимается гарантия своих энергетических интересов дипломатическими методами и методами международного сотрудничества, в последнее десятилетие твёрдо стала частью как международной, так и российской политики.

Тем не менее, несмотря на постоянно растущий интерес к ВЭИ, нефть, газ, уголь сегодня остаются ведущими видами топлива в мировой экономике, и цены на них достаточно высоки, что делает добычу рентабельной. Таким образом, рассматривая энергетическую политику как одно из главных средств и методов реализации национальных интересов, следует констатировать, что энергетический потенциал государств и в XXI веке играет стратегически важную роль. Согласно прогнозам МЭА, мировой спрос на энергию вырастет на одну треть за 2015—2040 годы, прежде всего в странах, не являющихся членами ОЭСР.

Основные причины такого спроса:

- 1) рост численности населения с 7,3 млрд в 2016 году до 9 млрд к 2040 году;
- 2) прогнозируемый рост мировой экономики на 150 % за тот же период времени;
- 3) тенденция расширения масштабов урбанизации и мобильности [16].

В 2018 году потребление первичной энергии в мире выросло на 2,9 %, почти вдвое превысив средние показатели за 10 лет — 1,5 % в год, и стало самым быстрым с 2010 года. Рост потребления топлива был обусловлен природ-

ным газом, который обеспечил более 40 % прироста. При этом показатели увеличивались у всех видов топлива и росли быстрее, чем их средние показатели за 10 лет, за исключением возобновляемых источников энергии. Мировая добыча нефти выросла на 2,2 миллиона баррелей в сутки [11, р. 2]. За следующие сложные для мировой экономики три года объем потребления первичной энергии вырос на 1,3 % [13, р. 3].

В страновом разрезе более двух третей глобального роста спроса на энергию пришлось на Китай, США и Индию вместе (с ростом потребления в США самым быстрым темпом за 30 лет). Растущие мощности Китая заставляют его проявлять интерес к альтернативным источникам, например, к африканской энергетике [1].

Все страны демонстрируют стабильный рост потребления энергоресурсов. Растет и общее мировое потребление. В частности, если в 2010 году в мире потреблялось 88,54 млн барр. в день, то в 2017 году — уже 98,19 млн барр. [10]. При этом даже пандемия коронавируса, губительно сказавшаяся на мировой экономике и мировых энергетических рынках в целом (мировое потребление первичной энергии снизилось в 2020 году на 4,5 % относительно 2019 года, показав самое большое снижение с 1945 года), не смогла остановить рост сектора возобновляемой энергетике [12, р. 1].

Вообще, если говорить о развитии мировой энергетике, то за последние 20 лет можно выделить два периода, отличающиеся значительными различиями: 1999—2014 гг. и с 2014 года по настоящее время. Первый период характеризовался высокими ценами на нефть, в условиях которых основные потребители энергоресурсов старались экономить и интенсифицировать освоение нетрадиционных источников энергии. С 2014 года по настоящее время мировая нефтегазовая отрасль в значительной степени перестраивается с целью повышения технологической эффективности.

В целом колоссальные изменения в энергетическом секторе очевидны и проявляются в следующем:

- рост добычи сланцевых нефти и газа (прежде всего в США), что оказывает серьезное воздействие на энергетическую геополитику;
- ускоренный рост производства СПГ и, как следствие, рост доступности данного вида топлива;
- динамичное развитие и внедрение ВИЭ, усиленное финансирование данной сферы энергетике;

- наращивание объема распределенной генерации;
- ускоряющиеся и усиливающиеся изменения в энергетической индустрии под воздействием факторов инновационного развития (цифровизация, ИИ, создание технологий накопления и хранения энергии и пр.) [6].

Конкуренция в сфере энергетики сегодня значительно возросла. Д. Трамп провозгласил курс США на энергетическое доминирование в мире. В 2017 году США впервые с 1957 года стали нетто-экспортерами природного газа и приблизились к аналогичному статусу в нефтяной сфере [17]. Следует помнить, что сегодняшняя дестабилизация и хаотизация Ближнего Востока по большей части — последствия американской политики в регионе. Стремление Америки к энергетическому доминированию заставило страны, которые значительно зависят от импорта энергоресурсов, серьезно заняться проблемами диверсификации своих экономик.

Для нашей страны проблема энергетического фактора чрезвычайно актуальна. Россия сегодня играет весомую роль на глобальном энергетическом рынке как крупнейший экспортер энергоресурсов, координируя свои действия (с 2008 года) с ОПЕК и в рамках Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ). В то же время энергетический сектор должен адаптироваться к возникающим рискам (цены, декарбонизация энергетики и прочее). Главными задачами энергетической дипломатии нашей страны выступают протекция отечественных интересов в рамках мирового сообщества по энергетике, гарантия стабильности в целях эффективного международного сотрудничества для развития своей экономики, сохранение её геополитического влияния [7].

Последовательные попытки США дискредитировать Россию как поставщика энергоносителей, противодействие развитию энергетических проектов нашей страны («Северный поток-2», поставки газа в Европу и прочее), продвижение своих интересов на мировых энергетических рынках в последнее десятилетие вели к нарастанию экономической конкуренции и политического противостояния.

Нефтепроводы и газопроводы Российской Федерации традиционно ориентировались на европейские государства. Но поскольку в последнее время Запад оказывал давление на Россию (энергетическую дипломатию нашего государства рассматривали в качестве «энергетического шантажа» или сравнивали с гонкой вооружений — «энергогонка»), наша страна

решила изменить маршруты транспортировки энергетических ресурсов и переориентировалась на Азиатско-Тихоокеанский регион.

В 2017 году группа «Газпром» поставила в 22 европейские страны 194,4 млрд куб. м газа [4]. В 2022 году в условиях СВО на Украине поставки российского газа в Европу сократились на 50 %, до 83 млрд куб. м, до самого низкого уровня с середины 1980-х [14, р. 42]. «Газпром» прекратил поставки газа в ряд стран — членов ЕС после их отказа придерживаться новой платежной системы (оплаты в рублях). В результате действия санкций и планомерного отказа Европы от российских энергоресурсов доля российского газа на европейском рынке сократилась с 45 % в 2021 году до 7,5 % в 2022 году [5].

Европа пытается решить проблемы энергетического кризиса в рамках инициированного в мае 2022 года Э. Макроном и получившего большую поддержку проекта Европейского политического сообщества, первый саммит которого состоялся уже 6 октября 2022 года в Праге, но без заметных результатов. Следующий саммит назначен на 1 июня 2023 года (в Кишинёве), в его повестку входят вопросы укрепления системы европейской безопасности в целом и расширение сотрудничества в энергетической сфере в частности [2, с. 10].

Следует констатировать, что многочисленные глобальные вызовы и геополитическая неопределенность ставят перед российским энергетическим сектором новые задачи: поиск новых партнеров, решение проблем развития экспортных отраслей экономики, технологическое развитие сектора.

В рамках решения данных задач следует упомянуть результативное сотрудничество с ОПЕК. Соглашение ОПЕК+ (декабрь 2016 года), где видную роль сыграли РФ и КСА (вместе — 26 % мировой нефтедобычи), доказало свою успешность. Обязательства (сокращение суммарной добычи на 1,8 млн барр./сут.) были выполнены в полном объеме, рынок сбалансирован. В целом рост за два года составил 62 % [3, с. 88].

Соглашение ОПЕК+ завершилось в конце марта 2020 года. С продлением возникли сложности, так как наша страна и КСА договориться об условиях продолжения сотрудничества не смогли. Россия вышла из сделки, надеясь, что это принесет нашей энергетике выгоду, однако сделано это было в крайне неудачный момент. Рынок практически обвалился на фоне пандемии коронавирусной инфекции и вызванного ею снижения потребительского спроса на энерго-

ресурсы, цены на нефть достигли исторического минимума (22 долл. за баррель). В условиях провала рынка КСА скупала акции европейских нефтяных кампаний в расчете на их рост после восстановления рынка.

8 апреля 2020 года КСА и Россия смогли договориться о контурах исторической сделки по борьбе с кризисом [15]. При этом условия сделки для нашей страны были хуже, чем те, что предлагались до срыва соглашения ОПЕК+ в марте. Такова цена «борьбы со сланцами» и постоянно обостряющейся конкуренции на энергетическом рынке.

3 апреля 2023 года вышло новое решение ОПЕК+ по сокращению объемов производства (порядка 1,66 млн барр. в сутки). Следствием данных мер может стать дефицит нефти на мировой рынке и рост цен. Для России участие в данном соглашении является, во-первых, свидетельством отсутствия международной изоляции в противовес тому, как стремится выставить текущую ситуацию коллективный Запад. Во-вторых, в данном соглашении реализуются конкретные национальные интересы России: в частности, задача монетизации углеводородов и стремление продемонстрировать основным покупателям нашей нефти, прежде всего Индии, Китаю и Турции, что сохранение экспорта до-санкционных объемов для нас не самоцель [8].

В целом перед Россией в текущих реалиях внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации с очевидностью стоит задача обновления энергетической политики. Выпадающие доходы бюджета от экспорта энергоресурсов должны быть замещены из других источников.

Таким образом, можно констатировать, что надежное и стабильное энергоснабжение — одна из самых сложных и важных проблем мирового сообщества. Сложность этого вопроса обусловлена различной мерой обеспеченности стран энергетическими ресурсами, а также ресурсами для их переработки и транспортировки. Для энергетической безопасности сегодня важны согласованные действия международного сообщества. Открываются новые источники энергии, разрабатываются новые технологии, обостряется конкуренция на мировом энергетическом рынке.

Главной задачей ресурсно-энергетической дипломатии России в условиях, когда энергетический фактор постоянно наращивает свою значимость в рамках международной политики, является формирование системы энергобезопасности, основывающейся на балансе интересов стран-производителей и стран-потребителей, при гарантии собственных национальных интересов.

Литература

1. Африканские аппетиты Пекина, или почему Китай инвестировал в Африку почти в 20 раз больше, чем в Россию // Южный Китай. Особый взгляд. 28.01.2017 (The African appetites of Peking or why China invested into Africa almost 20 times more than into Russia) (In Russ.). — URL: <http://www.south-insight.com/A?language=ru>.
2. Гуселетов Б. П. Будущее Европейского политического сообщества: приоритет идеологии или геополитики / Б. П. Гуселетов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — № 1. — С. 7—16.
3. Иванов А. С. Современный этап развития мировой энергетики / А. С. Иванов, И. Е. Матвеев // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — № 3. — С. 87—100.
4. История поставок советского и российского газа в Европу. 05.06.2018 // Коммерсант. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3650812>.
5. Родионов М. «Европа собирается с силами». В ЕС придумали, как покупать газ не у России и без переплаты. 7 марта 2023 г. / М. Родионов. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/07/16360501.shtml>.
6. Фазельянов Э. М. Глобальная энергетическая безопасность / Э. М. Фазельянов // Восточная аналитика. — 2020. — № 1. — С. 110—124.
7. Энергетическая стратегия России до 2030 года / Министерство энергетики РФ. — URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
8. Юшков И. ОПЕК+ сокращает добычу. 20 апреля 2023 / И. Юшков // РМЦД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opek-sokrashchaet-dobychu>.
9. A New World. The Geopolitics of the Energy Transformation: Report by the Global Commission on the Geopolitics of Energy Transformation / IRENA, Abu Dhabi, 11 January 2019. — 94 p. — URL: https://www.irena.org//media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Jan/Global_commission_geopolitics_new_world_2019.pdf?rev=a12555f7a34b4258bf70de9cb9ca654c.

10. BP Statistical Review of World Energy 2018. — 67th edition. — 56 p. — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>.
11. BP Statistical Review of World Energy 2019. — 68th edition. — 64 p. — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>.
12. BP Statistical Review of World Energy 2021. — 70th edition. — 72 p. — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>.
13. BP Statistical Review of World Energy 2022. — 71th edition. — 60 p. — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>.
14. Gas Market Report, Q1-2023. — 60 p. — URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/c6ca64dc-240d-4a7c-b327-e1799201b98f/GasMarketReportQ12023.pdf>.
15. Saudis, Russia Agree on Contours of Historic Deal to Fight Slump. Bloomberg. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/staggering-demand-losses-boost-pressure-on-opec-to-cut-output?srnd=premium-europe>.
16. Wyman O., Marsh & McLennan's Global Risk Center, and the World Energy Council. Defining Measures to Accelerate the Energy Transition // World Energy Trilemma 2016. — URL: https://www.worldenergy.org/wp-content/uploads/2016/05/World-Energy-Trilemma_full-report_2016_web.pdf.
17. U. S. Energy Information Administration. — URL: <https://www.eia.gov/naturalgas/data.php#imports>.

ENERGY FACTOR IN WORLD POLITICS

A. V. Fedulova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kafregion@mail.ru

I. V. Talina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
talapril@yandex.ru

This article deals with the energy factor, which plays a significant role in world politics. It is as important as military political potential. Today the energy market is turning into a mechanism by which a country can influence global political processes, which makes energy policy one of the main means and methods for realizing national interests. Many national economies rely exclusively on the energy sector, so the forecasts for the development of the state are associated only with this sector.

First of all, the energy market depends on the behavior of its main participants and internal processes taking place in the economies of exporting and importing countries of energy resources, on the level of their economic development.

Russia today plays a significant role in the global energy market as the largest exporter of energy resources. The main tasks of the energy diplomacy of our country are the protection of domestic interests in connection with the world energy community, the guarantee of stability for the purpose of effective international cooperation for the development of our economy, and the preservation of its geopolitical influence.

Key words: energy factor, energy resources, renewable energy sources (RES), energy policy, mechanisms of energy diplomacy, global energy system, energy security.

References

1. Afrikanskie appetity kitaya, ili pochemu Kitay investiroval v Afriku v 20 raz bolshe, chem v Rossiyu [Beijing's African appetites, or why China has invested almost 20 times more in Africa than in Russia]. Southern China. Special look. 01.28.2017 (The African appetites of Peking or why China invested into Africa almost 20 once more than into Russia). URL: <http://www.south-insight.com/A?language=en>.
2. Guseletov, B. P. (2023) Budushee Evropeyskogo politicheskogo soobshchestva: prioritet ideologii ili geopolitiki [The Future of the European Political Community: Priority of Ideology or Geopolitics]. Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN, (1), p. 7—16.
3. Ivanov, A. S., Matveev, I. E. (2019) Sovremennyy etap razvitiya mirovoy energetiki [The current stage in the development of world energy]. Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik, (3), p. 87—100.

4. Istoriya postavok sovetского i rossiyskogo gaza v Evropu. 05.06.2018 [History of deliveries of Soviet and Russian gas to Europe. 06.05.2018]. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3650812>.
5. Rodionov, M. "Evropa sobiraetsya s silami". V ES pridumali, kak pokupat gaz ne u Rossi ii bez pereplaty. 7 marta 2023 ["Europe is gathering strength." The EU has figured out how to buy gas not from Russia and without overpayment. March 7, 2023]. Newspaper. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/07/16360501.shtml>.
6. Fazelyanov, E. M. (2020) Globalnaya energeticheskaya bezopasnost [Global energy security]. Vostochnaya analitika, (1), p. 110—124.
7. Energeticheskaya strategiya Rossii do 2023 goda [Energy strategy of Russia until 2030]. Ministry of Energy of the Russian Federation. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
8. Yushkov, I. (2023) OPEK+ sokraschaet dobychu [OPEC+ reduces production]. RMSD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opek-sokraschaet-dobychu>.
9. A New World. The Geopolitics of the Energy Transformation: Report by the Global Commission on the Geopolitics of Energy Transformation / IRENA, Abu Dhabi, 11 January 2019. 94 p. URL: https://www.irena.org/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Jan/Global_commission_geopolitics_new_world_2019.pdf?rev=a12555f7a34b4258bf70de9cb9ca654c.
10. BP Statistical Review of World Energy 2018. 67th edition. 56 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>.
11. BP Statistical Review of World Energy 2019. 68th edition. 64 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>.
12. BP Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition. 72 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>.
13. BP Statistical Review of World Energy 2022. 71th edition. 60 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>.
14. Gas Market Report, Q1-2023. 60 p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/c6ca64dc-240d-4a7c-b327-e1799201b98f/GasMarketReportQ12023.pdf>.
15. Saudis, Russia Agree on Contours of Historic Deal to Fight Slump. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/staggering-demand-losses-boost-pressure-on-opek-to-cut-output?srnd=premium-europe>.
16. Wyman, O., Marsh & McLennan's Global Risk Center, and the World Energy Council. Defining Measures to Accelerate the Energy Transition // World Energy Trilemma 2016. URL: https://www.worldenergy.org/wp-content/uploads/2016/05/World-Energy-Trilemma_full-report_2016_web.pdf.
17. U. S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/naturalgas/data.php#imports>.

Е. Г. Ходжаян

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elxo@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуются свойства и эффекты культурной деятельности в целях определения социально-экономической самобытности и институциональной среды в сфере культуры, в которой формируются и соблюдаются культурные нормы и традиции. Духовная жизнь общества в большой степени складывается в границах сферы культуры, где закладываются основы национального интеллектуального ресурса, что объясняет роль данной сферы в социодинамике. В результате взаимного влияния культурной и социальной системы можно наблюдать культурные изменения, которые, в свою очередь, приведут к трансформации общественных ценностей. Взаимовлияние настоящих систем можно наблюдать на институциональных культурных формах языка, коммуникаций, традиций и обрядов, правовых норм и знаний. В настоящее время сама индустрия культуры рассматривается в качестве механизма институционализации, где посредством технических приспособлений для копирования и опубликования происходит массовое продвижение, что делает индустрию культуры значимым элементом управления. Одновременно с этим сфера культуры как социальный феномен еще не вполне осознана на теоретическом уровне, что затрудняет определение данной категории и ограничивает возможности развития всевозможных социокультурных форм и видов деятельности. Исследование настоящего феномена с научной точки зрения особенно важно для оценки результатов деятельности субъектов культуры в условиях рынка и выработки новой модели культурной политики. В настоящее время Правительство Ульяновской области и органы власти работают над выстраиванием новой региональной культурной политики, которая направлена не только на модернизацию инфраструктуры в сфере культуры, но связана с глобальной задачей формирования образа жизни и мышления человека. Для осмысления социальных аспектов государственной политики в сфере культуры проведен контент-анализ основополагающих документов, определяющих ее реализацию в Ульяновской области.

Ключевые слова: контент-анализ, культурная деятельность, сфера культуры, индустрия культуры, культурные факторы, государственная культурная политика, Ульяновская область.

Социально-культурная сфера включает совокупность механизмов соотнесения культурных факторов с объективно существующими общественными системами [10].

Специфика общественно-экономических отношений в культурной сфере определяется индивидуальностью культурных благ, потому что те не являются рыночными товарами в классическом понимании. Социальная природа изготовления культурных благ и широкое распространение положительных экстерналий эффектов обуславливают социальный контекст присутствия культуры на рынке и активность субъектов данного вида деятельности.

Сфера культуры как институт социокультурных отношений определяется совокупностью ценностных ориентиров и указаний, которыми руководствуются лица при потреблении культурных благ. Тем не менее представление о том, что они могут в разной степени осознавать культуру, часто отсутствует.

Применительно к сфере культуры отношения социального управления оказывают значительное воздействие на общество, организуют экономическую, политическую, духовную жизнь территории [5]. Для модернизирующегося общества его культурная политика несводима к сохранению наследия или пренебрегает опасно-

стью придать культуре в высшей степени музейную природу. Развитие и модернизация означают выработку небанальных форм культурной идентичности и общественного культурного объединения.

Вышеописанные теоретические затруднения сферы культуры в современных российских условиях обострены из-за несовершенной законодательной базы, непроработанности механизмов государственного регулирования и управления культурой, неимения социально-экономических критериев эффективности. Все это обуславливает необходимость разработки новой концепции отраслевого управления, которая бы учитывала специфические инструменты координации в некоммерческом и коммерческом культурных секторах.

Разрешение ситуации должно охватывать все уровни и звенья социальной и культурной политики. В настоящей статье под культурной политикой понимается деятельность акторов по сохранению, изменению, организации взаимодействий между носителями различных ценностных систем и форм культуры [13].

Национальные концепции культурной политики не могут считаться статичными конструктами. Скорее возможна постоянно изменяющаяся природа культурной политики, фокус приоритетов и интересов которой неизменно видоизменяется с течением времени [4].

Изначальное условие для разрабатывания политики в сфере культуры — это согласованность в отношении приоритетности целей культурного развития между официальными, творческими и общественными силами.

Зависимость уровня образования и потребления культурных благ определяет преобладание на рынке ориентированных на массового потребителя легких, не требующих особенной предварительной подготовки для восприятия благ. Восполнить недостаточный спрос на высококачественные культурные блага могут помочь меры со стороны государства, направленные на формирование культурных потребностей, сохранение интереса к культуре в обществе.

Исходя из вышесказанного, необходимо выделить структуру социальных и культурных аспектов: ценности и установки, нормы и образцы общественного поведения, идеалы, социальная обстановка.

В современном российском обществе ключевую роль в конструировании национальной культурной политики играет государство, и непосредственно оно принимает основополагающие решения относительно культурного раз-

вития. Вместе с тем случайный характер явлений и процессов в культуре вызывает споры о целесообразности и границах государственного регулирования.

Разнообразные аспекты культурной политики на данный момент раскрыты в ряде монографий, статей, тезисов конференций [5—9, 11, 14]. Авторы рассмотренных работ обосновывают собственное понимание культурной политики, сущности управления в сфере культуры в современных условиях.

Необходимо отметить, что хорошими предпосылками в развитии экономического сектора, а также культурного развития в России является развитие некоммерческого сектора, социального предпринимательства, а также опыта в сфере социальной ответственности. В свою очередь это все является значимым процессом разрешения имеющихся социальных проблем современной России через консолидацию возможностей лидирующих секторов общества. Тем не менее на региональном уровне государственного управления эффективность описанных мер не всегда высокая ввиду недостаточности ресурсов у региональных органов власти и неразработанности научно-методического аппарата в данной области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для подтверждения выдвинутых автором положений при изучении социальных явлений использованы общенаучные принципы, системный, логический, социологический и статистический анализ, индуктивный и дедуктивный метод, метод обобщений. Широко распространенным методом исследования слабоструктурированных проблем представляется контент-анализ или анализ содержания [12, 15]. При решении отдельных задач использовались табличные и графические приемы визуализации данных.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в результате контент-анализа основополагающих документов по культурной политике Ульяновской области:

— Распоряжение Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1];

— Постановление Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы» [2];

— Постановление Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об

утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы [3].

В целях исследования поднятых проблем проведен контент-анализ текста стратегии и государственных программ, в задачи которого входило выявление получивших наиболее подробное рассмотрение аспектов государственной политики в сфере культуры Ульяновской области.

Основываясь на нашем исследовательском вопросе, можно выделить следующие категории анализа:

- упоминание субъектов культурной политики как действующих лиц (актеров);
- объекты культурной политики;
- упоминание терминов, связанных с инфраструктурой культуры;
- характеристика возможных действий акторов.

Для определения единиц анализа выбрано понятие «культура» и производные от него, а также все окружающие словосочетания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Государственная культурная политика Ульяновской области (политика Ульяновской области в сфере культурного развития) — часть единой государственной культурной политики, совокупность принципов и норм, которыми руководствуются органы государственной власти Ульяновской области в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность Ульяновской области в сфере культуры.

Основополагающим документом в области развития культуры и культурной политики Ульяновской области на период 2015—2030 годов является Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года [1].

Представим итоги статистической оценки текста Распоряжения Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1]:

- общее число слов в тексте — 7742;
- частота употребления в тексте слова «культура» и его производных составляет 202 раза, и в таком случае коэффициент употребления взятого для анализа слова равен 2,6 % (таблица 1).

Количество однокоренных прилагательных к слову «культура» равно 157, что составляет 2 % от общего текстового показателя слов

Стратегии культурной политики Ульяновской области.

Распределим по рангам словосочетания с прилагательным, включающим слово «культура»: культурная политика (39), (историко-) культурное (и природное) наследие (22), культурные блага (13), культурная жизнь (6), культурная среда (6), творческие (культурные) индустрии (5), культурные проекты (5), культурно-досуговые учреждения (5), культурные сообщества (4), культурная деятельность (3), социокультурная (и инвестиционная) привлекательность (3), (социо)культурное пространство (3), культурный потенциал (3), Фонд «Ульяновск — культурная столица» (3), национально-культурные автономии (2), культурное сотрудничество (2), культурная составляющая (2), культурные события (2).

Таблица 1

Итоги обработки текста Государственной Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года [1]

№	Неоднократно употребляемые в тексте словосочетания, включающие слово с корнем «культур»	Частота употребления в тексте
1	Сфера	63
2	Область	27
3	Учреждения	23
4	Работники	17
5	Отрасль	14
6	Организации	9
7	Развитие	9
8	Финансирование	5
9	Памятники (истории и) культуры	4
10	Дома культуры	2
11	Средства культуры	2

Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года — это система целей, приоритетов, принципов, основных направлений, задач и механизмов осуществления государственной культурной политики на территории Ульяновской области.

Государственная программа Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» за период с 2014 по 2024 год [2, 3] концептуализирует цели и задачи культурной политики региона.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста государственной программы Ульяновской области «Развитие культуры, ту-

ризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2014—2021 годы [2]:

— общее число слов в тексте — 40 296;

— частота употребления в тексте слова «культура» и его производных составляет 974 раза, и в таком случае коэффициент употребления взятого для анализа слова равен 2,4 %.

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 422, т.е. 1 % от совокупного числа слов текста государственной программы Ульяновской области (таблица 2).

Таблица 2

Итоги обработки текста Государственной программы Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2014—2021 годы [2]

№	Неоднократно употребляемые в тексте словосочетания, включающие слово с корнем «культур»	Частота употребления в тексте
1	Учреждения	362
2	Сфера	67
3	Развитие	37
4	Центр народной культуры Ульяновской области	22
5	Памятники истории и культуры	18
6	Дома культуры	8
7	Цифровая культура	6
8	Отрасль	5
9	Распространение	5
10	Работники	4
11	Культура в Ульяновской области	2
12	Ульяновский колледж культуры и искусства	2
13	Поддержка культуры	2
14	Инфраструктура	2

Распределим по рангам словосочетания с прилагательным, включающим слово «культура»: культурное (и историческое) наследие (255), культурная политика (39), Фонд «Ульяновск — культурная столица» (19), культурная среда (15), историко-культурная экспертиза (15), Международный культурный форум (14), культурные ценности (13), культурная жизнь (13), национально-культурные автономии (8), культурно-досуговые мероприятия (5), культурный (и духовный) потенциал (3), социально-культурная деятельность (3), культурные мероприятия (2), культурно-познавательный туризм (2), культурное пространство (2), учреждения

культуры культурно-досугового типа (2), культурные традиции (2).

В Государственной программе Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2014—2021 годы [2] выделяются два уровня проблем в сфере развития культуры в Ульяновской области: инфраструктурные (износ материальной базы, отсутствие технологий, нахождение объектов культурного наследия в неудовлетворительном состоянии) и идеологические (разобщенность творческих союзов и иных общественных объединений творческой направленности, недостаточное количество гастролей, отсутствие грантовой поддержки в сфере культуры и другие).

Соответственно Государственной программе Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2020—2024 годы [3] целями культурной политики региона являются:

— создание условий для эффективной реализации государственной культурной политики на территории Ульяновской области;

— сохранение объектов культурного наследия Ульяновской области;

— создание условий для эффективного развития сферы туризма в Ульяновской области с увеличением вклада отрасли в валовой внутренний продукт Ульяновской области.

Задачи же видятся авторам документа в следующем:

— обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, реализация творческого потенциала населения;

— обеспечение сохранности и эффективного использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Ульяновской области (далее — объекты культурного наследия);

— комплексное развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры, продвижение туристского продукта на всероссийском и международном уровне, стимулирование предпринимательских и общественных инициатив в сфере развития туризма в Ульяновской области.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста Государственной программы Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2020—2024 годы [3]:

— общее число слов в тексте — 33 235;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречается в тексте 275 раз, и в таком случае коэффициент употребления взятого для анализа слова равен 0,8 % (таблица 3).

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 167, т. е. 0,5 % от совокупного числа слов текста Государственной программы Ульяновской области.

Распределим по рангам словосочетания с прилагательным, включающим слово «культура»: культурное наследие (64), культурная политика (25), культурные ценности (25), культурная среда (12), культурная жизнь (11), культурные мероприятия (9), Фонд «Ульяновск — культурная столица» (9), культурно-досуговые учреждения (3), культурное пространство (2), историко-культурная экспертиза (2).

Таблица 3

Итоги обработки текста Государственной программы Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2020—2024 годы [3]

№	Неоднократно употребляемые в тексте словосочетания, включающие слово с корнем «культур»	Частота употребления в тексте
1	Учреждения	152
2	Сфера	51
3	Развитие	13
4	Цифровая культура	11
5	Дома культуры	10
6	Волонтеры культуры	7
7	Отрасль	5
8	Памятники истории и культуры	4
9	Работник(и)	4
10	Организации	3
11	Инфраструктура	2
12	Распространение	2
13	Цифровые ресурсы культуры	2
14	Министерство культуры РФ	2

Изучение отдельных терминов и словосочетаний, включающих в своем составе слово с корнем «культур» (таблицы 1—3) заставляет полагать, что, несмотря на высокую распространенность термина «культурная политика» в структуре рассмотренных документов, культура воспринимается не как отдельный вод политики государства, а некоторая сфера, другими словами, в понимании культуры наблюдается отраслевой подход. Также эту тенденцию можно проследить, обратив внимание на то, что соче-

тание слов «в области (сфере) культуры», «учреждение культуры» употребляются наиболее часто.

Принадлежащие государству и негосударственные организации остаются базовым инструментарием культуры. Понятие «учреждения культуры» употребляется в данном тексте 152 раза, при том, что конкретные деятели культуры упоминаются всего 4 раза, несмотря на то, что в Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года «работники культуры» упоминаются 17 раз, что больше как количественно, так и в процентном соотношении.

Показатель встречаемости слова «культура» и его производных соответственно таблице 4 колеблется в диапазоне от 0,8 до 2,6 % от общего числа в рассмотренных документных текстах.

Таблица 4

Сравнительное употребление слова «культура» и его производных в основополагающих документах Правительства Ульяновской области о культурной политике

№	Наименование документа	Текстовый показатель общего числа слов	Показатель встречаемости слова «культура» и его производных (%)
1	Распоряжение Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1]	7742	2,6
2	Постановление Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы» [2]	40 296	2,4
3	Постановление Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы [3]	33 235	0,8

Максимальное число употреблений слова «культура» и его производных можно наблюдать в Постановлении Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы» [2] (974), что процентно (2,4 %) опережает основной регулирующий развитие культурной политики на территории Ульяновской области документ — Распоряжение Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1] (202 слова «культура» и его производных, или 2,6 %).

В тексте Постановления Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы [3] слово «культура» и его производные упоминаются 275 раз, однако в процентном соотношении показатель самый низкий (0,8 %).

Контент-анализ приводит нас к тому, что исследованные государственные программы, раскрывающие вопросы развития культуры Ульяновской области, в полной мере соотносятся с логикой территориальной культурной политики, а также данный факт подтверждает количественный анализ, поскольку число употреблений слов с корнем «культур» в упомянутых программах соотносимо с аналогичным показателем для Стратегии культурной политики Ульяновской области.

По информации в таблице 5 наиболее часто со словом «культура» используются понятия «сфера», «учреждение» и «область».

Рассмотренное выше дает нам возможность определить главный тезис о том, что базовым инструментом исполнения культурной политики продолжают оставаться организации разнообразных форм собственности. Кроме того, недостаточно внимания уделяется деятелям культуры — данное словосочетание не попадает в топ популярных.

Наиболее часто употребляемые словосочетания с однокоренными для слова «культура» прилагательными (таблица 6) включают в себя понятия «культурная политика», «культурное наследие» и «культурные ценности». То есть система идеолообразования культуры не вступает в противоречие с функциями организаций и учреждений культуры по оказанию услуг населению.

Для контент-анализа категории «Упоминание субъектов культурной политики как действующих лиц (акторов)» выбрано 13 единиц счета, среди них слова и устоявшиеся словосочетания, которые характеризуют единицы анализа «субъекты государственной культурной политики» — органы государственной власти Российской Федерации и органы местного самоуправления, образовательные, научные организации, организации культуры, общественные объединения и организации, иные организации, осуществляющие деятельность в области искусства, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью.

Таблица 5

**Обобщенная таблица по итогам статистической обработки текстов документов
(в каждом пункте указаны наиболее употребляемые словосочетания)**

№	Наименование документа	Неоднократно употребляемые в тексте словосочетания, включающие слово с корнем «культур»	Частота употребления в тексте
1	Распоряжение Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1]	Сфера	63
		Область	27
		Учреждения	23
2	Постановление Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы» [2]	Учреждения	362
		Сфера	67
		Развитие	37
3	Постановление Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы [3]	Учреждения	152
		Сфера	51
		Развитие	13

Таблица 6

Обобщенная таблица по итогам статистического анализа распространенных словосочетаний с однокоренными для слова «культура» прилагательными (в каждом пункте приведены два наиболее популярных словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»)

№	Наименование документа	Сочетание слов	Частота употребления в тексте
1	Распоряжение Правительства Ульяновской области № 32/859-пр от 26.12.2014 «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [1]	культурная политика	39
		(историко-)культурное (и природное) наследие	22
2	Постановление Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы» [2]	культурное (и историческое) наследие	255
		культурная политика	39
3	Постановление Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы [3]	культурное наследие	64
		культурная политика	25
		культурные ценности	25

Самые часто встречаемые слова и словосочетания в данной категории «учреждения» (537), «Фонд "Ульяновск — культурная столица"» (31), «работники» (25), «Центр народной культуры Ульяновской области» (22), «дома культуры» (20) (рисунок 1).

Реже встречаются слова и словосочетания «организации», «культурно-досуговые учреждения» («учреждения культуры культурно-досугового типа»), «национально-культурные автономии», «волонтеры культуры», «Ульяновский колледж культуры и искусства», «Министерство культуры Российской Федерации».

Единицы анализа «Центр народной культуры Ульяновской области» (как методический центр для клубных учреждений Ульяновской об-

ласти) и «Ульяновский колледж культуры и искусства» (как центр повышения квалификации работников культуры) упоминаются в Государственной программе Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2014—2021 годы. Данный факт можно объяснить направленностью данной программы на совершенствование деятельности госучреждений по предоставлению государственных услуг.

В государственной программе Ульяновской области «Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2020—2024 годы уделено значительное внимание развитию общественного движения «Волонтеры культуры».

Рисунок 1. Наиболее частые единицы анализа категории «Упоминание субъектов культурной политики как действующих лиц (акторов)»

Для контент-анализа категории «Объекты культурной политики» выбрано 13 единиц счета, среди них слова и устоявшиеся словосочетания, которые характеризуют единицы анализа «объекты государственной культурной политики» — материальное и нематериальное культурное наследие, все виды и результаты творческой деятельности, система образования, наука, русский язык и языки народов Российской Федерации, семья, системы межличностной и общественной коммуникации, медийное и информационное пространство, международные культурные и гуманитарные связи (рисунок 2).

Наиболее часто встречаются словосочетания «(историко-)культурное (и природное) наследие» («культурное (и историческое) наследие») (341), «культурные ценности» (38), «культурная среда» (33), «культурная жизнь»

(30), «памятники (истории и) культуры» (26), «цифровая культура» (17).

Реже встречаются единицы счета «(социо)культурное пространство», «(социально-)культурная деятельность», «культурный (и духовный) потенциал», «культурные сообщества», «культурно-познавательный туризм», «культурные традиции».

Для контент-анализа категории «Упоминание терминов, связанных с инфраструктурой культуры» выбрано 7 единиц счета, среди них слова и устоявшиеся словосочетания, которые характеризуют условия создания, сохранения, трансляции и воспроизводства культурных ценностей; система обеспечения культурной жизни и творчества: «сфера» (130), «область» (27), «отрасль» (19), «Международный культурный форум» (14), «культурные блага» (13), «творческие (культурные) индустрии» (5) (рисунок 3).

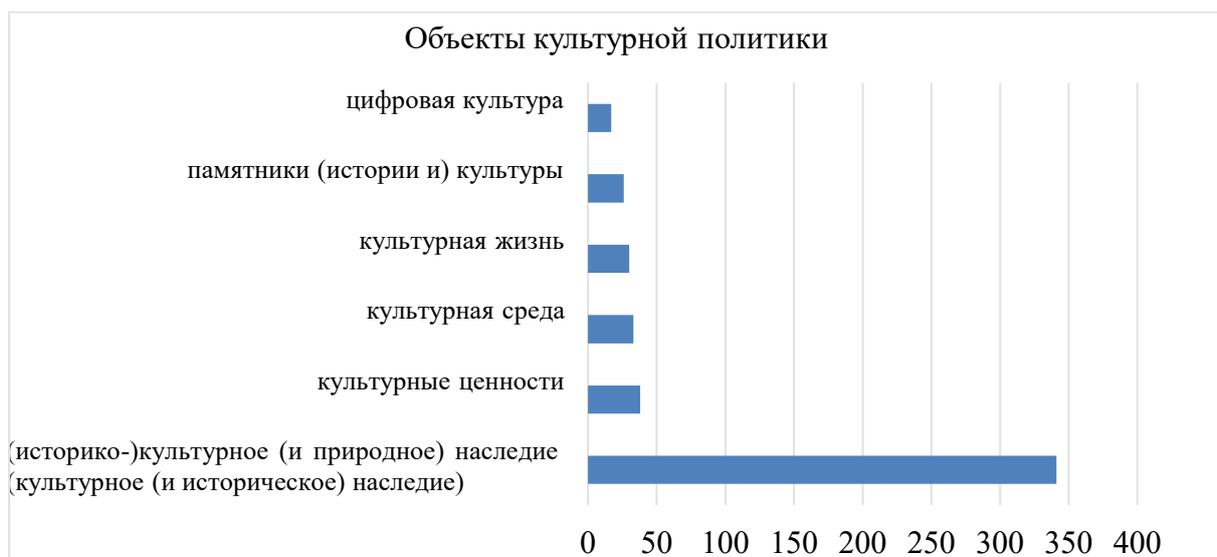

Рисунок 2. Наиболее частые единицы анализа категории «Объекты культурной политики»

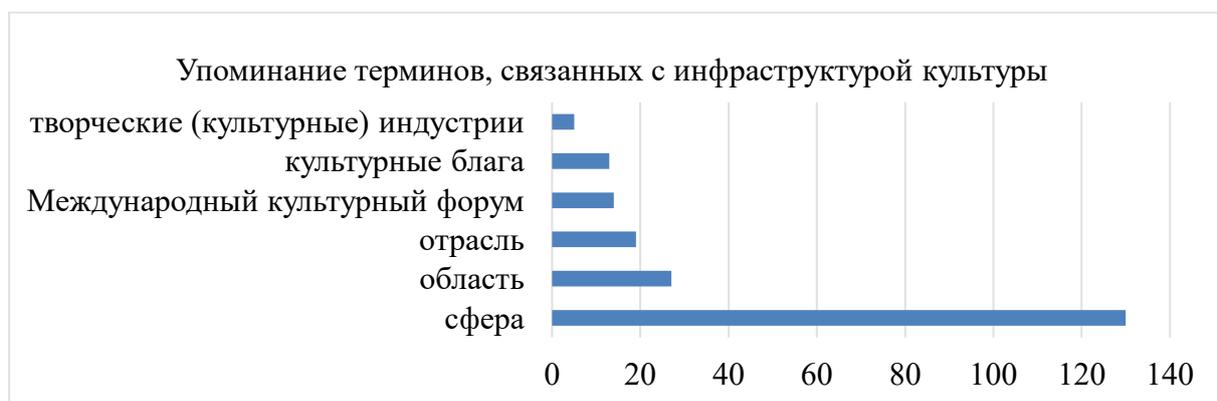

Рисунок 3. Наиболее частые единицы анализа категории «Упоминание терминов, связанных с инфраструктурой культуры»

Наиболее редко встречается единица счета «культурная составляющая» — задача обеспечения культурной составляющей в программах развития и социально значимых проектах Ульяновской области в целях совершенствования управления в области культуры и культурной политики Ульяновской области была поставлена в Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года.

Еще одна единица счета, которая встречается реже всего, это «цифровые ресурсы культуры». Цифровизация культурного наследия позволяет создавать равные условия для доступа к культурному достоянию. Однако необходимо найти баланс между цифровой культурой и культурой классической, без которой не может реализовываться деятельность по воспитанию культурно и духовно богатого общества (рисунок 4).

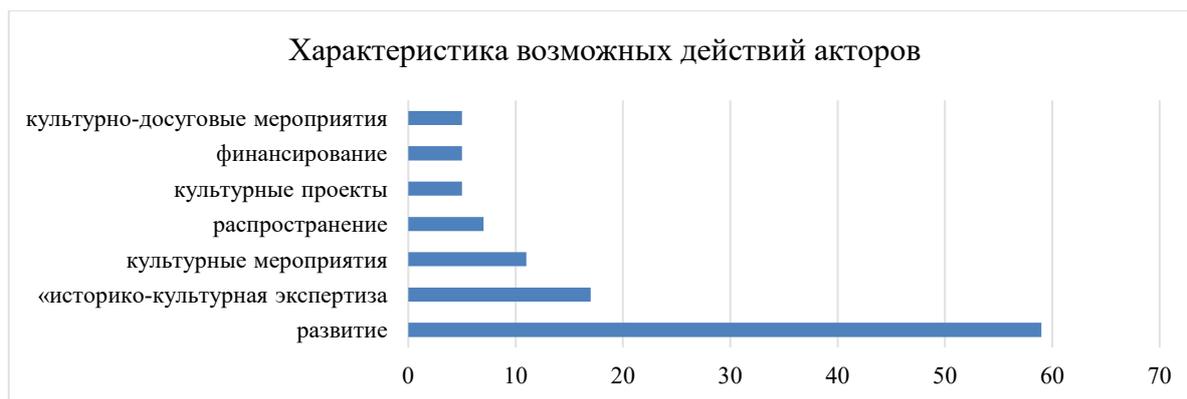

Рисунок 4. Наиболее частые единицы анализа категории «Характеристика возможных действий акторов»

Для контент-анализа категории «Характеристика возможных действий акторов» выбрано 10 единиц счета, среди них слова и устоявшиеся словосочетания, которые характеризуют возможные действия акторов государственной культурной политики: «развитие» (59), «историко-культурная экспертиза» (17), «культурные мероприятия» (11), «распространение» (7), «культурные проекты» (5), «финансирование» (5), «культурно-досуговые мероприятия» (5).

Единицы счета «культурные события», «культурное сотрудничество», «поддержка культуры» встречаются реже всего.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный контент-анализ основополагающих документов государственной культурной политики Ульяновской области позволяет сделать следующие выводы.

В целом следует отметить, что цели и задачи, здесь сформулированные, не выходят за рамки «отраслевых», хотя и понимаются в довольно широком ключе и включают в себя представление о культуре не только как отрасли, но и как образе жизни. Такое понимание культуры является существенным для формирования благоприятной и относительно комфорт-

ной среды проживания человека, формирования идентичности региона в целом и каждого человека в частности, формирования социальной сплоченности — факторов, играющих первостепенную роль в создании благоприятного инвестиционного климата региона.

Восприятие теоретических и смыслообразующих основ государственной культурной политики определяет наполнение и устройство деятельности как общества вообще, так и в частности социальных слоев и групп в ближайшем будущем и долгосрочной перспективе.

Социальные аспекты государственной политики в сфере культуры в целом должны рассматриваться как система ценностей, норм, идеалов, а также образцов деятельности и поведения людей и других элементов социокультурного процесса.

К актуальным государственным задачам применительно к культурной политике могут быть отнесены создание современных и востребованных социально оправданных учреждений культуры, стимулирование социального партнерства, развитие общественных организаций в целях поддержки учреждений культуры, выстраивание понимания духовных и культурных ценностей; сохранение культурного наследия, развитие предпринимательской деятельности.

Литература

1. Распоряжение Правительства Ульяновской области от 26.12.2014 № 32/859-пр «Об утверждении Стратегии культурной политики Ульяновской области до 2030 года».
2. Постановление Правительства Ульяновской области от 11.09.2013 № 37/414-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области" на 2014—2021 годы».
3. Постановление Правительства Ульяновской области от 14.11.2019 № 26/571-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области "Развитие культуры, туризма и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области"» на 2020—2024 годы.
4. Востряков Л. Культурная политика: основные концепции и модели / Л. Востряков // Экология культуры: Информационный бюллетень. — 2004. — № 1. — С. 79—108.
5. Генова Н. М. Социально-философские аспекты региональной культурной политики / Н. М. Генова // Вестник Тюменского государственного института культуры. — 2016. — № 2(6). — С. 15—18.
6. Горушкина С. Н. Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : дис. ... канд. социол. наук / С. Н. Горушкина ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2011. — 205 с.
7. Зеленцова Е. Культурная политика и экономика культуры: тезисы для сборки региональных стратегий / Е. Зеленцова, Е. Мельвиль. — Москва : Институт культурной политики, 2010. — 91 с.
8. Киреев Е. Ю. Социальные аспекты миграционной политики Правительства Москвы : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. Ю. Киреев ; Российский государственный социальный университет. — Москва, 2012. — 26 с.
9. Матецкая М. В. Институциональные преобразования в социально-культурной сфере России в рыночных условиях : специальности 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : дис. ... канд. экон. наук / М. В. Матецкая ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2007. — 196 с.
10. Михеева Н. А. Социально-культурная сфера как социальный феномен и ее научный анализ / Н. А. Михеева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-sfera-kak-sotsialnyy-fenomen-i-ee-nauchnyy-analiz> (дата обращения: 04.09.2022).
11. Никифорова С. О. Методологические основы формирования ценностных ориентаций общества как аспект социальной и культурной политики в регионах / С. О. Никифорова // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2008. — Т. 181. — С. 239—244.
12. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И. А. Пашинян // Научная периодика: проблемы и решения. — 2012. — № 3(9). — С. 13—18.
13. Хренов А. Е. Модели культурной политики: смена парадигм / А. Е. Хренов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — Т. 199. — С. 4—11.
14. Ярошевская Т. Л. Культурная политика современной России / Т. Л. Ярошевская // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления : сборник научных статей. — 2009. — Выпуск 7. — С. 525—537.
15. Luzan V. S. Content-Analysis of the Basic Normative Legal Documents, Providing Realization of the State Cultural Policy (Federal and Regional Aspects) / V. S. Luzan // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2011. — Vol. 4, N 3. — P. 342—362.

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE STATE POLICY IN THE SPHERE
OF CULTURE IN THE ULYANOVSK REGION****E. G. Khodzhasyan**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elxo@yandex.ru

The article examines the properties and effects of cultural activities in order to determine the socio-economic identity and institutional environment in the field of culture, in which cultural norms and traditions are formed and observed. The spiritual life of society is largely formed within the boundaries of the sphere of culture, which determines the prerequisites for the formation of the intellectual potential of the nation, which explains the role of this sphere from the standpoint of the dynamics of modernization and development of social relations. As a result of the mutual influence of the cultural and social system, it is possible to observe cultural change, which can, in turn,

lead to the transformation of social values. The mutual influence of these systems can be observed through the example of such forms of institutionalization of culture as language, communications, traditions and rituals, legal norms and knowledge. At present, the role of the cultural industry as an institutionalization mechanism is growing, where, through technical devices for copying and publishing, there is a massive promotion of cultural achievements, which makes the cultural industry a significant element of management. At the same time, the sphere of culture as a social phenomenon is not yet fully understood at the theoretical level, which makes it difficult to form this sociological category and limits the possibilities for the development of various forms and types of socio-cultural activities within the sphere of culture. The study of this phenomenon from a scientific point of view is especially important in order to recommend the evaluation of the results of cultural activities in market conditions and the development of effective cultural policy measures. At the present stage, the Government of the Ulyanovsk region and the authorities are actively engaged in the cultural policy of the region, which is based on the principle of forming a new cultural policy related to the global task of not only modernizing the infrastructure of the cultural sector, but also the way of life of people, their thinking. To understand the social aspects of the state policy in the field of culture, a content analysis of the fundamental documents that determine its implementation in the Ulyanovsk region was carried out.

Key words: content analysis, cultural activity, sphere of culture, cultural industry, cultural factors, state cultural policy, Ulyanovsk region.

References

1. Rasporyazhenie Pravitelstva Ulyanovskoy oblasti ot 26.12.2014 N 32/859-pr "Ob utverzhdenii Strategii kulturnoy politiki Ulyanovskoy oblasti do 2030 goda" [On Approval of the Strategy for the Cultural Policy of the Ulyanovsk Region until 2030].
2. Postanovlenie Pravitelstva Ulyanovskoy oblasti ot 11.09.2013 N 37/414-P "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Ulyanovskoy oblasti "Razvitie kultury, turizma i sohranenie obyektov kulturnogo naslediya v Ulyanovskoy oblasti" na 2014—2021 gody" [On Approval of the State Program of the Ulyanovsk Region "Development of Culture, Tourism and Preservation of Cultural Heritage Sites in the Ulyanovsk Region" for 2014—2021].
3. Postanovlenie Pravitelstva Ulyanovskoy oblasti ot 14.11.2019 N 26/571-P "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Ulyanovskoy oblasti "Razvitie kultury, turizma i sohranenie obyektov kulturnogo naslediya v Ulyanovskoy oblasti" na 2020—2024 gody [On Approval of the State Program of the Ulyanovsk Region "Development of Culture, Tourism and Preservation of Cultural Heritage Sites in the Ulyanovsk Region" for 2020—2024].
4. Vostryakov, L. (2004) Kulturnaya politika: osnovnye kontsepcii i modeli [Cultural policy: basic concepts and models]. *Ekologiya kultury: Informatsionnyj byulleten*, vol. 1, p. 79—108.
5. Genova, N. M. (2016) Sotsialno-filosofskie aspekty regionalnoy kulturnoy politiki [Socio-philosophical aspects of regional cultural policy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kultury*, vol. 2(6), p. 15—18.
6. Gorushkina, S. N. (2011) *Uslugi uchrezhdeniy kultury kak instrument realizatsii gosudarstvennoy kulturnoy politiki* [Services of culture institutions as a tool for the implementation of state cultural policy: dissertation ... candidate of sociological sciences]. Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. Moscow, 205 p.
7. Zelentsova, E. (2010) *Kulturnaya politika i ekonomika kultury: tezisyy dlya sborki regionalnykh strategiy* [Cultural policy and the economics of culture: theses for assembling regional strategies]. Institute of Cultural Policy. Moscow, 91 p.
8. Kireev, E. Yu. (2012) *Sotsialnye aspekty migratsionnoy politiki Pravitelstva Moskvy* [Social aspects of the migration policy of the Moscow Government: author's abstract ... candidate of sociological sciences]. Russian State Social Institute. Moscow, 26 p.
9. Matetskaya, M. V. (2007) *Institutsionalnye preobrazovaniya v sotsialno-kulturnoy sfere Rossii v rynochnykh usloviyakh* [Institutional transformations in the socio-cultural sphere of Russia in market conditions: dissertation ... candidate of economic sciences]. Saint Petersburg State University: St. Petersburg, 196 p.
10. Mikheeva, N. A. (2008) *Sotsialno-kulturnaya sfera kak sotsialnyy fenomen i ee nauchnyy analiz* [Socio-cultural sphere as a social phenomenon and its scientific analysis]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, vol. 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-sfera-kak-sotsialnyy-fenomen-i-ee-nauchnyy-analiz> (access date: 04.09.2022).
11. Nikiforova, S. O. (2008) *Metodologicheskie osnovy formirovaniya tsennostnykh orientatsiy obshchestva kak aspekt sotsialnoy i kulturnoy politiki v regionakh* [Methodological foundations for the formation of society's value orientations as an aspect of social and cultural policy in the regions]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv (sm. v knigah)*, vol. 181, p. 239—244.

12. Pashinyan, I. A. (2012) Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. Nauchnaya periodika: problemy i resheniya, vol. 3(9), p. 13—18.
13. Khrenov, A. E. (2013) Modeli kulturnoy politiki: smena paradigm [Models of cultural policy: a paradigm shift]. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv (sm. v knigah), vol. 199, p. 4—11.
14. Yaroshevskaya, T. L. (2009) Kulturnaya politika sovremennoy Rossii [Cultural policy of modern Russia]. Globalnyj ekonomicheskiy krizis: realii i puti preodoleniya : sbornik nauchnykh statey, vol. 7, p. 525—537.
15. Luzan, V. S. (2011) Content-Analysis of the Basic Normative Legal Documents, Providing Realization of the State Cultural Policy (Federal and Regional Aspects). Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Book 4. Vol. 3, p. 342—362.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ**Д. С. Точеный**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
natalytg1956@gmail.com

ОБЛИК НИКОЛАЯ II. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ДОБРА?

Рецензия
на книгу И. Ордынской
«СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ»
(М.: Молодая гвардия, 2022. 399 с.)

Многие фигуры тех, кто возглавлял в разные времена Российское государство, стали объектами ожесточенных споров историков, писателей, публицистов, журналистов. Причины возникновения горячих дискуссий понятны. В большинстве случаев за спиной едва ли не каждого лидера страны всегда были как свершения, так и провалы разного масштаба, а потому оценить общий вклад того или иного руководителя в развитие нашей державы не так-то просто. Отсюда — нешуточные теоретические баталии вокруг Петра I, Александра III, Сталина, Хрущева. Но чем объяснить обилие взаимоисключающих оценок итогов деятельности Николая II, в активе которого оказались только серьезные просчеты и горестные неудачи в проведении внутренней и внешней политики?

Ключевые слова: Александра Федоровна, А. Ф. Кони, Л. Толстой, предательство, Распутин, С. Ю. Витте, безволие, мистика, ангел, вера, Н. А. Епанчин, Ходынка, 17 января 1895 года.

Уже само название рецензируемой книги предполагает, что ее автор расскажет нам об удивительных людях, совершавших исключительно благие поступки, творивших всю свою жизнь только добрые дела. Ну что же, скажем мы (с определенной долей скептицизма), такие

герои, хоть и редко, но встречались на исторической сцене.

«Последний император России Николай Александрович Романов и его жена императрица Александра Федоровна, — начинает И. Ордынская свое сентиментальное и несколько су-

сальное повествование, — прожили в браке без малого 24 года. Царская чета была уникальна тем, что влюбленные друг в друга Августейшие супруги смогли пожениться, несмотря на все сложности, которые им пришлось преодолеть... В основу их семьи легло глубокое нежное чувство: оно объединяло их в одно целое, и они смогли пронести его через всю жизнь».

И наслаждаться бы Николаю II и его жене вечным счастьем и заслуженным покоем, но, горестно вздохнем (и не раз!), произошло нечто необъяснимое и непонятное: «Долгое время последняя Царская семья Дома Романовых, основой которого стала любовь и глубокая привязанность Августейших супругов, — продолжает И. Ордынская, — подвергалась циничной и предвзятой критике как со стороны «просвещенного общества», так и ближайших родственников. Все личные качества императора и императрицы рассматривались в отрицательном ключе... Император, искренне любивший Россию, жизнь положивший на алтарь служения Отечеству, отдавший все силы для его экономического процветания, заботившийся о военной мощи страны, как человек верующий, как «отец нации», действительно готов был пожертвовать всем для своих подданных. Однако сколько бы он ни отдавал себя России, подданные, как неблагодарные дети, не считали нужным ценить его заслуги. В еще более горьком положении оказалась императрица Александра Федоровна, как человек искренний, верующий, логически мыслящий, приняла Россию как свою новую Родину, а народ — ее как своих детей. Она не сомневалась, что после венчания на царство стала матерью русского народа. Но он не только не был благодарен, а ненавидел ее» (с. 6).

Действительно, и широкие народные массы, и представители имущих слоев населения, и лидеры интеллектуальной элиты России явно не жаловали венценосных супругов. Вот какими красками нарисовал их душевный портрет А. Ф. Кони, «талантливый юрист и литератор, выдающийся судебный оратор, почетный академик Петербургской АН, член Государственного совета, имевший репутацию строгого, мудрого, неподкупного служителя закона» [9, с. 345]: «Мои личные беседы с царем убеждают меня в том, что это человек, несомненно, умный, если только не считать высшим развитием разума как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль. Точно так же он не был ограничен и необразован. В беседе он проявлял такой интерес к литературе, искусству и даже науке, что

встречи с ним, как с полковником Романовым, в повседневной жизни могли быть не лишены живого интереса.

Я помню, как дрогнул от чувства и сдержанных слез его голос, когда, говоря свою речь в 1906 году перед открытием Государственной Думы в тронной зале Зимнего дворца, он упомянул о своем сыне. Но поручение надзора за воспитанием ребенка какому-то матросу под наблюдением психопатической жены и отсутствии заботы о воспитании дочерей заставляют сомневаться в серьезном отношении его к обязанностям отца» [6, с. 377—378]. Ирония и тонкий сарказм А. Ф. Кони, который он использует, характеризуя супругов Романовых, конечно, уместен. Столь же правомерен и обличительный пафос Анатолия Федоровича.

«Мне думается, — ставит безошибочный диагноз этот редкий знаток государственной и правовой системы России, — что искать объяснения многого, приведшего в конце концов нашу империю к гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сердца, бросающемся в глаза в целом ряде поступков... Достаточно вспомнить равнодушное отношение царя к поступку генерала Грибского, утопившего в 1900 году в Благовещенске-на-Амуре пять тысяч мирного китайского населения, трупы которых затрудняли парходное сообщение целый день; или равнодушное попустительство еврейских погромов при Плеве; или жестокое отношение к ссылаемым в Сибирь духоборам, где они на севере обрекались, как вегетарианцы, на голодную смерть, о чем пламенно писал ему Лев Толстой. Нельзя не вспомнить одобрения им гнусных зверств мерзавца — харьковского губернатора И. М. Оболенского, при «усмирении» аграрных беспорядков в 1902 году... Наконец, — и это очень характерно — когда старый Государственный совет постановил обратить внимание Государя на своевременность отмены телесных наказаний, последовал отказ и резолюция: «Я сам знаю, когда это надо сделать!»

Ведущими чертами императора, подчеркивает А. Ф. Кони, являлись «трусость и предательство». Они «прошли красной нитью через все его царствование. Когда начинала шуметь буря общественного негодования и народных беспорядков, он начинал уступать постепенно и непоследовательно... Чуждаясь независимых людей, замыкаясь от них в узком семейном кругу, занятом спиритизмом и гаданьями, смотря на своих министров как на простых приказчиков, посвящая некоторые досужие часы стрелянию ворон в Цар-

ском Селе, скуп и редко жертвуя из своих личных средств во время народных бедствий, ничего не создавая для просвещения народа, поддерживая церковно-приходские школы и одарив Россию изобилием мощей, он жил, окруженный сетью охраны, под защитой со звероподобными и наглыми мордами. Отсутствие сердечности и взгляд на себя, как на провиденциального помазанника Божьего, вызывали в нем приливы горделивой самоуверенности, заставлявшей его ставить в ничто советы и предостережения немногих честных людей, его окружавших или с ним беседовавших» [6, с. 381].

Аудиенции, данные Николаем II, не принесли А. Ф. Кони положительных эмоций. «Обращаясь к непосредственным личным воспоминаниям, — заключает он, — я должен сказать, что никогда не выносил из кабинета русского царя сколько-нибудь удовлетворительного впечатления. Несмотря на любезность и ласковый взгляд газели, чувствовалось, что цена этой приветливости очень небольшая и, главное, неустойчивая». Почти такую же реакцию у Анатолия Федоровича вызывали «высокомилостивые приемы» у жены императора: «Нельзя сказать, что внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощанье. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны.

Но если мои личные воспоминания, относящиеся к периоду с 1898 до 1904 года, в общем и благоприятны, то я не могу того же сказать о ее деятельности в делах общегосударственных... Она презрительно и высокомерно относилась к просвещенной части русского общества, к Государственной Думе и даже к членам своей фамилии, пытавшимся указать ей на надвигающуюся опасность. Ей нельзя простить тех властолюбия и горделивой веры в свою непогрешимость, которые она обнаружила, подчиняя себе мысль, волю и необходимую предусмотрительность своего супруга. Она не любила русский народ, признавая в нем хорошим лишь монашество и отшельничество; она презирала его и ставила ниже известных ей европейских народов. Еще более нельзя ей простить и даже понять введение дочерей в круг влияния Распутина. Опубликованные в последнее время письма несчастных девушек к наглому и развратному «старцу» и их

имена на иконе, оказавшейся на шее его трупа, показывают, в какую бездну внутреннего самозабвения, ханжества и кликушества и внешнего позора огласки и двусмысленных комментариев повергла своих дочерей «Даршматская принцесса», ставшая русской царицей и почему-то воображавшая, что ее обожает презираемый ею русский народ...» [6, с. 386—388]. Да, богатству и глубине мыслей, высказанных А. Ф. Кони в очерке «Николай II (Воспоминание)», можно поражаться.

Примечательно, что суровый «приговор», вынесенный Анатолием Федоровичем образу жизни и деятельности царской четы, поддержал, едва ли не безоговорочно, С. Ю. Витте, превосходивший по уму, как считает историк А. В. Игнатъев, всех участников событий на российской политической сцене в конце XIX — начале XX века [4, с. 7].

Перелистаем мемуары Сергея Юльевича, видного государственного деятеля, председателя Совета Министров, талантливого реформатора и блестящего дипломата. Его характеристики людей, с которыми он общался, отличались хлесткостью, жесткостью и, главное, объективностью. И как контрастируют его суждения с выводами автора рецензируемой книги...

«С 1891 года закончивший образование 23-летний наследник престола, — с восхищением пишет И. Ордынская, — стал настоящим помощником в государственных делах для своего отца-императора... По мнению современников, было мало не только в России, но и в мире таких ярких, талантливых и хорошо образованных молодых людей в высшем свете и правящих домах, как наследник российского престола. Цесаревич Николай Александрович был прекрасно образован: владел в совершенстве несколькими иностранными языками — английским, французским, немецким, отлично знал русскую и мировую историю и географию, глубоко разбирался в экономике и военном деле. Будущий царь был широко эрудированным человеком: любил литературу, театр, музыку, прекрасно рисовал» (с. 16).

Витте С. Ю., не один год работавший бок о бок с последним императором, был куда более осторожен в оценке его достоинств и совершенств: «Я редко встречал так хорошо воспитанного человека. Воспитание это скрывает все его недостатки. В его характере немало черт Александра I (мистика, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I, который по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает

средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства... Ясно, как Божий день, что император Николай II, вступивши на престол совсем неожиданно, представляя собою человека доброго, далеко не глупого, но неглубокого, слабовольного, не был создан, чтобы быть императором вообще, а неограниченным императором такой империи, как Россия, в особенности. Основные его качества — любезность, когда он этого хотел, хитрость и полная бесхарактерность» [2, с. 597].

Столь же разительно отличны отзывы, которые дали жене Николая II И. Ордынская и С. Ю. Витте. Само собой разумеется, что автор рецензируемой работы аттестовала облик и поведение Александры Федоровны в самых розовых, идиллических тонах, не замечая у нее никаких недостатков. Будущая российская императрица (в детстве именуемая Алекс Дармштадтской) «росла в семье, окруженной родительской любовью, особенно она обожала свою мать. Алекс любила вся семья. Домашние звали ее «солнышко», это прозвище она получила за свой прекрасный, добрый, веселый нрав. Девочка была послушной, уравновешенной, аккуратной и обаятельной от природы... Поэтому живя в королевских резиденциях у бабушки принцесса Алекс тем не менее не была приучена к роскоши. Жизнь была устроена скромно. Никаких излишеств, никаких дорогих вещей. С детства привыкла обходиться без слуг. Ежедневное питание тоже было достаточно скудным.

Принцесса Алекс получила прекрасное домашнее образование. Любила литературу и музыку, сама отлично играла на рояле и пела, практически профессионально, замечательно рисовала, особенно акварелью. Очень много читала, и не только художественную литературу, но и религиозную и научную, особенно ее привлекала философия. Она защитила диссертацию по философии в Оксфордском университете» (с. 24—25). Словом, для И. Ордынцевой Александры Федоровны — ангел во плоти, а вот на страницах мемуаров С. Ю. Витте императрица предстает крайне неприятной и даже зловещей фигурой. Он выражает глубокое убеждение в том, что ее мистицизм и злая воля стали причиной трагических бед для населения России.

В связи с выходом замуж за Николая II, пояснил в 1914 году Сергей Юльевич, этой немецкой принцессе пришлось протестантскую религию поменять на православную: «Вообще это тяжело, а при ее узком и упрямом характере это было, вероятно, особенно тяжело. Как ни гово-

рите, а если мы, и в особенности русские люди, хулим субъекта, переменяющего религию по убеждению, то ведь не особенно красивый подвиг переменить таковую из-за благ мирских. Не из-за чистоты и возвышенности православия принцесса Alix решила переменить свою веру. Ведь о православии она имела такое же представление, как младенец о теории пертурбации небесных тел... С ее тупым, эгоистическим характером и узким мировоззрением, в чадую всей роскоши русского двора, довольно естественно, что она впала всеми фибрами своего «я» в то, что я называю православным язычеством, то есть поклонение формам без сознания духа. При такой психологии, окруженной низкопоклонными лакеями и интриганам, легко впасть во всякие заблуждения. На такой почве появилась всякого рода мистика» [2, с. 595].

Если бы Николай II, далее размышляет С. Ю. Витте, будучи человеком безвольным, сочетался браком с умной и возвышенной особой, то его недостатки могли бы в значительной степени уравновеситься ее полезными качествами: «К сожалению, этого не случилось. Он женился на хорошей женщине, но на женщине совсем ненормальной и забравшей его в руки... Может быть, она была бы хорошей советчицей какого-либо супруга — немецкого князька, но она является пагубнейшей советчицей самодержавного владыки Российской империи. Она приносит несчастье себе, ему и всей России. Если бы принцесса Alix сделалась в свое время какой-нибудь немецкой княгиней или графиней... [2, с. 596—597].

Ордынская И. питает очевидную слабость к семье последнего царя. Скажем больше, к каждому из ее членов — пожилому, молодому, только что появившемуся на свет — она относится благоговейно, коленапреклоненно: «Император Николай II Александрович, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, наследник цесаревич Алексей Николаевич — все они замечательные люди, которыми Россия может гордиться» (с. 8). И неужели никто из них не совершил ни одного проступка, ни разу не ошибся? В это нельзя верить. Во всяком случае, исторический опыт говорит о том, что такого быть не может. Вспомним хотя бы о Великой и Бессмертной Лениниане, согласно которой все члены семьи В. И. Ульянова со дня рождения и до смерти творили только благие дела и совершали необыкновенные деяния во имя счастья трудового народа.

Вопросы о возможных промахах, ошибках и заблуждениях «Святого» семейства Романовых И. Ордынская решает очень просто: она о них умалчивает. Так, важную, если не определяющую роль в судьбах и самого императора, и ведомого Российского государства сыграло событие, произошедшее 17 января 1895 года. В этот день Николай II, принимая в Зимнем дворце представителей от земства и городов, сказал: «Мне известно, что последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный Родитель». Эта речь, отмечают авторы учебного пособия по истории для педагогических вузов (под ред. А. Н. Сахарова), «произвела сильное впечатление в России. Одни приветствовали твердое слово государя, другие же, и таких было немало, выражали неудовольствие и даже возмущение... К началу XX века критическое отношение к самодержавию и к самодержцу стало признаком хорошего тона в кругах так называемого образованного общества, где пользовались популярностью либеральные идеи» [5, с. 481].

Как ни странно, но И. Ордынская в своей книге не сообщает ни о факте выступления Николая II с этой речью, ни тем более о бурной реакции на нее не только буржуазных кругов, но и представителей аристократии. Например, полковник Н. А. Епанчин подчеркнул: «На приеме (17 января 1895 года) произошел неприятный, тягостный эпизод. Надо отметить, что Государь свободно говорил речи, не прибегая к записи; он в таких случаях вполне владел собой, но в этот раз, вероятно, особая волнующая тожественность приема повлияла на настроение Государя, и в его речь вкралась ошибка. Желая сказать, чтобы не питали «беспочвенных мечтаний», он сказал «бессмысленных мечтаний», что, разумеется, произвело крайне гнетущее впечатление, дало пищу разговорам, пересудам по всей России и во всем мире. Разумеется, левые и революционеры усилили пропаганду, и все это причинило много вреда Государю и России.

Я нахожу, что даже выражение «беспочвенные мечтания» совершенно неуместно на приеме представителей, являвшихся принести Государю и его молодой супруге поздравления от лица всей России. Было бы достаточно отблагодарить их, обласкавать, а не пользоваться

именно этим случаем для объявления о пути, по которому новый монарх намерен вести Россию, это было бы проще и тактичнее, а волю свою объявить в манифесте 29 апреля 1881 года, что он будет править самодержавной властью.

Как я слышал, проект речи Государя составил Победоносцев, и если это действительно так, то он еще раз оказал дурную услугу царю и России» [3, с. 226—227].

Бесславная, бестактная, до известной степени скандальная речь Николая II не просто подмочила его репутацию, она серьезно подорвала авторитет последнего императора. Отказ от возможности построения демократического государства, заявление (причем в грубой, беспардонной форме) о сохранении традиционных самодержавных устоев знаменовали начало процесса банкротства отжившего режима. Надежды буржуазии, интеллигенции и части аристократии на конституционные преобразования рухнули. Мы уж не говорим о росте революционной агитации в рабочем классе и крестьянстве. 15 марта 1895 года германский посол фон Вердер с присущей ему тонкой наблюдательностью и беспристрастностью зафиксировал в своем дневнике: «В начале царствования им (Императором) увлеклись, превозносили все его действия и его речи до небес. Как теперь все изменилось! Начало перемене положила неожиданно резкая речь Императора... По всей России она резко критикуется» [7, с. 47].

Фиаско 17 января 1895 года стало убедительным доказательством неспособности Николая II решать сложные политические проблемы, вставшие перед Россией. Такое же отсутствие государственного ума он демонстрировал и в дальнейшем. Достаточно вспомнить Ходынку, расстрел демонстрации 9 января 1905 года, бесконечные конфликты с выдающимися государственными деятелями и ближайшими родственниками, глупое собственное назначение в 1915 году на пост главнокомандующего Российской армией и др. А ведь все это шаги к драме, к трагической развязке. Но перечисленные сюжеты И. Ордынская старается обойти стороной. И не всегда обоснованно.

Хорошо известно, какую важную роль сыграл в жизни царской семьи Г. Распутин. Историки спорят на эту тему не одно десятилетие. Кто же он? Демон [8] или ангел [1]? Хотелось бы узнать мотивированное мнение автора рецензируемой книги на этот счет. Но, увы. Она отделяется одной, ничего не значащей фразой: «31 декабря пришла весть об убийстве Григория Распутина» (с. 369).

Ордынская И. в «Предисловии» к своей книге высказала абсолютно правильное суждение: «Святая царская семья достойна того, чтобы в ее жизни была посвящена реальная история» (с. 8). Мы полностью согласны с ней. Однако рецензируемая книга никак не напоминает взвешенного описания радостей и печалей последних представителей династии Романовых. В ней нет анализа, серьезного и обстоятельного, жизненного пути царя, его жены, их детей. Все они предельно идеализированы.

Вместо реалистичного повествования читатели получили настоящую оду — только не стихотворную, а прозаическую. Главные действующие лица ежедневно — с раннего утра и до позднего вечера — совершают подвиги, творят добро, заботятся о своем любимом народе. Но что они получают в ответ? Широкие массы, интеллигенты, «либералы проклятые», революци-

онеры, даже многие аристократы сочиняют о Романовых гнусные небылицы, упрекают их в измене Родине, в служении интересам Германии. «Немка и ее дети, — возмущается от всей души И. Ордынская, — так называли в неблагоприятном народе императрицу и цесаревен с цесаревичем» (с. 7).

Закономерен вопрос: «Отчего же не только низы, но и верхи в России проявили такую неблагодарность по отношению к венценосной чете, почему не увидели никаких положительных сторон у нее, по какой причине окрестили Николая II «Кровавым»? Ведь тот же народ назвал Петра I «Великим», Александра II — «Освободителем», Александра III — «Миротворцем». Может быть, автору рецензируемой работы надо подумать о доле персональной вины последнего царя за развал Российской империи и гибель своей семьи?

Литература

1. Боханов А. Н. Григорий Распутин. Авантюрист или святой старец? / А. Н. Боханов. — Москва : Вече, 2012. — 288 с.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания / С. Ю. Витте. — Москва : Мысль, 1911 с. — 719 с.
3. Епанчин Н. А. На службе трех императоров / Н. А. Епанчин. — Москва : Наше наследие, 1996. — 563 с.
4. Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат / А. В. Игнатьев. — Москва : Международные отношения, 1989. — 336 с.
5. История России. С начала XVIII до конца XIX века. — Москва : АСТ, 2001. — 543 с.
6. Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. / А. Ф. Кони. — Москва : Юридическая литература, 1996. — Т. 2. — 503 с.
7. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. — Москва : Терра, 1992. — 640 с.
8. Радзинский Э. Загадки жизни и смерти / Э. Радзинский. — Москва : Вагриус, 2003. — 1247 с.
9. Хроника России. XX век. Календарь событий. — Москва : Слово, 2002. — 1104 с.

WAS NICHOLAS II THE PERSONIFICATION OF GOODNESS?

Review of the book by I. Ordynskiy "SAINT TSAR FAMILY"

(M.: Publishing house "Young Guard", 2022. 399 c.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
natalygtg1956@gmail.com

Many figures of those who headed the Russian state at different times became the objects of fierce disputes among historians, writers, publicists, and journalists. The reasons for the heated discussions are understandable. In most cases, behind the back of almost every leader of the country there have always been both achievements and failures of various sizes, and therefore it is not so easy to assess the overall contribution of a particular leader to the development of our state. Hence the serious theoretical battles around Peter I, Alexander III, Stalin, Khrushchev. But how can one explain the abundance of mutually exclusive assessments of the results of the activi-

ties of Nicholas II, whose assets turned out to be only serious miscalculations and woeful failures in pursuing domestic and foreign policy?

Key words: Alexandra Fedorovna, A. F. Koni, L. Tolstoy, betrayal, Rasputin, S. Yu. Witte, lack of will, mysticism, angel, faith, N. A. Yepanchin, Khodynka, January 17, 1895.

References

1. Bokhanov, A. N. (2012) Grigoriy Rasputin. Avantyryst ili svyatoy staretz? [Grigory Rasputin. Adventurer or holy elder?]. Moscow: Veche, 288 p.
2. Vitte, S. Yu. (1911) Izbrannye vospominaniya [Selected memories]. Moscow: Mysl, 719 p.
3. Epanchin, N. A. (1996) Na sluzhbe trekh imperatorov [In the service of three emperors]. Moscow: Nashe nasledie, 563 p.
4. Ignatyev, A. V. (1989) S. Yu. Vitte — diplomat [S. Yu. Witte is a diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 336 p.
5. Istoriya Rossii. S nachala XVIII do konca XIX veka [History of Russia. From the beginning of the XVIII to the end of the XIX century]. Moscow: AST, 2001, 543 p.
6. Koni, A. F. (1996) Sobranie sochineniy v 8 tomakh [Collected Works in 8 volumes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, vol. 2, 503 p.
7. Oldenburg, S. S. (1992) Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Terra, 640 p.
8. Radzinsky, E. (2003) Zagadki zhizni i smerti [Riddles of life and death]. Moscow: Vagrius, 1247 p.
9. Khronika Rossii. XX vek. Kalendar sobytiy [Chronicle of Russia. XX century. Calendar of events]. Moscow: Slovo, 2002, 1104 p.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ, ЮБИЛЕИ

УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ — 80 ЛЕТ

Герб Ульяновской области

(девиз региона «Опора души и державы» говорит о значении Ульяновской области как родины талантливых людей, на которых может опереться страна) [4]

19 января 2023 года Ульяновская область отмечает свой 80-летний юбилей. Рожденная в военные годы, она имеет богатую историю и по праву считается одной из самых красивых и ярких областей Поволжья, которую отличает многонациональный и многоконфессиональный колорит. Ульяновская область проделала большой путь становления и развития: она известна в России и за ее пределами как центр автомобилестроения, самолетостроения, сельское хозяйство радует рекордными урожаями, а наука — новейшими разработками. Выгодное географическое положение в центре промышленно развитого и густонаселенного Приволжского федерального округа делает область привлекательным центром логистических и транспортных схем федерального и международного уровня.

80 лет назад наша страна, именовавшаяся тогда СССР, переживала переломный момент в своей истории. Именно 1943 год ознаменовался для Советского Союза не только грандиозными победами, одержанными на фронтах Великой

Отечественной войны, но и многочисленными реформами.

Кардинальные перемены коснулись и административно-территориального устройства государства. Война показала необходимость разукрупнения многих регионов страны. В результате в 1943—1944 годах в СССР появились 13 новых областей. И первой в этом списке оказалась Ульяновская область, которая была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 года. В состав новой области вошли города Ульяновск и Мелекес и 26 сельских районов, 24 из которых были присоединены от Куйбышевской области: Астрадамовский, Базарно-Сызганский, Барышский, Богдашкинский, Вешкаймский, Инзенский, Карсунский, Кузоватовский, Майнский, Мало-Кандалинский, Мелекесский, Николо-Черемшанский, Ново-Малыклинский, Ново-Спасский, Павловский, Радищевский, Сенгилеевский, Старо-Кулаткинский, Старо-Майнский, Сурский, Тагайский, Тереньгульский, Ульяновский, Чердаклинский и два от Пензенской области: Николаевский и Барановский. Создание Ульяновской области позволило конкретизировать управление экономикой, наиболее полно использовать все ресурсы и возможности для оказания максимальной помощи фронту.

Являясь тыловым городом, Ульяновск с первых месяцев войны начал принимать эвакуированные предприятия из западных районов страны. На ульяновскую землю было эвакуировано 15 промышленных предприятий. Самым крупным из них был автомобильный завод имени Сталина из Москвы, который впоследствии стал Ульяновским автомобильным заводом. Крупнейшим промышленным предприятием являлся завод имени Володарского, откуда за все время войны на фронт ушло 4 млрд патронов. Каждый третий патрон был изготовлен в Ульяновске, каждая четвертая шинель для бойцов сшита из сукна, произведенного на ульяновских фабриках.

В городе также были размещены крупные организации союзного значения, в том числе

наркомат Военно-морского флота, управление тыла Волжской военной флотилии, наркомат Внешторга СССР, ряд научных и учебных учреждений. В военные годы за Ульяновском закрепилось название «кузница офицерских кадров». Здесь дислоцировалось 4 военно-учебных заведения наркомата обороны: пехотное, два танковых и училище связи. За время войны в них было подготовлено 12 тысяч офицеров. Было открыто 18 пунктов по приему и выдаче для обработки одежды военнослужащим, развернуто 26 военных госпиталей, где оказывали помощь раненым [4]. Население Ульяновска к январю 1943 года увеличилось более чем вдвое.

На заседании бюро обкома партии 11 февраля 1943 года было принято решение о создании областной газеты «Ульяновская правда» тиражом 36 000 экземпляров. Уже 18 февраля вышел первый номер «Ульяновской правды» с Указом Президиума Верховного Совета СССР об образовании Ульяновской области и обращении обкома партии и облисполкома. В обращении была выражена уверенность в том, что каждый ульяновец сделает все, чтобы вывести родную область в число передовых в Советском Союзе.

В послевоенные годы область продолжала развиваться. В 50-е годы была создана мощная строительная база. Важные события тех лет — пуск трамвая и ввод в строй в 1959 году телецентра. В связи со строительством Волжской ГЭС в конце 1952 года начались работы по сооружению нового речного порта. В эти же годы велось сооружение дамбы вокруг Володарского района, в дополнение к железнодорожному в 1958 году был построен автомобильный мост [1].

В конце 60-х годов к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина были возведены архитектурные сооружения, которые до настоящего времени определяют внешний вид Ульяновска: 23-этажная гостиница «Венец», железнодорожный вокзал, автовокзал, речной порт, аэропорт, новое здание педагогического института, Дворец пионеров, детская библиотека и др. Неузнаваемо изменился центр города, была заново отстроена улица Минаева, появились новые современные жилые кварталы в Железнодорожном и Засвияжском районах. В 1965 году на Ульяновском автомобильном заводе был освоен выпуск автомобилей марки УАЗ-452, грузовых автомобилей УАЗ-452Д и УАЗ-451ДМ, санитарных автомобилей УАЗ-452А. В этом же году дала первый ток Мелекесская атомная электростанция.

В 1965—1966 годах за успехи в развитии животноводства, получение высоких урожаев, увеличение производства и объемов реализации государству зерновых культур Ульяновской области неоднократно вручались переходящие Красные знамена Совета Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС).

20 апреля 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства Ульяновская область была награждена высшей наградой Союза Советских Социалистических Республик — орденом Ленина. Указ о награждении был опубликован 21 апреля 1966 года в газете «Ульяновская правда» [2].

Указ о награждении Ульяновской области орденом Ленина
(опубликован 21 апреля 1966 года в газете «Ульяновская правда» [2])

В 70-е годы большой размах получило строительство. В это десятилетие были сданы такие крупные объекты, как Дом быта, областная типография, новое здание фабрики КИМ, промышленный водовод, завод гидроаппаратуры, Ульяновский мебельный комбинат, кондитерская фабрика, Ульяновский гормолзавод, текстильный комбинат им. Гимова, Заволжский домостроительный комбинат и т. д.

80-е годы ознаменовались завершением строительства Ульяновского авиационно-промышленного комплекса. 30 октября 1985 года прошел испытательный полет первого самолета АН-124 производства УАПК. Были введены дополнительные мощности на автоагрегатном и автомобильном заводах, ТЭЦ-1, ТЭЦ-2, ТЭЦ-3, построены новое здание Областной научной библиотеки им. В. И. Ленина, здание Дома Советов, начато строительство Центра микроэлектроники.

Яркое событие тех лет — открытие филиала Московского государственного университета им. Ломоносова (ныне Ульяновский государственный университет). Постановление Совета Министров СССР об организации в Ульяновске филиала МГУ было принято в 1988 году. За короткий срок вуз смог занять ключевые позиции в образовательном и научном пространстве региона. Делая упор на приоритетные направления — авиационные, ядерные, лазерные и IT-технологии, здоровьесбережение, университет стал исследовательским, инновационным и культурным центром Ульяновской области. Сегодня Ульяновский государственный университет — один из ведущих вузов Поволжья, где обучаются более 12 тысяч студентов. 11 февраля 2023 года УлГУ отметил свой 35-летний юбилей.

К концу 90-х годов в области действовало более 400 крупных и средних промышленных предприятий. Автозавод разработал перспективные модели: джип УАЗ-3160, плавающий УАЗ-2746. Поставка легковых автомобилей осуществлялась в 25 стран. Во всем мире получил известность самолет «Руслан» производства АО «Авиастар». В число лидеров пищевой промышленности вышли ОАО Кондитерская фабрика «Волжанка», ООО «Витязь», АООТ «Ульяновскхлебпром». ЗАО «Авиакомпания «Волга-Днепр» осуществляла международные и внутренние воздушные перевозки пассажиров и грузов более чем в 60 стран мира. Было завершено строительство детской многопрофильной больницы в Ульяновске, лечебного корпуса онкодиспансера, новых корпусов Областного клинического госпиталя ветеранов войн [1].

В 2000-х Ульяновская область активно встраивается в новую модель индустриального мира. Перенастраивается местная промышленность, хотя приоритетными направлениями остаются автопром и авиастроение. Стратегической целью экономической политики области является усиление конкурентоспособности и привлечение инвестиций. Это напрямую связано с развитием на территории области транспортной и инженерной инфраструктуры. Ведущие направления — газификация региона, ремонт и реконструкция дорог.

В ноябре 2009 года в Ульяновске открывается второй мост через Волгу. Поскольку в церемонии принимают участие главы России и Азербайджана Дмитрий Медведев и Ильхам Алиев (его отец, Гейдар Алиев, в должности первого заместителя Председателя Совета Министров СССР визировал решение о начале строительства моста в 1980-х), мост получает официальное наименование Президентский.

Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2009 года № 1250-р был утвержден паспорт регионального инвестиционного проекта «Создание первой очереди промышленной зоны «Заволжье», реализуемого при государственной поддержке за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ. В сентябре свое производство в промзоне открывает первый резидент — американская компания «Марс».

В 2010-х началось возрождение ульяновского авиационного гиганта — «Авиастар-СП». В сентябре 2012-го состоялся первый полет новейшего тяжелого транспортника Ил-76-МД-90А, собранного в Ульяновске, а уже 5 октября в присутствии Президента Владимира Путина между «Авиастаром» и Министерством обороны РФ был подписан крупнейший в истории отечественного авиастроения контракт на поставку машин этого класса. Событие послужило толчком к развитию областного авиационного кластера и получению Ульяновском звания «Авиационная столица России». В области открываются новые производства, в частности завод «Аэрокомпозит-Ульяновск», где разработана уникальная технология по изготовлению крыла из отечественных композитных материалов для российского лайнера МС-21.

В 2019 году в Димитровграде начал функционировать Федеральный научно-клинический центр медицинской радиологии и онкологии ФМБА РФ, развивающий технологии ядерной медицины и ставший вместе с Димитровградским институтом атомных реакторов основой ядерно-инновационного кластера региона.

В юбилейный, 75-й год Великой Победы, 2 июля 2020 года был подписан Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина о присвоении городу Ульяновску почетного звания «Город трудовой доблести» за значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне, обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, располагавшихся на территории города, массовый трудовой героизм и самоотверженность.

По итогам 2020 года Ульяновская область заняла третье место в ПФО по показателям социально-экономического развития, чему способствовала сдача в эксплуатацию 5177 жилых домов общей площадью 1034,1 тыс. кв. метров.

Благодаря санкциям на новый виток вышло ульяновское авиастроение. «Авиастар» за 2022 год сдал пять самолетов Ил-76-МД-90А. Кроме того, возобновились переговоры о размещении у нас производства новых региональных самолетов и беспилотных летательных аппаратов.

Дальнейшее развитие получит ульяновская микроэлектроника — в декабре 2022 года Минпромторг РФ утвердил нашу область в числе пяти регионов, где будут открыты профильные промышленные технопарки. Это не только удовлетворит растущий спрос на микрочипы оборонно-промышленного комплекса, но и поможет нашим малым и средним инновационным предприятиям в коммерческом освоении научных разработок и монетизации имеющихся ноу-хау.

Ульяновская область — территория перспективного развития, где чтут достижения предков, ценят историю родной земли и ее вековые культурные традиции. Область уверенно смотрит в будущее, открыта для новых успехов в укреплении благополучия и в развитии своего социально-экономического потенциала, готова к новым свершениям и новым испытаниям.

Петрова Г. И.,

редактор Издательского центра,
Ульяновский государственный университет

Литература

1. Ульяновской области — 80! Как всё начиналось и чего достигло. — URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/ulianovskoi-oblasti--80-kak-vs-nachinalos-i-chego-dostiglo?ysclid=lgmaaihoq5859962770>.
2. Администрация Губернатора Ульяновской области. Управление по вопросам государственной службы и кадров. — URL: <https://kadr.ulgov.ru/news/1438/>.
3. Родилась в войну. «Ульяновск сегодня»: история Ульяновской области. — URL: <https://ulpressa.ru/2022/01/22/.../?ysclid=lgqj8jra9b808041242>.
4. Яркая и многонациональная: 80 лет со дня основания Ульяновской области (подготовлено по материалам Госархива Ульяновской области, сайта Правительства Ульяновской области и газеты «Ульяновск сегодня»). — URL: <https://rupor73.ru/obshchestvo/37216-yarkaya-i-mnogonatsionalnaya-80-let-so-dnya-osnovaniya-ulyanovskoj-oblasti>.

ULYANOVSK REGION IS 80 YEARS OLD

References

1. Ulyanovskoy oblasti — 80 let! Kak vse nachinalos i chego dostiglo [Ulyanovsk regionis 80 years old. How it all began and what it grew to]. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/ulianovskoi-oblasti--80-kak-vs-nachinalos-i-chego-dostiglo?ysclid=lgmaaihoq5859962770>.
2. Administratsiya gubernatora Ulyanovskoy oblasti. Upravlenie po voprosam gosudarstvennoy sluzhby i kadrov [Administrative office of the governor of the Ulyanovsk region. Civil service and human resources office]. URL: <https://kadr.ulgov.ru/news/1438/>.
3. Rodilas v voynu. "Ulyanovsk today": istoriya Ulyanovskoy oblasti [Was born during the war. "Ulyanovsk today": the history of the Ulyanovsk region. URL: <https://ulpressa.ru/2022/01/22/.../?ysclid=lgqj8jra9b808041242>.
4. Yarkaya i mnogonatsionalnaya: 80 let so dnya osnovaniya Ulyanovskoy oblasti [Bright and cosmopolitan: 80 years since the founding of the Ulyanovsk region (based on the materials of the State archive of the Ulyanovsk region, web site the Ulyanovsk region government and the newspaper "Ulyanovsk Today"). URL: <https://rupor73.ru/obshchestvo/37216-yarkaya-i-mnogonatsionalnaya-80-let-so-dnya-osnovaniya-ulyanovskoj-oblasti>.

НАШИ АВТОРЫ

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8-960-375-67-20.

Архипова Ирина Алексеевна — руководитель строительного профиля; Губернский колледж г. Сызрани; irsen-da@mail.ru; тел. 8-927-782-21-99.

Барсукова Светлана Ивановна — специалист; ПМГМУ имени И. М. Сеченова; uryupina1994@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Бимеева Альфия Равилевна — учитель истории и обществознания; Старокулаткинская средняя школа № 2 имени Героя РФ Р. М. Хабибуллина (Ульяновская область, р. п. Старая Кулатка); bimeeva93@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Вдовина Ольга Николаевна — студентка факультета математики, информационных и авиационных технологий; Ульяновский государственный университет; Ovdovina33@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Власова Ольга Олеговна — ассистент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет; rosaf2020@mail.ru; тел. 8-904-197-76-67.

Гемранова Анастасия Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Гурьянов Андрей Михайлович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры; Ульяновский государственный университет; gam69@list.ru; тел. 8-996-642-50-98.

Добрецов Андрей Валерьевич — концертмейстер высшей категории; Детская музыкальная школа им. В. В. Андреева (г. Москва, Россия); andr-dob@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Егорова Элеонора Валериевна — кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; Eleanor_63@mail.ru; тел. 8-906-390-86-86.

Andreeva Yuliya Vitalyevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8-960-375-67-20.

Arkhipova Irina Alekseevna — construction manager; Syzran Provincial Colledge; irsen-da@mail.ru; tel. 8-927-782-21-99.

Barsukova Svetlana Ivanovna — specialist; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University; uryupina1994@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Bimeeva Alfiya Ravilevna — History and Social Studies teacher; Old Kulatka School N 2 named after the RF Hero R. M. Khabibullin (Ulyanovsk region, Old Kulatka); bimeeva93@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Vdovina Olga Nikolaevna — student, Faculty of Mathematics, Information and Aviation Technologies; Ulyanovsk State University; Ovdovina33@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Vlasova Olga Olegovna — teaching assistant; Chair of English Language for Professional Activity; Ulyanovsk State University; rosaf2020@mail.ru; tel. 8-904-197-76-67.

Gemranova Anastasiya Dmitrievna — Candidate of Education; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-16.

Guryanov Andrey Mikhaylovich — Candidate of Pedagogics, associate professor, Chair of Physical Education; Ulyanovsk State University; gam69@list.ru; tel. 8-996-642-50-98.

Dobretsov Andrey Valeryevich — master-level leader of an orchestra; Children's Music School named of V. V. Andreeva (Moscow, Russia); andr-dob@mail.ru; tel. 8-953-981-69-91.

Egorova Eleonora Valerievna — Candidate of Philology, associate professor; Ulyanovsk State University; Eleanor_63@mail.ru; tel. 8-906-390-86-86.

Еремеева Елена Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета; Ульяновский государственный университет; eremeevaea68@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Ефремова Дарья Николаевна — магистрант направления «Социология культуры»; Ульяновский государственный университет; научный сотрудник; Ленинский мемориал (г. Ульяновск); dasa-efremova@mail.ru; тел. 8-906-140-76-75.

Игсанова Лейсян Ильфаковна — студентка направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; igsanovalli@mail.ru; тел. 8-999-194-61-87.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Каунова Наталья Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kaunova@mail.ru; тел. 8-927-632-45-55.

Каширин Валерий Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры; Ульяновский государственный университет; vak65@mail.ru; тел. 8-905-036-04-86.

Коновалова Лариса Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры; Ульяновский государственный университет; margosc@mail.ru; тел. 8-905-348-53-42.

Краева Александра Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии; Ульяновский государственный университет; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Крашенинникова Наталья Александровна — кандидат технических наук, доцент, директор Института международных отношений; Ульяновский государственный университет; kna.73@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Кузнецов Валерий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества, политологии и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kuznetsow_simb@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Лу Вэньчжу — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; lvenchzhu@bk.ru; тел. 8-911-247-54-35.

Eremeeva Elena Anatolyevna — Candidate of Law, associate professor; Chair of State and Administrative Law; Law Department; Ulyanovsk State University; eremeevaea68@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Efremova Darya Nikolaevna — master's degree student, specialty "Sociology of Culture"; Ulyanovsk State University; research scientist; Lenin Memorial (Ulyanovsk); dasa-efremova@mail.ru; tel. 8-906-140-76-75.

Igsanova Leysyan Ilfakovna — student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; igsanovalli@mail.ru; tel. 8-999-194-61-87.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Kaunova Natalya Evgenyevna — Candidate of History, associate professor; Ulyanovsk State University; kaunova@mail.ru; tel. 8-927-632-45-55.

Kashirin Valeriy Aleksandrovich — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Physical Education; Ulyanovsk State University; vak65@mail.ru; tel. 8-905-036-04-86.

Konovalova Larisa Viktorovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Physical Education; Ulyanovsk State University; margosc@mail.ru; tel. 8-905-348-53-42.

Kraeva Aleksandra Gennadievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; kraevalex@list.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Krashenninnikova Natalya Aleksandrovna — Candidate of Technical Sciences, associate professor, Director of the Institute of International Relations; Ulyanovsk State University; kna.73@mail.ru; tel. 8-903-339-98-88.

Kuznetsov Valeriy Nikolaevich — Doctor of History, associate professor, professor; Chair of National History, Politology and International Relations; Ulyanovsk State University; kuznetsow_simb@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Lu Wenzhu — Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; lvenchzhu@bk.ru; tel. 8-911-247-54-35.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; 7151mid@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Михайлова Ирина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; 44kd11@gmail.com; тел. 8-902-120-66-78.

Михеева Анастасия Вячеславовна — студентка медицинского факультета; Ульяновский государственный университет; nastyamv2003@icloud.com; тел. 8-904-186-05-95.

Насибуллина Ильнара Ахтамовна — студентка медицинского факультета; Ульяновский государственный университет; ilnaranasibullina23@mail.ru; тел. 8-892-270-02-98.

Окутина Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета; Ульяновский государственный университет; ocutina@mail.ru; тел. 8-902-217-62-10.

Петрова Гюзал Исхаковна — ведущий редактор Издательского центра; Ульяновский государственный университет; rio4@bk.ru; тел. 8(8422)67-50-30.

Рогова Дарья Викторовна — студентка специальности «Реклама и связи с общественностью»; Ульяновский государственный университет; dv.rogova@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Седунова Анастасия Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; asedunova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Скрипник Никита Алексеевич — студент направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; nisk.boos@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Талина Ирина Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; talapril@yandex.ru; тел. 8(8422)41-45-38.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Public Relations, Advertising and Cultural Science; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; 7151mid@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mikhailova Irina Viktorovna — Candidate of Psychology, associate professor, Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; 44kd11@gmail.com; tel. 8-902-120-66-78.

Mikheeva Anastasiya Vyacheslavovna — student, Medical Department; Ulyanovsk State University; nastyamv2003@icloud.com; tel. 8-904-186-05-95.

Nasibullina Ilnara Akhtamovna — student, Medical Department; Ulyanovsk State University; ilnaranasibullina23@mail.ru; tel. 8-892-270-02-98.

Okutina Natalya Nikolaevna — Candidate of Legal Sciences, associate professor; Chair of Criminal Law; Law Department; Ulyanovsk State University; ocutina@mail.ru; tel. 8-902-217-62-10.

Petrova Gyuzal Iskhakovna — leading editor of Publishing Center; Ulyanovsk State University; rio4@bk.ru; tel. 8(8422)67-50-30.

Rogova Darya Viktorovna — student, specialty "Advertising and Public Relations"; Ulyanovsk State University; dv.rogova@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Sedunova Anastasia Sergeevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; asedunova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Scripnik Nikita Alekseevich — student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; nisk.boos@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Talina Irina Vladimirovna — Doctor of Education, Professor; Chair of Pedagogics of Vocational Education and Social Activities; Ulyanovsk State University; talapril@yandex.ru; tel. 8(8422)41-45-38.

Точеный Михаил Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; УВАУГА; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-26-811.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; natalytg1956@gmail.com; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; zelenaya40@rambler.ru; тел. 8-908-478-20-79.

Ходжаян Елена Гукасовна — старший преподаватель кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения; Ульяновский государственный университет; elxo@yandex.ru; тел. 8-906-144-52-75.

Чичкова Елизавета Васильевна — студентка факультета математики, информационных и авиационных технологий; Ульяновский государственный университет; Shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Шишлова Ксения Максимовна — студентка юридического факультета; Ульяновский государственный университет; xenya.shishlova@yandex.ru; тел. 8-939-707-95-19.

Tocheniy Mikhail Dmitrievich — Candidate of Law, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-26-811.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; natalytg1956@gmail.com; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of National History, Regional Studies and Foreign Relations; Ulyanovsk State University; zelenaya40@rambler.ru; tel. 8-908-478-20-79.

Khodzhayan Elena Gukasovna — Senior teacher, Chair of Journalism, Philology, Document and Library Science; Ulyanovsk State University; elxo@yandex.ru; tel. 8-906-144-52-75.

Chichkova Elizaveta Vasilyevna — student, Faculty of Mathematics, Information and Aviation Technologies; Ulyanovsk State University; Shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Shishlova Kseniya Maksimovna — student of Law Department; Ulyanovsk State University; xenya.shishlova@yandex.ru; tel. 8-939-707-95-19.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана в **формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

ISSN 2224-1620

9 772224 162239

